

65
ЛЕТ

ТАК МЫ ЖИЛИ...

Комитет по культуре администрации города Перми
Центральная городская библиотека им. А.С. Пушкина
(Дом Смышляева)

ТАК МЫ ЖИЛИ...

Пермь 2010

УДК 94 (47.084.8)

ББК 63.3 (2Рос-4Пер)+63.3 (2) 622-2

Т 15

ISBN 978-5-904890-03-2

Книга рассказывает о судьбах
пермяков военного времени

Ответственный за выпуск Е. Клешина

© МУК ОМБ г. Перми, идея, составление, 2010

© Тексты статей, илл. авторов, 2010

Предисловие

Сотрудники Центральной городской библиотеки им. А.С. Пушкина (Дом Смышляева) при поддержке комитета по культуре администрации города Перми провели акцию «Так мы жили», посвященную 65-летию Великой Победы. Организаторы ставили перед собой цель — сохранение памяти о жизни нашего города в годы Великой Отечественной войны для современного и будущего поколений.

Участники акции, жители города Молотова периода 1941-1945 годов, и молодые пермяки, записавшие семейные истории военного периода со слов родителей, бабушек и дедушек, друзей и знакомых, собрали материал для этой книги.

Библиотека благодарит авторов сборника за создание уникального архива воспоминаний.

Часть 1. Воспоминания

Акинина Агния Александровна

Я родилась в 1938 году – вошла в грозные годы малым ребенком. Остались чувства, переживания...

Лето 1941 года запомнилось тем, что однажды стало как-то тихо и – сейчас могу сказать – тревожно. Сидим мы все за столом: мама Клавдия Григорьевна, отец Александр Матвеевич Чучин, я и сестры – школьницы Вера и Ольга. Мы прощаемся с отцом – он уходит на фронт. Утром проснулись – отца уже не было. Мама работала заведующей в детском саду. Я ходила тоже в этот садик, так что мы, в основном, там и питались. Еда, конечно, была самой простой, видимо, настолько простой, что ничего и не вспоминается. Но что за здоровьем детей следили, вовремя делали прививки – это помню. Отчетливо помню, как я пряталась от врачей, когда всем нам делали какие-то уколы.

Дома же основная еда шла с огорода и из леса. Грибы, ягоды на многие годы стали и едой и лекарством, и «живыми» деньгами, когда добычу продавали. А жили мы на станции Азиатская. Сестры после школы, служащие после работы на станции разгружали или загружали вагоны. Периодически ходили в лес на лесоповал.

Ранение в ноги отец залечивал в Улан-Уде. Когда вернулся домой, его перевели работать в город Котельнич. В городе был госпиталь. Школьники ходили туда как шефы. Писали письма для раненых, концерты устраивали. Однажды взяли меня на Новый год, чтобы я почитала раненым стихи. Строго наказали – у раненых ничего не брать из еды. Это был Новый год 1944-го. Настроение у всех уже было окрашено надеждой на скорое окончание войны. Я была одета в какой-то новогодний костюм. Прочитала несколько стихотворений, и один солдат, подозвав меня к себе, стал мне давать кусочек сахара. Я разрыдалась, так как одновременно боролась два чувства – хочу и нельзя. Солдат испугался моих слез, а сестры быстро увели меня домой, похвалив, что я не взяла сахар.

В 1 класс я пошла на Украине в городе Ямполь. Дома многие были разбомблены, у школы был один этаж, а второго не было. О победе узнали рано-рано утром 9 мая в городе Ямполье. Летали самолеты, из них вниз летели листовки. Люди ловили эти листовки, смеялись, плакали, обнимались. Радость была огромной,

но и слез было много, так как оплакивали погибших, тех, кто не дожил до Дня Победы.

Белавина Тамара Аркадьевна

В годы Великой Отечественной войны я не была на фронте, не видела и не испытала обстрелов, бомбежки. Но зато на всю жизнь запомнились те трудности, которые выпали на долю тружеников тыла.

С первых дней войны семнадцатилетней девчонкой пошла работать на завод им. Молотова (позже завод им. Ленина). Начинала в конструкторском бюро копировщицей, чертежницей, а потом назначили конструктором. Вот так работала и училась на вечернем отделении механического техникума без отрыва от производства. Это всегда трудно – работать и учиться. А в ту пору было особенно тяжело. Не было света, не хватало пайки хлеба, не говоря уже об учебниках, бумаге и пособиях. Конспекты писали на чистых полосках от газет. Уроки приходилось готовить при свете коптилки.

Бывало, прочтешь несколько строчек конспекта, и в глазах рябит, строчки сливаются, на сон тянет. А утром рано опять на работу. Опаздывать нельзя! Вообще – то работали мы по 12 часов. Но если требовалось, то и сутками не выходили с завода. Помню, подойдешь в цехе к станку, чтобы «заснять» сломавшуюся деталь и ее размеры, а у станка стоит мальчишка на деревянной подставке, еле-еле достает до рукоятки станка. В цехах было холодно. От металла мерзли руки. А этот мальчишка старается, работает. Перед ним на станке мелом написано: «Все для фронта – все для победы!»

Выходных дней почти не знали. Но мы успевали работать и учиться, даже выкраивали время ходить в госпиталь помогать раненым писать письма домой и читали им письма, пришедшие из дома. Свежи в памяти незабываемые дни, когда труженики нашего завода, нашего цеха по вечерам собирались «на посиделки».

Знали мы, что на фронте бойцы нуждаются в теплой одежде, теплом белье. Вот и помогали, чем могли. До сих пор мне памятен вечер в квартире коммунистов Анисимовых: Виктора Михайловича и его жены Александры Васильевны. Виктор Михайлович был парторгом, а Александра Васильевна – женским организатором в

центральном инструментальном складе завода. Активная и веселая, она всегда умела объединить нас. Наши девушки и женщины шили белье, рукавицы для фронтовиков. У меня долго хранилась выкройка рукавицы с двумя пальцами – в такой бойцам было удобно стрелять. А сколько сшили и вышили носовых платков и кисетов. Наполним кисеты доморощенной махоркой и посылаем на фронт бойцам.

На посиделках пели песни, делились впечатлениями о положении на фронтах. Газеты и сводки Совинформбюро нам читал Виктор Михайлович. До слез огорчались, когда враг захватывал наши города, хотелось сделать как можно больше, чтобы приблизить разгром ненавистных фашистов.

Посиделки заканчивались чаепитием. И каким вкусным казался морковный чай, особенно если был сахарин. А лепешки из высушенных картофельных очисток! Казалось, вкуснее их не может быть, если они поджарены на рыбьем жире.

Остались в памяти и дни, когда труженики тыла нашего завода начали строительство второй ветки железной дороги, чтобы ускорить отправку эшелонов с продукцией завода на фронт. Каждому нужно было вырыть не меньше пяти кубометров грунта. А выход на работу учитывался в личных книжках. У меня долго хранились эти два розовых листочка книжечки, как память о мужестве, негибваемости советских женщин и всего нашего народа.

А за работу на железной дороге давали по два пирожка с капустой.

Я очень сожалею, что сейчас не помню фамилии многих моих товарищей, соотечественников, которых уже нет в живых.

Но есть высокая справедливость в том, что с бывшими солдатами нынче чествуют и нас – ветеранов труда, ветеранов тыла.

В канун 65-летия Победы над фашизмом мне хочется пожелать всем – мира. Мира для созидательного труда, для счастья молодого поколения!

Мой муж Белавин Геннадий Васильевич родился в 1924 году 20 августа.

Когда началась Великая Отечественная война, Геннадий, после окончания 9 класса, пошел работать на завод им. Молотова, в инструментальный цех № 46 учеником слесаря-лекальщика.

Одновременно он учился в Молотовском механическом техникуме на вечернем отделении без отрыва от производства. После

окончания техникума в 1947 году, получив диплом, он занимал ответственные должности в разных цехах завода.

Помню, к 50-летию Дня Победы в газете «Звезда» были опубликованы воспоминания Белавина Геннадия Васильевича о том, как в конце 1941 года молодые сборщики Молотовского завода сопровождали подарок – груз военной техники на фронт.

Вырезку из газеты со статьей выслали Геннадию Васильевичу сотрудники редакция газеты «Звезда».

«Звезда» на фронте

В КОНЦЕ 1941 года работал я на Мотовилихинском заводе сборщиком. Поручили нам, трем комсомольцам, вручить войнам подарок — 28 зачехленных гаубиц МЛ-20. Когда погрузка была закончена, кто-то из дежурных передал нам в теплушку толстый рулон, пережатый инурном. Это оказалась 11-месячная подписка «Звезды» за 1941 год. Дня солдаты, сопровождавшие артиллерию, читали газеты в дороге днем и ночью — так соскучились они по новостям.

Город Нязьма, куда мы прибыли, часто подвергался бомбежке. Несмотря на это, военные решили устроить митинг. Командир подразделения генерал-полковник Бугров тепло поблагодарил в нашем лице всех мотовилихинцев пушкарей за подвиги, которых они очень ждали. Потом один из офицеров передал генералу подписку «Звезды» и что-то шепнул. Генерал полистал газеты, улыбнулся и для утешения подарил все номера солдатам. «Пусть читают, как из отца и матери трудятся в тылу!» — сказал он при этом.

Вот такая была история. Так что сейчас о закрытии газеты в связи с финансовыми недоработками, считаю, не может быть никакой речи.

Г. БЕЛАВИН.

ветеран труда с 54-летним стажем.

г. Пермь.

P.S. Удивительное совпадение — День Победы и день моего рождения...

Бондаренко Василий Семенович

Говоря о Великой Отечественной войне, трудно подобрать к слову «тыл» более точное определение, чем — «сражающийся». Действительно, тыл, как и фронт, был передовой линией огня, где шла самоотверженная борьба с врагом.

Вся тяжесть обеспечения фронта необходимым легла, в основном, на женщин, стариков и подростков, ведь мужчин оставили в тылу только на особо важных для обороны участках и у руководства.

С началом войны Указом Президиума Верховного Совета СССР в стране был введен двенадцатичасовой рабочий день. Отменялись выходные и праздничные дни, очередные отпуска для работающих. Отдыхать, когда шла война, было непозволительной роскошью. Было введено строжайшее нормирование на хлеб и продукты питания.

Из розничной торговли исчезли промышленные товары первой необходимости. Народное хозяйство страны перестраивалось на военный лад. Перестраивались не только промышленные предприятия, транспорт и стройки. Перестраивалось все, что хоть чем-то могло помочь фронту. Кустарные промартели, швейные и сапожные мастерские поставляли кровати для госпиталей, шили солдатское белье и гимнастерки, катали и реставрировали валенки, делали снарядные ящики, лыжи и т.д. Даже учреждения культуры меняли свой репертуар, исходя из требований военного времени. Были отменены увеселительные мероприятия.

Александровский машиностроительный завод. В последнем предвоенном году на нем трудились 1500 человек. Выпускал он мирную продукцию для шахт. Буквально в первые дни войны на фронт были призваны сотни квалифицированных рабочих. Оголились рабочие места, приутих заводской шум. Но ненадолго.

На смену ушедшим на завод вернулись люди пенсионного возраста, пришли женщины-домохозяйки, учащиеся 6-10 классов Александровской средней школы, учащиеся ремесленного училища № 6, созданного при заводе в 1940 году.

Уже к августу 1941 года все 650 человек учащихся училища стояли на рабочих местах, в 1942 году из их числа завод принял в свой состав 460 человек набора 1940 года с присвоенными разрядами, что составило 20% всего личного состава завода.

Осенью 1941 года в Александровск прибыло три железнодорожных эшелона со 109 единицами оборудования эвакуированного Торецкого машзавода из города Дружковки Донецкой области. С ним около 650 человек рабочих, ИТР и служащих, а также один эшелон с 32 единицами оборудования оборонного завода «Красная Гвардия» из Калуги и около 100 человек работающих.

К сожалению, не все, что отгружалось, прибыло. По пути следования было потеряно несколько вагонов, два паровоза, железнодорожный кран и другое имущество. Из 159 единиц отгруженного металлорежущего и кузнечно-прессового оборудования на завод прибыло только 107, приехало около 600 человек работающих. Работники Торецкого завода до середины 1942 года продолжали розыски остальных вагонов. Кое-что позже пришло не завод, но многое в той обстановке так и не было найдено. Не дошла до места назначения и пожарная часть.

Конный обоз тоже не дошел до Александровска. Старые и больные лошади не выдержали столь длительного перехода, и часть из них пала в дороге от бескормицы и истощения, часть была оставлена в колхозах и других организациях, а те, что посильнее, были мобилизованы воинскими частями.

Вот образец «документа» того суматошного времени. На клочке бумаги карандашом написано:

«Расписка.

Мною, нач. штаба воинской части (номер не разборчив) мобилизован конь. Нач. штаба л-т Е. Никоноров. 30.10.41».

А вот другой документ:

«Расписка.

Я нач.конного обоза Торецкого маш.завода Алексеев И.И. в попутном колхозе «Восход» оставил коня с упряжью масти гнедой, по кличке «Жетон», 12 лет. По причине подбоя ног.

Нач.конного обоза Алексеев

Ветеринарный врач Филиппенко

Председатель колхоза «Восход» Плотников.

02.11.41».

Кроме Торецкого, в ноябре 1941 года в Александровск прибыла небольшая часть Калужского оборонного завода «Красная гвардия» – один эшелон с 32 единицами станков и около 100 человек работающих. В том числе руководители: Ермак, Блинов, Скворцов, Фадеев, Кузнецов, впоследствии возглавившие производство и на Александровском заводе, а первые два были директорами.

Многие приехали с семьями. Размещались прибывшие, как правило, на частных квартирах, а также в наспех построенных бараках, школе, бывшей церкви, и в других малопригодных помещениях.

Для размещения прибывшего оборудования в кратчайшие сроки были построены два деревянных механосборочных цеха № 2 и 5, которые уже в 1942 году выдавали продукцию. Строительство цехов велось круглосуточно, ночью – при свете прожекторов. Еще не были полностью закрыты крыши зданий, а станки устанавливались и запускались в работу.

В первые месяцы войны Торецкий завод освоил изготовление корпусов мин к полковым минометом диаметром 120 мм. корпусов авиабомб и бронированных колпаков к долговременным оборонительным точкам (дотам).

Дружковцы, прибыв на Александровский завод, привезли с собой отработанную технологию и оснастку на изготовление корпусов мин и авиабомб. Поэтому внедрение и изготовление их на новом месте не составило большого труда. А калужане, привезя с собой отработанную технологию и оснастку, тоже без особого труда внедрили на заводе изготовление ротных минометов калибра 50 мм.

Научить в кратчайшие сроки производительно работать вчерашних школьников и домохозяек – задача не из легких. Поэтому обучение профессиям в ремесленном училище велось по сокращенной программе. В индивидуальном обучении упор делался на практическое овладение навыками в работе. Таким образом, новички в минимальные сроки становились самостоятельными рабочими и могли успешно трудиться. Среди них был и я, в свои 15 лет ставший фрезеровщиком, а затем – зуборезчиком (многостаночники особенно ценились).

Когда стала ощущаться нехватка учащихся при комплектовании ремесленного училища из местного населения, то стали присылать молодежь 14-16 лет для учебы в училище из Коми-Пермяцкого национального округа. Всего за время войны через училище прошло 950 выходцев из округа.

Выпускники училища работали не только на Александровском заводе, сотни их по разнарядке трудились в Луньевке на заводе «Гидропривод», эвакуированном из Харькова. Этот завод выпускал насосы к танкам. Немало выпускников училища работало на Кизеловском заводе «Арсенал», эвакуированном из Киева. Многие направились на заводы Перми.

Как известно, до войны немногие женщины работали на заводе. Местное население жило в своих домах, содержало домашних животных, огороды. Война заставила пойти их на завод, так как зачастую они оказывались единственными кормильцами в семье. Ведь у многих мужья и сыновья были на фронте. Поэтому к концу войны количество женщин на заводе составляло 45%. Это была большая сила.

Следует учесть то обстоятельство, что в 1943-1945 годах количество призываемых в армию значительно сократилось. Это объясняется тем, что с 1943 года на завод распространилось Постановление Совета Народных Комиссаров СССР об отсрочке от призыва, на основании которого, учитывая выпуск заводом военной продукции, квалифицированные специалисты и рабочие основных профессий, имеющие пятый и выше разряд, бронировались за заводом и освобождались от призыва.

Пик же призыва в действующую армию пришелся на вторую половину 1941-го и 1942 год. По моему мнению, по самым скромным и осторожным подсчетам за все годы войны на фронт с завода ушло не менее двух тысяч человек. Половина из них не вернулась.

Наряду с мировой продукцией, заводом в кратчайшие сроки были освоены и серийно выпускались военные заказы: минометы и огнеметы, корпуса мин и фугасных авиабомб, орудийные лафеты и специальные прицепы для зенитных установок.

Для выпуска продукции не хватало многих видов материалов, подъемных механизмов, электроэнергии, топлива, инструментов.

Особенно донимал людей холод: из-за маломощной котельной, недостатка угля цеха отапливались плохо. Руководство завода вопрос с теплом решило весьма оригинальным способом. На завод было пригнано пять списанных паровозов, с них сняли паровые котлы и (примерно на месте существующего служебного корпуса цеха № 5) установили на фундаменты, сделали укрытия, подвели железнодорожную ветку для подвоза угля. И тепло от паровых котлов подключили в заводскую тепловую сеть. Таким образом, вопрос с теплом был решен. Это временная парокотельная просуществовала до начала 1950-х годов.

Продолжительность рабочей смены – 12 часов, но люди трудились, не считаясь со временем, порою сутками не покидали цеха. Руководство завода, многие начальники цехов и отделов практически были на казарменном положении. Для кратковременного отдыха в кабинетах стояли казенные койки.

Вся работа в тылу была подчинена требованиям фронта. «Все для фронта – все для победы», «Не выполнил задание – не оставляй цех», «Чем ты помог фронту?» Это были не просто лозунги. Это было смыслом и содержанием жизни в то суровое время.

Скидок на молодость и отсутствие опыта не было ни кому. Задание должно быть выполнено при хорошем качестве. На заводе работали два военпреда по фамилиям Блейвас и Козитский, которые после приемки военных изделий работниками отдела технического контроля производили финальную, т.е. окончательную приемку изделий. Принимали очень придирчиво и никаких компромиссов не допускали. Если первый, старший лейтенант Козитский, был строевым кадровым офицером, то второй, Блейвас, имевший инженерно-техническое образование, был привлечен с гражданки. Ему было присвоено звание лейтенанта, носил он военную форму, но внешний вид его выдавал сугубо штатского человека. На заводе они находились

на привилегированном положении. Работники завода старались не вступать с ними в пререкания. Мне неоднократно приходилось иметь дело с военпредами при сдаче военных изделий.

И все-таки, несмотря на сложные, порой экстремальные условия, люди проявляли высокую сознательность, массовую трудовую самоотверженность. Из многих эпизодов того времени помню такой. В цехе № 2 на зуборезном станке фирмы «Рейнеккер» требовалось нарезать зуб у партии звездочек. Но, как на грех, на станке вышел из строя механизм вертикальной механической подачи. Для ремонта его не было времени, да и некому было отремонтировать, так как это было во вторую, ночную смену. Тогда к станку приставили двух подростков-учеников, которые попеременно крутили рукоятку подачи 12 часов подряд, т.е. до тех пор, пока не нарезаны были звездочки и выполнено задание.

Или вот еще один эпизод тех далеких лет. На расточке и нарезке резьбы на горловинах корпусов мин работал молодой токарь Борис Машьянов. Он отработал свою двенадцатичасовую смену, но сменщик по какой-то причине не пришел, заменить же его было некому, а срывать задание – нельзя. Борис остался на вторую смену, а потом снова заступил уже в свою. В общей сложности он отработал подряд три смены, т.е. 36 часов. Его усталость была так велика, что он не смог уйти домой и тут же у станка уснул. Таких примеров было множество.

А вот пример другой. Нашими войсками в 1943 году был освобожден город Дружковка. Поскольку в цехе и, в особенности, на сборочном участке работало немало эвакуированных дружковцев, то в этот день в цехе царило необычайно приподнятое настроение. Люди поздравляли друг друга. Это настроение передавалось и другим работающим. И вот на сборочном участке слышим украинские песни. То дружковские товарищи, стоя у верстаков, не отрываясь от дела, пели. Вместе с ними в тот день на сборке с группой работников заводоуправления с вечера и до утра трудился в качестве слесаря-сборщика тогдашний главный инженер, впоследствии директор завода, Иван Иосифович Ермак. Они пришли на помощь слесарям-сборщикам после своей основной смены, чтобы помочь закончить программу месяца.

За самоотверженный труд в годы войны коллективу завода присуждено переходящее Красное знамя Наркомата угольной промышленности и Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов (ВЦСПС) и передано на вечное хранение. Это знамя находится в областном Музее боевой и трудовой славы

Прикамья. 700 человек трудящихся завода за добросовестный и безупречный труд награждены медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». А главный инженер Иван Иосифович Ермак был единственный человек на заводе, кто удостоен, в числе прочих наград, боевых орденов Красной Звезды и Отечественной войны II степени.

Прошло 65 лет после окончания Великой Отечественной войны, и сегодня невольно вспоминаются люди, самоотверженно трудившиеся в то суровое и тревожное время, своим трудом приближавшие час долгожданной Победы. К сожалению, многих уже нет с нами. Но еще немало ветеранов, пришедших подростками на завод в те далекие военные годы, связавших свою судьбу с трудовым коллективом, которые живут и здравствуют среди нас. Многие из них отдали производству по 40-50 и более лет, проявив при этом завидное постоянство и преданность родному заводу.

Вспоминаются сотни людей: среди них начальник цеха, добрейший души человек, приезжий Михаил Андреевич Ерохин, Александр Николаевич Сухерман, зам. начальника Михаил Сергеевич Скворцов. Начальники смен Виктор Александрович Ковалевский и дружковец Роман Иванович Базаринко, мастера механического участка Михаил Никифорович Мишагин, Афанасий Васильевич Окунев и Дмитрий Давыдович Попов. Начальник фрезерного участка Шарапов Петр Григорьевич, мой сменщик, мастер фрезерного участка Анисим Кузнецов, мастер инструментального отделения Александр Сергеевич Панфилов, мастера сборки Николай Иванович Чебатарев и дружковец Василий Емельянович Пеларь, он же парторг цеха. Контрольный мастер, старейший работник цеха Николай Иванович Касьянов. Мастер зуборезного участка Анатолий Дмитриевич Найданов, зуборезчики Дмитрий Степанович Нетунаев и Иван Андреянович Карпов. Помню планировщиц Фаю Механошену и Раю Лифшиц, распреда Анну Федоровну Шелунцову, калужанку старшую табельщицу Веру Константиновну Тихонову, комсоргов цеха Раю Журавлеву, Михаила Берльнда и Валерия Давыдова. Помню токарей Ивана и Николая Осычкиных и их сестру Шуру, Николая Клевцова, Геннадия Томковида и Валерия Густырева, Герасима Попова и дружковцев Семена Чульского, братьев Виктора и Валентина Статкиевских. Помню фрезеровщиц молодых девушек из Коми-Пермяцкого округа Риту Анучину, Мику Маркову, Катю Ванькову, Раю Приферанскую, Манефу и Любу Тотьяненьих, дружковок Розу Гуревич и Веру Есинецкую, местных девушек Аню

Ракшину, Таню Цикину, Таню Бутарину, Розу Хусниморданову и кадровых фрезеровщиков Николая Ивановича Бабкина, Василия Ивановича Давыдова и Антонину Константиновну Ларионову. Сверловщики Любовь Ивановна Овчиникова, Мария Толстокорова, Соня Тимшина и дружка Тамара Беденко, мобилизованная долбежчица Идея Степанова. Строгальщики Прасковья Деевна Шерстобитова и мобилизованный кореец Тен Хен Сон, расточник Макар Шерстобитов и калужанин Антон Антонович Иванов, слесари-сборщики Кирилл Иванович Нетунаев, Федор Александрович Березин, Виктор Ляпин и Александр Сергеев, слесарь по ремонту оборудования Осип Овчинников, раздатчики инструмента Мария Семеновна Попова и Миля Денисова. Разметчики Михаил Иванович Ужегов, Анатолий Архипов и дружковец Иван Ищенко и многие, многие другие, всех назвать просто невозможно.

Навсегда останется в памяти день 9 мая 1945 года. Все ждали экстренных сообщений и уже были как-то подготовлены к этому, но когда рано утром 9 мая диктор Центрального радиовещания Юрий Левитан своим неповторимым голосом передал сообщение от Советского Информбюро – весть о капитуляции Германии и победоносном завершении войны – радости и ликования не было предела.

Бывший механосборочный цех № 2, восемь часов утра. Обе смены – и ночная, и дневная – во время пересменки собралась на главном пролете. Из ночной никто не уходил домой. Хотелось еще и еще раз услышать эту радостную весть и пережить эти волнующие минуты. Все посматривали на входную дверь в ожидании кого-нибудь из руководства. И вот появился начальник цеха Александр Николаевич Сухерман. Бравой походкой улыбающийся подходит к собравшимся. И в этот момент наш цеховой весельчак и балагур Володя Чеботаев скомандовал: «Качать начальника!» И не успел тот опомниться, как десяток молодых рук с возгласами: «Качать начальника, даешь Одессу!» подхватили его, и давай подбрасывать (он, помнится, был одессит). И наш строгий начальник великодушно простил нам нарушение субординации по такому поводу.

Тут же стихийно возник митинг. Не обошлось и без слез. У многих ведь погибли мужья, отцы, братья, сыновья, другие родственники. Вот в стороне стоят в слезах две молодые солдатские вдовы – Любовь Ивановна Овчинникова и Мария Львовна Лоскутова, потерявшие мужей в первый год войны.

Почти всю войну проработали они сменщицами на одном сверлильном станке. Были стахановками.

После цеха был митинг на заводской площади. В этот день мало кто работал, и начальство, видя это, на все махнуло рукой. Какая там работа, когда такая радость. Нет, такое не забывается никогда.

Люди, пережившие войну, помнят и черный день 22 июня 1941 года, и светлый день 9 мая 1945 года. В канун 65 годовщины Великой Победы я самым сердечным образом поздравляю александровцев и желаю всем, особенно ветераном, доброго здоровья, благополучия и еще долгих лет жизни.

С праздником уважаемые земляки, с Днем Победы!

Булгаков Леонид Иванович

Моего отца вместе с семьей репрессировали в 1933 году из Курской области в Карельскую республику, Медвежегорский район, на лесозаготовки.

В октябре 1941 года к нам приближалась линия фронта. Вечерами хорошо были видны всполохи и слышен гром канонады. Потом, суток двое от линии фронта через нас шло огромное количество домашнего скота (лошади, коровы, овцы, козы). Потом немцы начали нас бомбить, потому что на станции Кяппесельга формировались составы для фронта.

Через несколько дней нас, видимо, как неблагонадежных, погрузили в вагоны и эвакуировали в Пермскую область, Добрянский район на Голубятский лесоучасток заготовливать лес.

В 1942 году отменили хлебные карточки для иждивенцев, детей и стариков. Поэтому я с января 1942 года пошел работать прицепщиком к трактору по вывозке леса. В 1943 году нашего тракториста взяли на фронт. Я, естественно, стал трактористом, а сын тракториста стал прицепщиком. Мне – 15, а ему – 14 лет (как сейчас сказали бы, команда).

Теперь о конкретной истории, которую можно назвать «как старики и дети помогали фронту». В марте и в начале апреля эти события повторялись в 1943-м, 1944-м, 1945-м (я позже узнал, почему эта операция проводилась только в эти полтора месяца каждого года). Дело в том, что береза в этот период имела самую низкую влажность. Это позволяло заготовливать оружейную

болванку для автоматов без коробления и растрескивания, т.е. выше качеством.

Опытным дедушкам предлагалось за хлебную карточку выбирать стройные березы, валить их, кряжевать на чурбаки, тесать заготовки лож автоматов и складывать их в штабеля.

И вот подростки, девочки и мальчики, за те же карточки по тропам, которые протоптали дедушки, таскали эти заготовки, кто волоком, кто на санках, а кто на плечах, к основной дороге, а это могло быть до километра.

После эти заготовки грузили на тракторные сани. Этот важный груз я обязан был отвести за 40 километров на причал реки Кама в город Добрянка.

Далее от Добрянки до Ижевска болванка доставлялись, видимо, баржей. Но без казуса не обошлось. Вот один случай, который мог повлиять на мою судьбу, но все обошлось благополучно.

Когда я повез первый раз, заправку трактора не рассчитал, не хватило топлива на два километра. И мне пришлось, чтобы доехать до причала, заправить бункер трактора этими болванками, ну, штук 15 израсходовал...

В военное время учет был строгим, за расточительство спрашивалось серьезно. Меня спасло от суда то, что нас, трактористов, на лесоучастке было только трое. И нас троих трактористов поставили на бронь, т.е. освободили от призыва.

Станет понятным суть дела, если я скажу, что в то время в лесной промышленности тракторы и автомобили работали на березовой газочурке (березовые чурочки сгорали в бункере, образуя газ, который поступил в двигатель). На этом древесном газе работали все двигатели времен войны.

Так продолжалась моя работа трактористом на лесоучастке до 1948 года. В апреле 1948 года меня призвали в армию, где я прослужил до ноября 1951 года.

Потом женитьба и учеба в вечерней школе. После окончания школы был направлен в Свердловский институт повышения квалификации. По окончании его работал в лесной промышленности на разных должностях. И так доработал до пенсии. У меня трое детей, внуки и правнуки.

Вспоминаю военные годы с удовольствием, жил и работал не зря. В конце 1945 года меня наградили медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». А потом были юбилейные медали, их сейчас штук восемь. Внуки играют.

Власова Елизавета Андреевна

Я, Власова Елизавета Андреевна, 1929 года рождения, по метрикам: город Ленинград, Волгоградского района. Отца, матери нет. 26 апреля мне будет 81 год. Бывшая воспитанница детских домов.

Когда пошла в школу, мне в детском доме дали отчество по вождю Жданову Андрею Андреевичу. Отца и мать не знаю.

1941 год. Война нас застала на даче в 60 километрах от Ленинграда. Во время праздника дня физкультурника. Был, конечно, переполох. Недалеко от нас был аэродром, и сразу появились в лесу десантники. Мы, конечно, без разрешения убежали в лес и предупреждали воспитателей о появлении подозрительных

мужчин.

Эвакуацию объявили немедленно. Помню, состав был длинный с Финского вокзала. Эвакуировали одних детей. Из детского дома № 14 и наш детский дом № 26. Останавливались везде. Дорогой

была все время бомбежка, стояли по несколько дней, то из-за ремонта дороги, то эшелоны пропускали на фронт. Погода стояла жаркая, воды не давали, говорили, что вода на станциях была отравлена. Нас, детей, когда стояли, ставили цепочкой в ряд, где был ключ, и передавали друг другу посуду с водой в общий котел, чтобы сварить кашу.

Приходилось ночью убежать из вагона, падая с насыпи, чтобы напиться. Ехали мы в товарняках. Было очень тесно, душно, без воды, без умывания – всего не опишешь.

Ехали примерно 15-20 дней до города Молотова, наконец, нас привезли на станцию Пермь II – накормили, поселили, помню, в церкви, мы спали на соломе. Здесь и расформировали состав: детский дом № 14 отправили в город Очер. А наш детский дом № 26 в село Сива, от Верещагино 40 километров. Везли на подводах, в грязь. На полях стояла неубранная пшеница, овес сплошной, лес

подсолнухов. Было начало сентября. Поселили нас в здании школы, детей было 150 человек, без сотрудников. Конечно, теснота, электричества уже не было. В коридорах висели керосиновые лампочки, печное отопление, но без дров, комнаты холодные.

1942 год. Началась вербовка в город Молотов. Завербовали старших, отправили на Ленинский, Дзержинский заводы. Ну, а мы до 1943 года работали. Было у нас небольшое хозяйство, пилили дрова, носили воду, летом собирали землянику, осенью – ягоды можжевельника для фронта. Отправляли нас на подводах в колхозы, убирать картошку, собирать на полях колосья.

1943 год. Подошла вербовка и нашего возраста, 14-15 лет. В конце октября приехал Сидоренко, я тогда училась в 7 классе, обещал золотые горы, берите, мол, учебники, там в Молотове на заводе будете учиться. С собой мы взяли и учебники и свои любимые игрушки. Поселили нас в поселке Западный в бараке на два помещения (старших в одно, а нас, кто с 1929-го, другое). Электричества не было, пользовались керосинкой, делали фитилек. Дров не было совсем, один раз нам показала уборщица, как топить печь каменным углем и все. Мыло хозяйственное принесла в банке, жидкое и темное, ни таза, ни кружек, ни кастрюль, ничего не было. Был случай, от угара мы попали в больницу, больше печку не топили, а старались ночевать на заводе.

Дисциплина на заводе была строгая, давали карточки, ими и наказывали. Был такой случай. Ночь в декабре была очень светлая, холодная. Старшие девочки разбудили нас на работу, а когда пришли через овраги к центральному проходным завода, оказалось, что время всего три часа ночи. Вернулись, а утром все равно опоздали, проспали.

1944 год. С Западного поселка нас перевели в барак в поселок Левановского. Здесь, конечно, было лучше.

1945 год. Меня поселили к хохлушкам из детского дома города Харькова. Наши девочки, кто попал в больницу, кто сбежал, а я, видимо, была трусиха. Осталась одна и день Победы встретила в комнате. Вахтер нам сказал. Не опишешь эту радость. Друг друга обнимали, кидали подушками, прыгали на кроватях. Сколько радости было, надежд и светлого опьянения какого-то, потом гудки, по бараку прозвенели колокольчики у вахтера, скорей бежать к заводу, там был митинг, музыка, радость. В честь Победы по карточкам стали отоваривать сахар. Сахар был очень темный, цвета глины. Конечно, все мы объелись этого сахара и попали

в больницу.

1946 год. Меня и хохлушек перевели опять в поселок Западный. Это были длинные бараки, на четыре комнаты по 20 человек. Было две печки, отапливали дровами. матрасы были соломенные, подушки тоже, одеяла простые. В Юн-городке условия были хорошие. В кухне всегда стоял большой титан с горячей водой, был свет, правда, одна лампочка, прачечная общая, клуб «Спортивный».

У нас были воспитатели, работал бытсовет, в Юн-городке за чистотой следили мы сами, за чистоту ставили оценки. От воспитателей я узнала, что о том, как живет молодежь в бараках, строго спрашивал сам директор завода, товарищ Солдатов.

Приходили к нам редакторы газеты «Ленинский путь». Лично мне приходилось иметь разговор с ними. Интересовались всем, чем занимаемся, как проводим время. И попадали наши разговоры в газету «Ленинский путь».

1947-1948 годы. Отменили карточки, жизнь стала легче и светлее. Стали к нам в комнату приходиться ребята с гармошкой (в Юн-городке ребята жили отдельно), мы часто стали ходить в кино, на танцы, с одеждой стало хорошо, появился штапель, очень

дешевый и красивый, появились портнихи – мы старались красиво одеваться. На танцы ходили в Горьковский сад, это было наше любимое место, хоть раньше он и не был таким красивым, только качели и площадка. Выстроили в поселке Западный клуб-кинотеатр «Ударник». Билеты дешевые. Ни один фильм не пропускали. Когда выстроили Дворец культуры, я ходила в кружок вышивания, до сих пор немного занимаюсь вышиванием.

Еще хочу написать о том, что, когда окончилась война, молодежь засуежилась, всем хотелось на родину. Директор завода Солдатов, чтобы удержать молодежь, сделал так: (не забуду никогда) выдал по 10 метров мануфактуры, по 300 рублей, ботинки, чулки и еще что-то получали в ОРС (отдел рабочего снабжения) и все бесплатно. Директор заключил договор с ОРС на три года, и нам еще каждый месяц выдавали коммерческие талоны на обеды.

Кто оставался в селе Сива, всех увезли обратно в Ленинград, их устроили на работу, кого куда. Я почти каждый свой отпуск ездила к своим, детдомовским, в Ленинград. А я осталась. А когда в 1962 году Сивинский детский дом справлял 20-летие, нас приглашали, я ездила.

Гордеев Николай Васильевич

В 1939 году я после окончания школы поступил в Пермский авиатехникум на отделение «Литье черных и цветных металлов». Обучение студентов вели квалифицированные преподаватели. Не сразу, но получили места в очень хорошем общежитии по Большевикской, 49. Четыре человека в комнате, чисто, тепло, светло – все условия для успешной учебы. К концу первого семестра назначили повышенную стипендию – 76 рублей! Весь учебный комплекс был расположен в одном квартале: тут и общежитие, и спортзал, тут и учебный корпус, и неплохая студенческая столовая, в которой завтрак, обед и ужин обходились в 2,5 – 3 рубля. Вряд ли в других учебных заведениях были условия лучше.

Но недолго длилось это благополучие – началась русско-финская война. Из общежития не выселили, но потеснили. Главный корпус техникума заняли под госпиталь. Учебные комнаты создали, где

возможно. Уроки химии пришлось проводить в фармацевтической школе, недалеко, через дорогу. Занятия проводились в 2, 3 смены. Сложнее стало с питанием. Столовую занял госпиталь, а чтобы купить булку хлеба, надо было выстоять огромную очередь. Трудно поверить, очередь порой достигала двух кварталов, и с 6 утра до 12 дня надо было выстоять в очереди. Подрабатывали: пилили дрова, работали на кондитерской фабрике, статистами в театре, на прокладке путей трамвая 8 маршрута.

1941 год, лето. Начались экзамены за второй курс. Помню 22 июня. Солнечное утро. Удачно сдал сопромат. Пошел на выставку во Дворец пионеров. Увидел людей, столпившихся у карты СССР. Насторожило, но не остановился, прошел мимо. Вышел из Дворца, показалось уже не так солнечно, как утром. Пришел домой, и тут – выступление Молотова...

Так начался новый, тяжелый этап в моей жизни. Каникулы отменили. 30 июня всех студентов и преподавателей мобилизовали на завод 339бис (только спустя 50 лет закончилась моя мобилизация). Оформили на завод быстро, за день-два. Не помешала и моя запятнанная биография: выселение из Перми раскулаченной в 1934 году семьи. Начался тяжелый, двенадцатичасовой труд без выходных.

В середине августа 1941 после ночной смены пришли домой, а нас не пускают: общежитие занято эвакуированными, а наши пожитки за ночь вывезли. Показали, куда идти: от трамвая через перелесок, пашни, болото, в сторону Ераничей. Не доходя до железной дороги, на земле увидели большие кучи своего «имущества». «Тут будет ваш барак», – сказали нам. Недели через три (погода стояла хорошая) длинный барак, разделенный на две половины, был подведен под крышу. При входе стоял кипяtilьник – им руководила тетя Соня. До весны в бараке не было ни отопления, ни воды, ни света. «Удобства» – сразу при выходе. О жизни в бараке – особая повесть. Главное, что в это трудное время я не могу вспомнить ни одного случая пьянства.

Все это время были рядом, опекали нас наши преподаватели: директор авиатехникума Бобровников, завуч Дедриу, Винокуров В.Н., так много сделавший для продолжения нашего образования при заводе. Прекрасный педагог Варгин С.В., преподаватель математики Александрова. Важинский(?) В.С. на уроке успевал рассказать нам о международной обстановке. Кстати, это он еще в 1940 году говорил нам о том, что Пакт о ненападении – фикция, что позже и подтвердилось.

Запомнились уроки физики преподавателя Трубина А. Его сын, Трубин К.А. в 1960-1970-е годы – главный инженер завода им. Калинина, интеллигентный человек. Н.А. Вахрушев впоследствии стал директором завода в Днепропетровске. Б.В. Коноплев был преподавателем на 4 курсе нашего выпуска. О каждом преподавателе остались только добрые воспоминания.

Война разрасталась. Приходилось «затягивать пояс». Весь обносился. Развалились одни ботинки, другие. После выписки из госпиталя отец отдал мне полученные им ботинки – добротные, но...на одну ногу!

Работать приходилось напряженно, я старался выполнять норму. Если норма выполнялась, давали «чибрик» – небольшой, весом около 100 грамм, пирожок «с молитвой», т.е. без начинки. Кроме «чибрика», существовало особое поощрение за достигнутые успехи: «стахановские» талоны на дополнительный обед – полная тарелка каши с небольшим количеством тушеного мяса и маслом. Вместо масла чаще всего нас потчевали ляргом – «американским салом», вырабатываемым из нефти.

Помимо работы два раза в неделю по два-три часа приходилось заниматься допризывной подготовкой: маршировали, ползали с деревянной винтовкой, совершали пробежки... В июле 1942-го людей моего возраста начали забирать: формировалась танковая

колонна из уральцев. Вместе со сверстниками из цеха вызвали меня. Я не прошел комиссию по зрению и худобе своей, да и пристали ко мне болезни – на ногах вскрылись болячки.

В начале 1942 года я совершил проступок, который грозил большим наказанием. Дело в том, что 300 грамм хлеба и единственного в сутки горячего обеда не хватало. Постоянно преследовало чувство голода. Ходили на Бахаревку, где иногда удавалось добыть кусок жмыха. А тут случилось, что Вершинин, товарищ из цеха, успешно прошел комиссию военкомата. Он сказал, что, если не выйдет на работу, значит, его мобилизовали. А как раз был конец месяца, выдавали хлебные карточки. Он показал мне, как расписывается и предложил получить их за себя. Я это сделал, взял грех на душу. Это позволило продержаться еще два месяца, а потом все пошло по-старому.

Помочь семье я ничем не мог, только как можно реже бывать у них. На свои деньги я мог купить не больше буханки хлеба, только отovarить свой паек. Чтобы попасть домой, в Кукуштан, два раза ходил пешком. Как-то пошли зимой, в пургу, но дойти смогли только до Фермы – дальше сил не хватило. Билет на поезд купить было не просто: нужен был паспорт, командировочное, а паспорта наши хранились на заводе. Пытался добираться на товарном поезде. Один раз просидел в вагоне часов пять, а поезд так и не тронулся. Другой раз поезд в Кукуштане на станции не остановился, пришлось прыгать на ходу. А вообще проезд на товарных поездах строго запрещался – дисциплина на транспорте была военная.

...Вот так и жили.

Воспоминания предоставила дочь Щепицына Татьяна Николаевна.

Горячая (Габова) Эмилия Андреевна

О войне и о своем раннем детстве я знаю, в основном, из рассказов моей мамы.

Родилась я 9 сентября 1939 года в Лысьве Пермской области в семье партийных работников: Щипановой Антонины Васильевны, 1907 года рождения и Габова Андрея Лаврентьевича, 1903 года рождения.

В 1940 году мои родители были переведены на работу из Лысьвы в Пермь, в Пермский обком партии. Въехали в новую квартиру дома для сотрудников обкома по улице Луначарского, 32 с кирпичной печкой на кухне. В квартире на пятом этаже жили

вшестером: мама, папа, бабушка, старшая сестра (1932 года рождения), брат (1935 года рождения) и я.

В 1941 году, когда началась война, папа ушел на фронт в составе Уральского танкового корпуса, и все трудности военного времени легли на плечи мамы. Она много работала, буквально дни и ночи проводила на работе, ездила в командировки. Кстати, уезжая в очередную командировку в область, она оставляла продуктовые карточки семье, а там, куда уезжала, чтобы активизировать работу предприятий, заходила в столовую, садилась за стол с газетой в руках, делала дырку в ней и смотрела, где на столах оставалось что-нибудь, не съеденное кем-то. Денег, конечно же не хватало. Жили на одну мамину зарплату 1200 рублей в месяц, в то время, когда только 1 килограмм картошки стоил 80 рублей. Бывало, организовывались субботники по уборке овощей, так мама брала меня с собой. Усадит на землю, а сама работает на поле, но зато за меня давали паек.

До трех лет я не могла ходить из-за рахита, и девятилетняя сестра носи-ла меня на руках в детсад, который находился от нас в шести кварталах (в районе зоопарка). Потом она заболела дистрофией. Чтобы выжить в этой ситуации, мама соглашалась на подселение в нашу квартиру, в одну из двух комнат. Одно из таких подселений – взрослая дочь Емельяна Ярославского, работника ЦК партии, эвакуированная из Москвы. На фоне нашей голодающей семьи – изобилие продуктов и праздность.

Мой брат в 1942 году пошел в первый класс. Каждое утро собирал портфель, уходил в школу, возвращался домой вовремя, вроде бы все как положено. Но однажды, когда он заболел, решила проверить его уроки. Заглянула в его тетради: там или каракули непонятные или вообще ничего не было. Пошла в школу, спросила о сыне. и учительница ответила, что он школу почти не посещает, а его видели шатающимся на «колбасе» (так прозвали крюк для сцепления трамвайных вагонов, находящийся сзади вагона). Поэтому в школу ему было некогда. Конечно, как и многие дети в войну, мой брат был предоставлен самому себе

и компании мальчишек, и они то били из рогаток стекла в окна больницы, находящейся по соседству, то дрались, то катались на трамваях и т.п.

Мама потом взялась за него, и постепенно он догнал класс по учебе. А вскоре, в 1944 году, был объявлен набор детей в Казанское Суворовское военное училище, куда и был отправлен мой брат, а иначе бы, по словам мамы, кто-нибудь из нас умер.

А еще дети играли в войну, играли по-настоящему, жестоко. У нас в городе было несколько госпиталей, куда привозили с фронта раненых бойцов. Всю амуницию с раненых снимали, складывали на улице, возле этих госпиталей, в результате горы из одежды, касок, остатков оружия, снарядов и т.п. Мальчишки подбирали все, что им было интересно, и играли в войну, что зачастую приводило к трагическим последствиям. Вот и в нашем доме это было. Надели на девятилетнего мальчика каску и сказали: «Ты немец» (а все остальные при этом русские). Два раза ударили ломом по каске, в результате у мальчика менингит – вскоре он умер.

А вот случай, связанный с моим братом. Пришла мама домой на обед, прибегает брат и говорит: «Мама, дай веревку!» «Зачем?» – спрашивает мама. «Фрица вешать будем» – отвечает он. «А ну пошли, покажи, где». Спустились в дровяник, а там лежит связанный «фриц», сын первого секретаря обкома партии Хмелевского. Срочно позвонила в обком, так тот пулей прилетел на место «казни». Так была спасена еще одна жертва войны.

А еще я помню запах целлулоидных игрушек (пупсов), которые я держала в руках в квартире моей маленькой подружки, жившей двумя этажами ниже. Она была дочерью председателя горисполкома Шарца А.К. Детская фарфоровая посуда, удивительно красивые елочные игрушки, множество книг – все это могло быть в те годы только мечтой маленькой девочки.

Помню также несколько вещей из одежды, присланные американскими союзниками: платье из синего батиста с белыми кружевами (называлось «газовое платье»), мужское драповое пальто очень красивой расцветки в клетку (оно долго еще служило нашей семье). Знаю также от мамы, что под подкладку была вложена записка на русском и английском языках со словами поддержки в борьбе с немецкими оккупантами. Присылали и продукты, необыкновенно вкусной была тушенка и открывалась необыкновенно: ключиком.

И, наконец, День Победы 9 мая 1945 года. Вечером у оперного театра собралась толпа людей, и в сиянии огней салюта и

прожекторов – море счастливых и плачущих от счастья лиц. Мне в то время было пять лет, в тот праздничный вечер я сидела на плечах у друга нашей семьи и также была причастна к этому великому событию. Ощущение всеобщего ликования и огромной радости я не забуду никогда.

Григорьев Юрий Николаевич

Мой папа, капитан Григорьев Николай Иванович, был летчик. Он, как пишет в письме от 15 августа 1942 года батальонный комиссар, летал на 31 самолете. Он горячо и нежно любил маму. Он улетел на запад бить врага, а меня, родившегося в Кингисеппском районе Ленинградской области, послал к бабушке в город Молотов (эвакуировал). Из деревянного бабушкиного дома на улице Луначарского, д. 130, кв. 1, я слышал постоянный шум и гул, даже сквозь стекло окон, доносившийся через речку Данилиху (новую деревню со стороны, как потом узнал, Сталинского завода). Это гудели моторы – сердца самолетов, так нужные фронту.

Мы бегали, играли в прятки, прятались среди сирени, черемухи, акаций, особенно у забора, где были густые кусты. Ловили прямо в огороде и белых бабочек (капустниц) и желтых лимонниц, которые залетали в огород. Ловили за крылышки пчелок, которые часто прилетали на цветки акации. Мы их выпускали обратно, но иногда они и жалили нас.

Все было интересно. На улице за воротами было полно травы (птичий горец), одуванчиков, бабочек. Пытались сами изготовить сачки из марли, чтоб их поймать. От папы приходили письма с наставлениями, а от мамы – ответы.

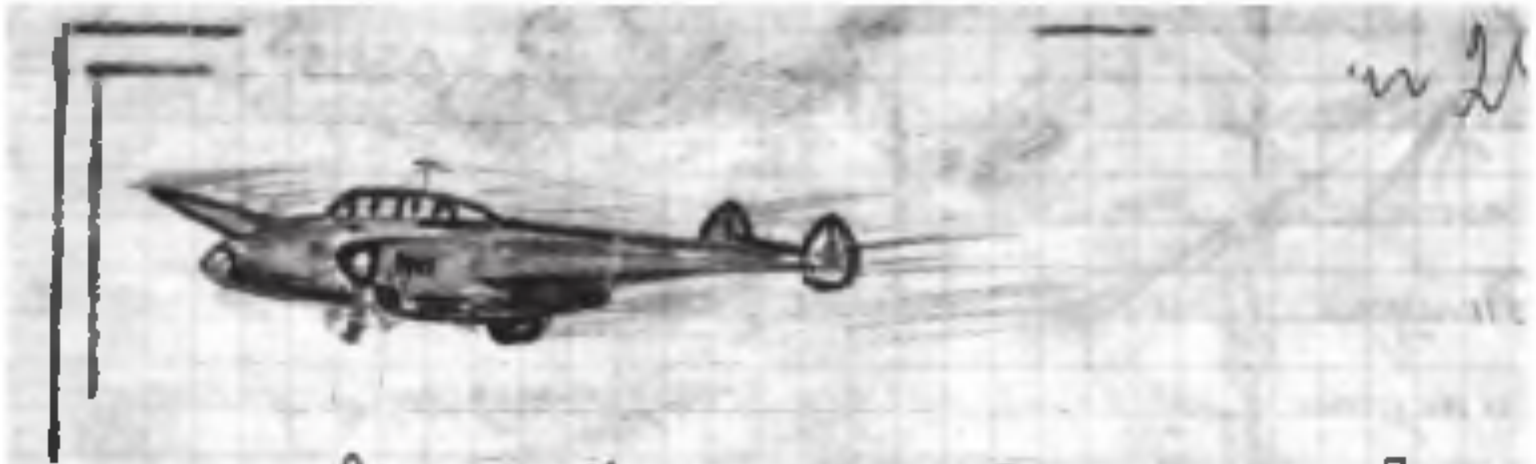
Так, в письме от 6 июня 1942 года папа писал: «А теперь парочку слов наставления для Валерия-шалуна, которому передай от меня, чтобы слушался, в первую очередь, мамочку и вообще всех старших и меньше бы бегал на улицу. А если только не будет слушаться, то с моим приездом будет «жестокая расправа», буду беспощаден, ибо я научился этому в борьбе с врагом. А Юрию будет одно – что хорошего у Лерочки – пусть переймет, а что плохое пусть и не пристаёт к нему».

А мама писала отцу беречь себя и бить противника. А он отвечал: «Нужно, чтобы я как можно больше и точнее поразил цели противника и живой и здоровый возвратился к вам, моим милым и дорогим. Жажду скорого возвращения и быстрее конца войны!»

В меру детских сил мы помогали маме, бабушке и маминой сестре Палеховой Любови Васильевне (1910), которая также жила вместе с нами. Мы жили в 22-метровой комнате в половине деревянного дома бабушки, которая болела и была прикована к постели.

В июле 1942 года отец героически погиб. 15 августа пришло от батальонного комиссара Кривошеева письмо: «Погиб в бою наш самый лучший экипаж. Экипаж героев, не знающий страха... наносил врагу удар за ударом. Ваш муж служил всем примером, на днях он был награжден третьим орденом и представлен к награде сейчас. Все его товарищи поклялись на могиле мстить врагу. Вам очень будет тяжело, но я прошу вас, не убивайтесь сильно этим горем, выращивайте детей, жалейте их, любите их всегда. Держите связь с нами. Пишите мне, как вам установили пенсию, мы давно послали материалы в Москву».

Пришла похоронка. Похоронен в городе Ленинграде. Есть справка от 11.09.42 о том, что мама действительно является женой военнослужащего, трижды орденоносца капитана Григорьева Николая Ивановича, героически погибшего при защите города Ленина. Справка дана для предъявления во все органы Советской власти, подписанные командиром части подполковником

Лерогке и Юрику - папа летит на запад быть при
3.2.42. ст. Тамзинка.

Здравейте мои много-уважаемые: жена - Тамочка
сыновья: Лерик и Юрик!!!

С приветом к вам ваш муж и отец!!!

Шолох, ещѣ сообщитъ тебе, о том что я жив и здоров
как видишь и на прежнем месте, но не долго, завтра или
во всяком случае на днях, ибо техники уже уехали, еду и
со своими боевыми друзьями недалеко отсюда на ликви-
дацию. Обещаю закончить нормально, что даст возможно
лучшего раздѣла врага.

Шолох, не большой секрет на днях презид М.И. Калинин
Кремль писал, по поводу 2-го боевого ордена, поэтому не исключ
тебя возможность побывать в Москве или же в ближайшей сл.

Ну, об этом все!

Сегодня получил твое письмо от 30.1.42. за содержание которого благодарю.

Получив знаю, что повелка отец помогает, но далеко не зна и не знаю как быть, но будем надеяться, что судьба поможет нам.

У нас здесь тоже не в порядке с куревом уже перешли на особую экономию в восьмикурки на 15 курки.

С питанием относительно нормально, но нужно понимать пережить т.к. это требует обстановка самой жизни.

Вот такая дела на фронте до некоторой степени улучшились, но еще мало, от вас требуется много для окончательного разгрома фашистской нечисти.

Надеюсь, что и дня кр. армии мы получим необходимое и дадим отличное известие стране.

Дорогая, Паша, прошу передать Володе, что бы хотелось хотя бы одну пачку махорки, нет никакой возможности, а если удастся, то в одной с Вами и организую, немножко для него, но в скором времени ожидать не нужно т.к. меня не будет, да и не едем.

Курочкиным и военным комиссаром части старшим политруком Смирновым.

В письме от 10.09.42 Кривошеев пишет: «Враг вырвал от нас три славных души, но эти три Героя набрались мужества и из последних сил на своей подбитой горячей машине принесли свое тело на свою родную землю. Всего описать невозможно. Но он погиб как истинный патриот нашей Родины. Хоронили его лучше, чем кого-либо в мирное время. Похоронен он на кладбище Мурино. Товарищ Ярченко должен был к вам зайти и все вам рассказать, а кое-в-чем оказать помощь, а если он этого не сделал, это нехорошо. Да, там был Анатолий Ильич Крохалев, неужели он к вам не заходил. Я не могу поверить».

Так мы и жили. Мама работала в конторе – ниже Решетниковского спуска – на берегу Камы, мы подрастали, ходили в садик. Однажды шалун-Валерик без разрешения мамы вынес на улицу орден отца (играли в песке, траве, рассматривали). Уставшая мама, придя с работы, прибежала к нам, рассердилась, изъяла из рук шалуна награду, унесла, положила в сундук и повесила маленький замочек на него, чтоб больше не играл такими святыми вещами

Летом мы помогали по огороду, копали маленькими лопатами грядки, помогали садить картофель, полоть. Зимой подносили по два-три полешка к печи. Иногда ходили с тетей Любой на ключик, он был расположен в районе мойки, а вода из мойки убегала в Данилиху...

Гусева Зинаида Ивановна

Посвящается всем, кого я любила и люблю.

Родилась и выросла я в Мотовилихе – рабочем районе города Перми, в большой семье, шестым и последним ребенком. Отец мой умер от неизлечимой тогда и страшной болезни – туберкулеза. Мне было в день его смерти семь лет. Жили мы в частном доме.

Когда началась Отечественная война, я закончила первый класс. В это же лето нам выдали продуктовые карточки, на которые можно было купить: хлеб 300 грамм, крупу, соль, подсолнечное масло. Но вскоре и по этим карточкам перестали выдавать что-либо, кроме хлеба.

В первый год войны наша мама ездила в деревни с обменом: меняла вещи на продукты. Все, что можно было хоть как-то обменять на продукты питания, она увозила в деревни. Привозила

оттуда муку, картошку. Но вскоре стало нечего менять, и стало очень голодно, холодно в большом доме. Дров не стало, еды нет. Электричества нет, с коптилкой коротали вечера. Пришлось маме баню переделать в избушку. Жили мы там втроем – мама, я и сестра. В первую же зиму потолочная балка ночью отвалилась и упала, да хорошо, что не на керосиновую лампу, на опору, а то бы потолок придавил нас.

Помню, как я в испуге проснулась от треска и в щелях крыши увидела яркие зимние звезды. Сразу же потянуло морозом. Было нам страшно, и мы радовались, что Бог помог нам – остались живыми. Я одна ушла в два часа ночи к старшей замужней сестре на другой конец улицы. Мама и моя сестра остались спасать картошку от мороза, которая хранилась там же, в бане. Со следующего дня мы ненадолго устроились на житье в холодном доме – баню пустили на дрова. Мылись после этого в казенной бане или в бане у старшей сестры Марии.

На следующую зиму мама переделала под жилье конюшню. До войны в ней жила корова. Сложили печку, облагородили конюшню и стали жить. Спали поперек кровати по четверо человек. Жили так все зимы до 1947 года, пока не пришел брат после фронта и не сделал ремонт в доме. В марте месяце, когда пригревало солнце, мы переехали в дом. Так и жили в тесноте, тепле, да не в обиде.

Картошки, выкопанной в огороде, хватало только до февраля месяца, а потом был голод до весны, до первой крапивы. Крапива спасала нас от голода, варили похлебку из нее. Картошка была мелкая, ее не чистили, а разрезали и бросали в крапивное варево. Я крапивы наелась досыта, на всю жизнь. Только став взрослой, оценила ее полезность. Позднее крапивы росли другие травы. И я, маленькая, голодная, ходила по угорам, ела полевую редьку, дикую морковь, дудки репейника. В июне поспевала ботва моркови и свеклы. Все это шло в еду.

Вспоминаю такой случай, было это летом. Из картофельных очисток мама стряпала шаньги. Зашел в избу нищий и попросил милостыню. Мама говорит ему: «У меня ничего нет, вот, видишь, что едим?» Нищий, не спрося, хватает с листа очистки, кладет в рот и уходит. Мама говорит нам: «Вот так. Люди живут еще хуже нас».

Благодаря нашей маме, ее расторопности, смекалке, умению выжить, мы все остались живы. Наша мама была глубоко верующим человеком, в доме у нас было много икон. Благодаря ее вере, молитвам, нам, ее детям, помогал и оберегал нас Бог.

А как она молилась за своего сына, моего брата, который воевал на крейсере «Живучий» на Баренцевом море! Ночами стояла на коленях перед образами и молила о спасении его, единственного сына. Когда он вернулся и рассказал, что их чуть не потопила подводная лодка. Тогда он первый крикнул: «Справа по борту мина!!!» За спасение «Живучего» он был награжден орденом Красной Звезды. Капитан крейсера сказал: «Кто-то сильно за нас молился». Это были молитвы моей матери и всех матерей, сыны которых были на этом крейсере. Молитвы матерей спасли их.

Каждое лето меня мама отправляла в деревню к своей сестре Груне. Я не хотела жить в чужой семье, но мама кричала на меня: «Поезжай! Ты здесь замрешь! А у Груни хоть стакан молока выпьешь!» Давала мне хлебную карточку, денег на дорогу и отправляла меня. Станция называлась «Подтонь». У станции была крутая гора под 70 градусов. Вот по такой горе люди поднимались в гору, в свою деревню. На вершине горы росла большая береза. От нее начинались деревни.

За деревней Подтонь была деревня Запольки, справа деревня Селезни – родина моей мамы. В каждой деревне жили мои тетки, двоюродные сестры и братья. Всего там жило 24 человека моих родственников.

У тети Груни, к которой я приехала, было пятеро детей. Вечером с поездом мы ждали дядю Ваню. Он приезжал после работы. Работал на заводе Ленина. Он привозил хлеб, выкупленный по карточкам. Мы садились, восемь человек, за стол и ели вареные молодые пиканы – молодые побеги дикорастущей травы борщевника – с хлебом и солью. Пили по стакану молока. Спали все вповалку на голом, некрашеном полу. Головы обкладывали травой, чтобы клопы не подобрались к нам, но они, паразиты, прыгали на нас с потолка.

Природа там чудная, словами не опишешь. Рядом с железной дорогой протекала река – красавица Сылва. Я наблюдала вечером за заходом солнца. Река блестела от солнечных лучей, а рыбки, выскакивая из воды, делали замысловатые прыжки. По утрам мы переезжали на лодке на правый берег реки за полевым чесноком на луга и черной смородиной.

Однажды, когда переправлялись через реку обратно, начался ураган, который застал нас в лодке. Было нас шесть человек. Волны ходили ходуном, страх и ужас царили в наших душах. За веслами сидела моя двоюродная сестра Мария. Она была совсем еще маленькой тринадцатилетней девочкой. Мы боялись, что накроет нас волна, и мы все окажемся в воде, и не удастся

нам выжить. Как могли, подбадривали Марию. Моя мама тоже была с нами, она молилась Богу. Просила: «Помоги нам, Господи, переплыть! Спаси, сохрани нас!» Просила усердно Николая Угодника. С Божьей помощью Мария благополучно перевезла нас. Мы радовались, горячо благодарили и хвалили Марию, говорили, какая она молодец!

После войны, когда построили КамГЭС, эти места были затоплены. Такая природная красота ушла под воду! Река стала широкой и получила новое название – Чусовая. Близлежащие деревни со всем своим скарбом переселились в Новые Ляды, там люди вновь отстраивали свои дома, заводили хозяйство.

Каникулы кончились, и я пришла учиться в школу. Домашних тетрадей не было – писали на обоях, газетах, чернил не было – разводили сажу, синьку. Писали при свете коптилки. Электричество в городе было отключено. В школе № 57, где я училась, было печное отопление. В школе всегда было холодно, сидели в пальто, у нас мерзли руки. В большую перемену нам давали по кусочку ржаного хлеба, редко – булочку.

В Мотовилихе, практически во всех школах, были госпитали. Поэтому из нашей школы нас перевели учиться в деревянную начальную школу № 60. У нас не было мыла, у всех в головах были вши. Помню, как нас организованно водили в баню вместе с учительницей. Было это во 2 классе. У входа в баню выдали по кусочку мыла. Когда стали мыться, вода перестала течь, и мы сидели, ждали, когда же она появится, эта дорогая водичка!

Я была дружна со своей соседкой Надей. Она была младше меня на два года. С ней мы виделись и играли каждый день. Однажды вдвоем приготовили концерт – сценки, песни, а зрителями были ее дедушка и бабушка. Они смеялись над нами, хлопали, а мы остались довольны – концерт удался!

Голодная жизнь коснулась и братьев наших меньших – собак и кошек. Жили у нас моя любимая кошка Машка, ее сын Букса и пес Тузик. Тузик хоть и дворняга, но был очень умный. У него были короткие лапы, уши торчали. Мы их очень любили. Тузик понял, что раз ему голодно, то и хозяевам тоже. Он спер где-то кусок мяса и принес его домой, положил на крыльцо и ждал маму. Мама поделилась с ним, его накормила и нас тоже.

А как заботилась обо мне моя любимая кошка Машка! Когда, бывало, маленькая, зареву – Машка бросала своих котят и бежала ко мне. Ей инстинкт подсказывал, что я хочу есть. Она прибежала, ставила свои лапки так, чтобы ее соски касались моего рта. Когда

она умерла от голода, я очень переживала, редела не переставая. За жизнь ни одну кошку больше я так не любила.

Перелом войны, по-моему, настал в 1943 году. Помню, каждый день я слушала радио, как наши войска освобождали города и населенные пункты, и Москва салютовала в честь их взятия. Мы ждали Победы. Рабочие ходили в тряпочных ботинках на деревянной подошве, и по асфальту было слышно шарканье ботинок. В полвосьмого звучал гудок завода Ленина. Начиналась первая смена и кончалась третья – ночная. Завод готовил оружие для фронта. У мужчин была бронь от фронта. Много детей 14-16 лет работали на заводе. Около проходной был черный рынок, на котором за 300 рублей можно было купить буханку хлеба. У нас не было таких денег никогда.

Мои три сестры работали на заводе. Сестру Александру назначили военпредом по приемке деталей для оружия. Ей было всего 18 лет, и она только что окончила ремесленное училище. После окончания войны ее сменил фронтовик. Как-то она мне сказала, что военпреды ходят сейчас в военной форме. А она тогда была девчонка серьезная, дисциплинированная, но плохо одетая. Была высокая, молодая и красивая, а какие косы были у нее!

Вторую сестру, едва ей исполнилось 16 лет, мама со школьной скамьи устроила работать на завод контролером. Рабочим тогда давали хлебные карточки по 700 грамм.

Со мной в классе учились эвакуированные дети. Работали ленинградские учителя. Запомнилась мне учительница по пению, как старательно разучивала она с нами песни, а потом мы с хором ходили выступать перед ранеными в госпиталь, который находился в школе № 50. Население помогало ухаживать за ранеными. На раненых нельзя было смотреть без боли в груди. Некоторые солдаты были очень сильно изранены, многие умирали. Росло воинское кладбище в Разгуляе. Я видела, как их хоронили. К некоторым на похороны приезжали родственники. Гробы опускали под залпы трех винтовок. После окончания войны израненные солдаты продолжали умирать. После войны на каждой могиле был поставлен памятник и рядом посажена береза...

В праздник Победы пермские вдовы разобрали могилы погибших солдат (чьи имена совпадали с именем погибшего или пропавшего мужа) и с семьями приходили к ней, ухаживали и поминали погибшего солдата, как своего.

Несколько лет спустя я посетила это кладбище. Жуткая могильная тишина царила там. Меня удивили березы, которые выросли высоко в общую крону.

О ты, мое голодное детство! Я снова хочу написать о тебе, как бы ни было грустно и больно это вспоминать! Нам не только жилось голодно, холодно, но и одежды тоже не было хорошей. Летом я всегда бегала босиком. Наша дорогая мама старалась что-то перешить из старья. Шила платья, пальто, чобатарилы и латала валенки. Где-то покупала вату, потом ее пряла и вязала штаны, носки, рукавички.

На нашу беду, в Мотовилихе стала действовать банда воров, которую организовал фронтовой дезертир. Сбежал с фронта с оружием. Грабили дома ночью и днем. Переодевались в женскую одежду и ходили по улицам днем. Видела их и я, выдавала их походка мужская. Награбленное они переправляли родственникам, остальное складывали в яму около леса. И к нам залезли ночью в дом. Вор схватил в охапку все пальто со стены, перемахнул через изгородь и убежал. Мама утром пошла заявлять в милицию. Оказалось, что бандит был уже задержан милиционером, так как с награбленным попался прямо на улице. И перед этим успел ограбить еще один дом. Состоялся суд, присудили ему два года. Мать его выпустила слезу, а моя мама стыдила ее, говорила, что вырастила сына-вора.

Я была очень худая, поэтому очень гибкая и подвижная. Самостоятельно стала придумывать разные упражнения и впоследствии стала выступать в школе на праздниках и родительских собраниях с гимнастическими упражнениями. Номер мой назывался «Каучук». Тренировалась на поляне, на улице и под угором.

От голода я быстро уставала, поэтому приходилось просто ложиться на землю и отдыхать. Вот один раз лежу на земле, отдыхаю. Ветра нет. И вдруг вижу, с запада плывет облако-крест! Я очень удивилась тому, что крест так быстро плыл, ведь ветра не было! Я тогда подумала, что это предвещает конец войны. Этот крест многие видели и толковали как предвестие Победы.

И вот она пришла, долгожданная Победа! Конец войне. Я помню тот солнечный май. Люди были рады. Как рады!.. Поздравляли друг друга с Победой! Я бегала по улице босая (обуть было нечего) и пела во всю моченьку: «Ура! Ура! Вот и кончилась война! Гитлер в бане задавился, похоронная пришла!»

Но голод продолжался. В 1946 году в стране была засуха, сильный неурожай. Карточную систему отменили только в декабре 1947 года. Мы с сестрой Александрой после отмены карточек пошли утром в магазин. Я удивилась, что в магазине нет никого. Продавец отпускала по килограмму хлеба. Мы купили два килограмма, а когда пришли домой, я не могла его есть. Хлеб был

невкусный, черствый, и что только в этот хлеб не намешали! Меня окончательно отучили от хлеба. Хлеб я полюбила, когда мне уже было 45 лет. После войны я равнодушно смотрела на конфеты, сыр, колбасу. Любила похлебку, шаньги.

Прошли годы, я стала взрослой. Работала в областном комитете физкультуры и спорта с бывшими фронтовиками. Среди них была Любовь Михайловна Макарова – снайпер женской роты, уничтожившая 73 фашиста. Ее книга о войне «Подснежник на бруствере» стоит на моей книжной полке. Светлая память Льву Александровичу Блюмкину – участнику войны, орденосцу. Он долгое время возглавлял СО «Трудовые резервы», построил Дом спорта «Трудовые резервы».

Дворсон Людмила Григорьевна

Родилась я на Украине в Бердичеве в дружной и трудолюбивой семье. Начало войны застало нас в Киеве. Мой папа – профессиональный военный – сразу ушел на фронт. Когда немецкие армии приблизились к городу, нас вместе с другими семьями военных срочно эвакуировали. Сначала ехали на телегах, потом шли пешком. По дорогам на восток двигались толпы народа, колхозники угоняли скот, чтобы не достался врагу. У нас не было ни запасной одежды, ни продуктов. Ночевали где придется, под телегами, в курятниках, иногда в избах, где хозяева делились с нами последним.

Через месяц мучений добрались до станицы Тахта на Ставрополье. Нас встретили хорошо, накормили, обогрели. Мама стала работать в колхозе, я учиться в школе. Но немецкое наступление продолжалось. Когда враг подошел к Ростову, мы эвакуировались во второй раз. Снова толпы на дорогах, бомбежки, гибель людей. С большим трудом добрались до Баку, погрузились на танкер и через Каспийское море приплыли в Красноводск. Отсюда наш путь лежал на север. Ехали в товарных вагонах в жуткой тесноте, спали на полу вповалку. Наконец, приехали на Урал в Березники.

Здесь началась моя трудовая жизнь. Я работала инспектором отдела кадров колонии № 7 и возглавляла комсомольскую организацию. Затем меня перевели в Кунгур освобожденным секретарем комитета комсомола завода-колонии № 3, где изготавливали мины. Здесь работали комсомольцы с завода «Сельхозмаш», эвакуированного из Воронежа. Трудно пере-

дать словами, с каким вдохновением, упорством работали комсомольско-молодежные фронтовые бригады. Голодные, плохо одетые, по 12-14 часов стояли у станков, падали в голодные обмороки, но снова поднимались и продолжали работать.

И так трудилась для Победы вся страна. Из нашей семьи на разных фронтах сражались более 10 человек, воевали храбро. Один наш родственник удостоен звания Героя и его именем названа улица в Донецке.

В Перми я живу 60 лет. Вместе с мужем Л.Г. Дворсоном я окончила историко-филологический факультет ПГУ и более 30 лет работала в краеведческом музее, пройдя путь от научного сотрудника до директора. Я считаю себя пермячкой. В Перми родились мои дети, внуки, правнуки. Мы все любим наш город и гордимся его красотой.

Ежова Галина Михайловна

Ох, как трудно все это вспоминать, что пережито!!! Давно было это, уже 65 лет со Дня Победы. А как началась война у нас в Хохловке. я помню четко, свежо, будто это случилось только вчера. Не буду описывать отдельные случаи, напишу самое больное. Ничего никогда не проходит бесследно!!!

Родилась я в селе Хохловке Пермской области. Семья у нас была большая. Отец работал один, мама – домохозяйка. Сидели как-то все за ужином: вечер был такой приятный, теплый и вдруг загудел пожарный набат (так сообщалось населению о пожарах). Все вышли на площадь. На трибуне местное начальство и один военный – все удивились. Что-то тревожное «висело» над толпой людей... Военный сообщил, что Германия вероломно, без объявления войны, нарушила наши границы и напала на Советскую страну.

В толпе заплакали женщины, зная, что это значит: заберут мужей и подросших сыновей на войну. И ушли из нашей семьи в августе отец Ежов Михаил Андреевич (1903), а в сентябре призвали старшего брата Павла. Мужчины ушли.

Вот нет уже в живых нашей мамы, которая проводила двух мужчин на войну. Да и мы сами быстро выросли, потому что война сделала нас рано взрослыми, так как пришлось нам идти работать. Мне было 13 лет, а у мамы еще двое после меня. Я почувствовала какую-то ответственность, надежда только на меня

(пусть еще и не окрепшую здоровьем, не выросшую высокой и крепкой девицей).

Дед мне сплел лапти, и я пошла работать в колхоз «III Интернационал» разнорабочей. Все помнили лозунг «Все для фронта – все для Победы» – не было нам, подросткам, никаких поблажек в труде – ни выходных и праздничных дней. Надеялась я на то, что когда-то же кончится война эта проклятущая! Молилась, чтоб хватило сил дожить до ее конца. Хоть я на фронте не была, но и я ношу шрамы на своей руке – ранение серпом (это орудие труда на поле, когда не доставало жаток конных, о комбайнах уже и не говорю), весь хлеб по осени убирали вручную, т.е. жали его серпом.

Начало жатвы, как и встарь, отмечают торжественно: женщины в белых платках и кофтах, как говорится, начали благославляясь (ведь начинали убирать хлеб, а он – всему голова). Даже и сейчас говорится, что зимой людей греет не шуба, а сытный хлеб. Дали серп и мне (нас там было много), кто колосья собирал, а мы учились жать хлеб.

Мне понравилось срезать горсточкой этот хорошо пахнущий высокий сильный стебель с тяжелым колосом (полным поспевшей ржи), как учила мама, понемногу. Но мне захотелось брать побольше, что значит, поскорее, не отставать от взрослых, ну и перестаралась – саданула по пальцам – кровь хлынула, а я пальцы в рот (ну как обычно делают дети), а кровь-то и изо рта идет, на платье льется. Женщины увидели и крикнули маме: «Васильевна, что это с твоей девкой?!» Мама подошла, вынула изо рта пальцы – поняла, в чем дело и крикнула ребятам, тут же стоящей, найти подорожник. Кто-то принес, мама (ловкая она у нас была, умела даже лапти плести) приклепнула обрезаек на место и замотала руку, оторвав от нижней рубахи лоскут. И не поверите – приросло мое тело, только шрам до сих пор заметно.

Но вот пришло известие о пропавшем без вести отце зимой 1942 года. Он был в боях под городом Ржевом, который стоял на пути фашистов, рвавшихся к Москве. Не прошли! Но это известие об отце словно унесло мои силы – я даже заболела: что же, надеяться не на кого, от брата Павла не было писем восемь месяцев. Он воевал под Сталинградом (долго был в госпитале ранен в обе руки – писать не мог). Чем дальше, тем труднее становилось жить. Променяли все, что можно было, на картошку, ходили с мамой в другую деревню, где люди жили побогаче. Все картофельные очистки сушили и добавляли горстку зерна.

Летом было полегче: собирали съедобные травы, мама (спасибо ей) заваривала какие-то травы и утром нам велела пить (горькие, невкусные) и говорила: «Пейте, чтобы зубы не выпадали». В 1944 году летом вернулся брат с фронта, за дальнюю дорогу оброс бородой, в гимнастерке вши. Про гимнастерку сказал маме: «Брось ее в печь и сожги». Были и у нас вши в нательном белье от недоедания, да и мыла не было, так все стирали и мылись щелоком (заваривается зола из печи кипятком и отстаивается).

Так и жили. Нет, это не жизнь, это существование с ожиданием конца войны, конца всех мучений наших. Я уже говорила, что ничего не проходит бесследно, так и нам досталось ото всех военных условий и военных 1418 дней, от недоедания, постоянного переохлаждения, систематического недосыпания, непосильного труда физического и нервного перенапряжения – уходили силы, здоровье...

В конце 1945 года я получила паспорт и поехала в Пермь, учиться надо было дальше. После осмотра комиссия обнаружила затемнение обоих легких: положили в больницу (два месяца лечилась). Родные думали: ну все, доработалась наша Галинка. Ну, слава Богу, выжила. Восемь лет была на учете у фтизиатра.

Работала в детском садике № 19 КРП и училась в вечерней школе, а потом заочно в педучилище. Работы было много, а вот жилья не было. Порой не знала, где буду ночевать: когда у подружек, когда у дальней тети, а однажды уснула в церкви (что на старом кладбище) у Разгуляя. Очнулась – меня будила служительница: «Девочка, мы закрываемся, вставай». А куда мне идти? Некуда... «Оставьте меня тут, – говорю ей, – тут у вас тепло». Да нельзя было. Не ночевала только на вокзалах.

Было трудно и после войны, два года были карточки на хлеб и продукты. Был случай, что карточки вытащили из кармана на весь месяц – думала, не выживу – попыталась под трамвай – отбросило меня кувырком метров на 15, лежала (было это около нефтяного техникума рано утром). Проходил мимо старичок, он видел, как я лежала – помог встать и хорошо отругал. Я рассказала ему, что жить негде, нечем. Повезло мне, он с хозяйкой Алексеевной своей помогли с жильем. Я успокоилась – теперь было куда идти после работы и учебы, но ненадолго (бабушка скоро умерла, и ее родственники, приехав занять квартиру, мне отказали. Искала вновь – опять помогли добрые люди. Так и доживала до конца учебы.

Вот до сих пор все четко помню, всего не опишешь на бумаге: и всегда убеждала детей, да и взрослых, чтоб жизнью дорожили,

здоровье сами себе не портили плохими привычками. Выросли дети и внуки, они уже взрослые, но я удивляюсь, что после всего пережитого и выстраданного я прожила 80 лет.

Работала добросовестно, в трудовой моей книжке записано много благодарностей. И за большой педагогический (43 года) стаж награждена от имени Президиума Верховного Совета СССР медалью «Ветеран труда».

Много, много можно было бы описать всяких случаев, да уже незачем. Мы уже пережили вдвое с лишним своих отцов, ушедших молодыми, но сердечные раны, нанесенные войной, никогда не заживут, пока мы живы. Но живых (нас, ветеранов тыла) остается все меньше и меньше – уходят из жизни и мои, с кем приходилось трудиться рука об руку. Да немного уж и мне осталось.

Хотелось бы (пока еще живы), чтоб нас не забывало государство, не отписывалось одними, в больших конвертах, поздравлениями с картинкой Кремля (конечно, спасибо и за это), но этого очень мало!!! А ведь наше поколение и страну поднимало из руин, вырастило себе смену, которое тоже трудится на благо всей России – Родины нашей. Я не помню «своих ребят» плохими, встречая иногда их родителей, узнавала и радовалась за хороших людей – значит, есть часть и моего труда, вложенного в того человека.

Да. Никакой мерой не измерить все, что нам досталось в жизни, но я довольна, что это делали мы (наше поколение). Не обижайте нас, стариков, ведь старикам трудно жить на свете, а обидеть нас легко, мы доверчивы и обидчивы как дети. Не обижайте стариков, и пусть наши старики не плачут от обиды на молодых (которые иногда нас не понимают – или не хотят понять?) Пусть трудятся честно, добросовестно, чтоб на душе было хорошо.

Елфимова Лидия Александровна

Когда началась Великая Отечественная война, мне шел четвертый год. Наша семья жила в общежитии в Перми. Родители занимали одну комнату. За два дня до начала войны мама окончила Пермский медицинский институт. Папу мобилизовали в армию. А мама осталась в Перми, на фронт ее не взяли, потому что на ее руках была я, маленький ребенок. Маму направили в военный госпиталь, который находился (да и сейчас от там) на улице Горького. Всю войну мама работала там врачом. Каждый

день с фронта приходили эшелоны с ранеными солдатами и офицерами. Приходилось разгружать составы с прибывшими, а потом в госпитале их оперировали (кто в этом нуждался), лечили, снова отправляли на фронт. Очень трудное было время.

Мне особенно запомнились такие моменты. В понедельник мама отводила меня детский сад, где я круглосуточно находилась всю неделю. Детский сад был недалеко от госпиталя (угол ул. Ленина и Горького). В здании детского сада было печное отопление, а так как дров было мало, топили только одну печку, поэтому в комнатах было очень холодно. Помню, играли мы мало, а больше лежали одетыми на раскладушках, свернувшись клубочком, и молчали. Вставать на ледяной пол никому не хотелось. Кормили скудно и однообразно. Запомнилась манная каша. Она была очень жидкая и серого цвета, потому что варили ее на воде.

Маме приходилось работать в воскресенье. Детский сад был в этот день закрыт, и мама брала меня с собой в госпиталь. Отлично помню, как я бегала по палатам, где лежали раненые. Я рассказывала им стишки, отвечала на их вопросы. У многих ведь где-то были свои дети. И, глядя на меня, каждый из них кого-то вспоминал. И вот эти мужчины с грустными глазами (почему-то запомнились именно их глаза). Кто чем мог, тем меня и угощал: кто конфеткой, кто сухарем, кто пряником. К концу дня набирался кулек сладостей. А утром мама снова отводила меня в детский сад на неделю. Какая радость была у моих друзей, когда мама приносила «волшебный» кулек и раздавала все детям. Это был настоящий праздник. В детском садике у нас была любимая, чудесная, добрая и заботливая воспитательница. Мы звали ее тетя Сима. Сколько лет прошло, а я ее помню, потому что ее чаще видела, чем маму.

Одним из самых счастливых дней в моей жизни был День Победы. В этот день я была в госпитале. Помню, как громко играла музыка, как все радовались, целовались, плакали от счастья, поздравляли друг друга. Кто-то из раненых поставил меня на окно (оно было открыто), и я, хлопая в ладоши, любовалась праздничным салютом. Этот день я не забуду никогда.

В школу я должна была пойти в 1945 году, а пошла в 1946-м. Сказались голодные и холодные годы. Я очень часто болела, все тело было в фурункулах. Маме пришлось долго меня лечить. Начальные школьные годы тоже были трудные. Ручек, чернил, бумаги не было. Писали карандашами на газетах. В классах сидели одетые в пальтишках, так как было очень холодно.

Буфета и столовой в школе не было. Нас там не кормили. Мама давала с собой кусочек черного хлеба и бутылочку с водой. Но и этому были рады.

Вот так прошли мои детские военные годы. А потом жизнь начала постепенно налаживаться. Люди много трудились, восстанавливая разрушенное войной хозяйство.

Зуева Татьяна Афанасьевна

До войны и во время войны я жила рядом с библиотекой им. Горького, по улице Коммунистическая (ныне ул. Петропавловская), дом 27 квартира 5. Когда началась война, я училась на I курсе пединститута на историческом факультете, мы сдали последний экзамен.

Председатель правительства Молотов выступил около 12 часов утра по радио и сообщил о начале войны. После его выступления студенты всех факультетов и курсов пединститута явились на митинг. Митинг проводил директор пединститута. Затем выступали все желающие.

Студенты-мальчики тут же подавали заявления, чтобы идти добровольцами на фронт. А мы, девушки, в это время ходили на курсы медсестер, организованные «Обществом Красного Креста и Красного Полумесяца СССР», созданные еще до войны. Одни девушки

ходили изучать азбуку Морзе, хотели стать связистами, другие ходили в институтский тир, учились стрелять. У нас был хороший педагог по военному делу, вернувшийся после военной службы.

В августе 1941 года мы сдали экзамены на курсах медсестер, и нас направили в военкомат. Там нас поставили на учет, выдали военные билеты и направили на работу в эвакогоспиталь 3149. Начальником госпиталя был полковник медицинской службы Модестов. Он был отличным руководителем. Потом его взяли в Москву. Начальником госпиталя стал Кац.

В нашу Пермь были эвакуировано много госпиталей из западных областей, где шли военные действия. Эти госпитали занимали некоторые школы. Эти школы работали в три смены.

В 1944 году наши войска освободили нашу территорию от захватчиков. Военные действия велись на территории Европы. Раненых привозили в госпитали, которые находились близко от границы. К границам направляли госпитали, которые были расположены в школах. Госпиталь, находившийся в школе № 6 (ЭГ 3784), поехал в Белоруссию, ближе к границе, в город Мозырь. В этом госпитале работали студентки из университета. Нужны были дополнительные медсестры, некоторые были моими подругами по школе. Они позвали меня, и я поехала. Ленинский райисполком отправил с этим госпиталем автомашину, полуторку, чтобы возить раненых со станции в центр города Мозырь. С фронта раненых привозили в товарных вагонах. Мужчины-санитары их выгружали на отведенную площадку под крышей. Я отвечала за приезд солдат со станции в госпиталь. В этом госпитале я проработала до конца войны. Другие девушки, бывшие студентки, вернулись и продолжили учебу.

После окончания института я стала работать в школе Ленинского района. Работала до выхода на пенсию. Сейчас я пенсионерка, ветеран войны, имею медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», медаль за педагогический многолетний труд, нагрудный знак «Отличник народного просвещения».

Иванова Александра Александровна

Я родилась в 1929 году в селе Верхние Муллы Пермского района. Сейчас это Индустриальный район. Когда началась Великая Отечественная война, мне было уже 12 лет. Это были трудные годы. На продукты питания были установлены карточки. Тяжело было с продовольствием, поэтому пришлось рано работать. В Муллах в те годы был колхоз «Восход социализма», а при колхозе был овощной сортоиспытательный участок. На этом участке выращивали различные сорта овощей и готовили семена. Семена лучших сортов рекомендовались и в колхозы и совхозы для получения высоких урожаев. Мы – подростки – работали на этом участке, было создано молодежное звено на все годы войны.

Учились в школе с 1 ноября, с мая по ноябрь работали наравне с взрослыми и выполняли те же нормы, что и взрослые. Когда начинался учебный год, мы после уроков продолжали работу на участке. Резали огурцы, помидоры, промывали семена, сушили их. Зимой перебирали овощи, чтобы не гнили, особенно лук. Пилили

дрова, топили печи в овощехранилище, а в летнее время работали на полях. Дисциплина была строгой, нельзя было опаздывать на работу. Очень уставали, но отдыхать было некогда. Одновременно и в школе учились, готовили самодеятельность и выступали в Муллинском госпитале, ходили по палатам, где лежали раненые, беседовали с ними, а летом приносили немного свежих овощей и угощали их. Давали эти овощи нам руководители сортоучастка. Свободно брать ничего не разрешалось. Только в конце осенних работ нам подсчитывали, сколько трудодней мы выработали за сезон, и тогда выплачивали зерном и овощами.

Все трудодни военных лет нас одновременно и закаляли. Мы и работали и учились. Закончила я 10 классов в 1947 году и в этом же году, по просьбе директора школы, стала работать с 1 сентября учителем 3-го класса. Работу в школе не оставляла и заочно в 1954 году закончила Молотовский государственный учительский институт. Мне казалось, что этого образования мало, так как я уже стала работать историком, поэтому закончила ПГУ. Работала в школах Облоно.

Сейчас я на пенсии, более 10 лет занимаюсь общественной работой. В Совете ветеранов Индустриального района работаю председателем микрорайона Верхне-Муллинский с пенсионерами. Участвую в патриотическом воспитании молодежи. Проводим уроки мужества в школах, лицеях, гимназиях, детских садах. Мне нравится.

Ильиных Тамара Михайловна

Наша семья Середкиных состояла из шести человек: отца Михаила Федоровича 1898 года рождения, мамы Валентины Александровны 1902 года рождения, двух братьев Александра 1924 года рождения и Николая 1926 года рождения и двух сестер Тамары 1931 года рождения и Августы 1934 года рождения. Мы – дети суровых военных лет. Когда началась война, Саше было 17 лет, Коле 15 лет, Тамаре 10 лет, Аве 7 лет.

Мы жили в микрорайоне Висим, рабочей заводской окраине. Сашу после окончания школы (обязательного семилетнего образования) устроили работать на завод в цех № 11, где была сборка военной продукции – пушек. Здесь его и застала война с Германией. А Колю по окончании 7 классов направили учиться в РУ № 3 – получать рабочую специальность. Он стал слесарем-сборщиком военной продукции, его направили работать в цех

№ 9. Папа до войны работал в цехе № 35 (пружинный цех), а перед войной перешел в небольшую организацию, откуда и ушел на фронт. 17 февраля 1943 года на Курской дуге (село Понари, где шли ожесточенные бои) он был ранен в живот и в полевом госпитале умер.

Сашу в 18 лет тоже забрали защищать Родину, его направили в Чебаркуль для обучения военному делу. Ему было присвоено звание старшего сержанта, с этим званием он ушел на фронт громить врага из той самой пушки, которую собирал на заводе. С одного берега реки Волги на другой берег эта пушка давала залпы под его командованием. Домой он вернулся уже в мирное время и опять пошел работать в тот же цех. После войны он получил техническое образование.

Коля подростком выполнял всю мужскую работу по дому, мы рано повзрослели. Нужно было протопить жилье, но дров было мало заготовлено. И мы с мамой ходили на реку Каму, где мы изо льда вырубали небольшие бревнышки, которые во время сплава плотов прибывало к берегу, и на руках носили домой, дома потихонечку разделывали и такими сырыми топили железную печку. Дома было ужасно холодно, окна были застывшие снизу доверху. В комнату поставили железную печку и маленькими дровишками ее топили, когда растопится – ее всю обкладывали картофельными соченьками для поджаривания, питание было очень скудное, но мы не падали духом, не ныли, не стонали. Мама получила язвенную болезнь, врачи ей выписывали такой рецепт для питания на месяц: 30 литров молока, 15 штук яиц, сахар, масло. Но если этих продуктов не было в наличии, заменяли другими. Я ездила выкупала в главный гастроном города на улицу К. Маркса, пока мама не поправилась. В зимний период жарили картофельные оладьи на рыбьем жире. В магазинах по талонам, которые были очень быстро напечатаны в первые дни после объявления войны, получали белое сало лярд, яичный порошок, сухое молоко. Это была помощь Америки.

Я и Ава учились в школе. Для отопления школы, где было печное отопление, носили дрова с Камы, где проходили баржи с дровами.

Осенью, после жатвы хлебов, ходили на поле собирать колоски и сдавали в совхоз, за что получали один кусочек хлеба и один стакан молока. В приусадебном участке школы силами учащихся сажали картофель с капустой. Маленький кусочек хлеба и ложечка сахарного песка – вот такой был обед. Во многих школах района

были госпитали, мы, ученики летом собирали крапиву и относили для раненых для приготовления щей, устраивали концерты. В школе был предмет «Военное дело», изучали противогаз, винтовку. Тетрадей не было, писали на обойных остатках, все учебники передавались из года в год. Все пережили.

9 мая 1945 года – Победа! Салют в рабочем поселке на другой берег Камы из пушек нашего завода! Залпы! Залпы! Залпы!

В Мотовилихинском районе на улице Ивановской до сих пор стоит двухэтажное кирпичное здание, вот в нем был райвоенкомат, откуда и уходили мотовилихинцы на фронт. Всех будущих защитников собирали во дворе этого здания, а мы, провожающие, толпами стояли на улице возле двора и здания. Матери, жены, дети – все плакали, а наш папа, он не мог выносить женских слез, встал на возвышенное место и громко произнес: «Что вы плачете? Мы вернемся с Победой!» Но, увы... вернулись с Победой, но не все.

Калашникова Мария Сергеевна

Я родилась в семье рабочих в Петропавловске. Папа был железнодорожник, а мама – швея. Наша семья состояла из восьми человек, шестеро детей и родители. Старший брат Двинянинов Николай Сергеевич учился в институте, только окончил и уехал на Кавказ, там женился. Началась война. Он служил на границе в Молдавии (Молдавская ССР, село Скуляны, деревня Герман) у реки Пруд погиб. Похоронен в братской могиле. Мы с сестрой ездили, старожилы нам рассказывали, что вместо реки текла одна кровь. Их было две тысячи, никто не остался в живых. Второй брат был летчиком, тоже погиб. Третий вернулся раненый с одной почкой. Фиса была на три года меня старше, умерла рано.

Потом умерла мама. Я осталась, крошка год восемь месяцев. Отец был в дальних поездках, я, можно сказать, была брошена на восьмилетнего брата. Тогда старшие братья решили написать письмо тете Кате – это сестра моего отца. Она написала: «Как взять ребенка, не видевши его?» Снова написали тете Кате: «Она у нас очень хорошенькая, понравится вам». Наконец, получили добро, собрали меня и привезли к дяде Васе в Пермь. Они жили на Луначарского, напротив первой тюрьмы, туда и приехала тетя Катя и увезла меня в деревню Чагино Кунгурского района.

Так я жила до десятилетнего возраста. Отец, вышедший на пенсию, приехал к своим сестрам. Тогда тетя Катя сказала: «Иди, поживи у отца. Пусть хоть сейчас повоспитывает тебя». Ему они нашли состоятельную, довольно-таки обеспеченную, женщину. Вот тут-то и начались мои страдания. Я, конечно, ей совсем не нужна, она требовала: «Убирай ее. Я сошлась с тобой, а дочь твою мне не нужно». Она имела корову, коз, овец, свиней, кур, а меня поила сывороткой, и спала я в чулане. Я написала письмо своей сестре в Пермь, о своем житье-бытье и вскоре стала жить у сестры. Они относились ко мне хорошо.

Мне не исполнилось еще и 13 лет, когда началась война. Зятя, хоть и не взяли на войну (была бронь, он работал на Свердловском заводе), но дома мы его не видели. Все на заводе, иногда и спал там. Я пошла работать. На Громовском поселке была швейная мастерская. Мастера, в основном, были из Харькова, эвакуированные. Как вспоминаю, даже дрожь идет. Приедет машина с фронта с обмундированием – с разорванными рукавами, брюками. Мы реставрировали. Положишь, бывало, под уютю, только гниды трещали...

Сестра у меня тогда работала начальником снабжения в Управлении банно-прачечном гостиничного хозяйства. И она договорилась с управляющим, чтобы взяли меня учеником маникюрши, мне очень нравилось делать маникюр (позднее я выучилась на дамского мастера и проработала в комбинате парикмахерского хозяйства 50 лет).

В период войны пришлось поработать на лесосплаве в Лядах. Разгружала вагоны с углем, ведь печи топили углем, бани, гостиничные, прачечные – все надо снабжать. Поработала и на строительстве железной дороги, таскала шпалы, рельсы. Вспоминаю, однажды работали в Осинском районе, председатель колхоза проскакал по полям и говорит: «Пока все до одного колоска не будут убраны поля, ни один не уедет домой». И вот нас привезли уже под октябрьские праздники. Кама уже была застывшая, нас везли на барже, катер шел, рассекая лед.

Замуж вышла в 23 года. Мой муж привел меня в свою семью. Мужа взяли в армию, он прослужил пять лет и три месяца, а я так и жила со свекром и свекровью. Муж вернулся, тогда я родила сына, в 28 лет. Вот только тогда и прекратились мои скитания. Жили, работали. Потом родила дочь. Сын у меня закончил ВКИУ. Дочь – университет. Сейчас у меня внуки и правнуки. Только

редко вот навещают бабушку. А я очень скучаю. Ссылаются на занятость. Ну, что сделаешь, такова жизнь. Внук прибегает, но желательно бы, почаще. Я очень благодарна моим соседям, что не забывают меня, больную. Особенно перед Вероникой чувствую себя даже как-то неловко. Пойдет в магазин всегда спросит, что купить. Я сейчас инвалид 1 группы, мне 81 год. Жаль, что после перестройки мы остались можно сказать, забытыми. И вот с 1990 года два раза меня поздравляли с днем пожилого человека и один раз с 8 марта. А с Днем Победы – никто: кроме правительственных открыток. А ведь мы всю войну и после войны работали под лозунгом «Все для Победы», а потом – «Все для восстановления народного хозяйства». Вот так.

Кизим Валентина Витальевна

Жили мы в деревне Иваново Нытвенского района Молотовской области. Папа, Долгих Виталий Титович, ушел на фронт в самом начале, ему было 34 года, и в 1941 году пропал без вести. У мамы, Долгих Анны Дмитриевны, нас на руках осталось четверо, а я самая старшая, перешла во второй класс. Жили очень холодно и голодно, хлеба не было, весь урожай колхоз сдавал государству, все для фронта, все для Победы. На один трудодень давали 300 грамм муки. Пекли лепешки, калачики из картошки, моркови, калеги, турнепса с клевером и другими травами, а в муке только обваляем, потому что 300 грамм на пять человек не хватало.

Мы платили все налоги, скидок не было. Мясо, молоко, яйца, шерсть, ничего себе не оставалось. Скот держали, но мало, потому что были все маленькие, а маме одной было трудно заготавливать корм. Мама наша работала весь световой день, а мы все ей помогали, как могли. Если она работала дояркой, мы помогали кормить, поить, доить, если свинаркой – тоже помогали кормить, а летом пасти скот. Мне доставалось больше всех. Надо было накормить и напоить скот, наносить с речки воды, полоть и поливать огород летом, смотреть за младшими детьми, ходить в школу и помогать маме на колхозной работе.

Самая младшая сестра, Людмила, родилась, когда папы уже не было дома, Лет, наверное, до трех жила на печке, привязанная веревкой к трубе, чтобы не упала. Один раз ползала и свалилась, болталась, пока я не пришла из школы. Каждый раз иду, они все ревут, и я начинаю вместе с ними, потому что не знаю, с чего начинать. А брат наш, Григорий, с шести лет начал заготавливать

дрова. Помню, мы пасли овец с мамой, как подпаски, а он берет с собой маленький топорик (папа ему сделал еще до войны) и идет в лес. Начинает рубить сушнину, тюк, тюк, и так с неделю, а когда она упадет, бежит и радуется. На завтра начинает рубить другую. Потом мама берет с собой топор, пилу, срубает сучья, пилим с ней на части, а осенью по снегу – домой, и опять пилить, колоть. Григорий у нас и лето и зиму занимался дровами. Не знаю как, но выросли мы, может, за счет земляники, у нас ее было очень много.

Сейчас, конечно, инвалиды уже, но все живые. Мы еще помогали фронту, вязали носки, варежки, выращивали табак и отправляли посылки, писали письма.

Князева Татьяна Сергеевна

Пишу о своей семье Коренюгиных. Наши родители приехали в город Молотов в 1930-годах. Папа был грамотным по тем временам, член партии. Из Казахстана папу направили вербовать людей на вырубку леса. Они делали кирпич, строили поселок Леваневского, расширяли завод – им. Сталина кирпич обжигали на заводе «Красный строитель». Все годы папа был на стройках, в лесах на вырубках. Жили мы в бараке № 7 на поселке, в шестнадцатиметровой комнате вшестером, все думали, что-то получим на расширение. Перед войной папа был секретарем парторганизации, директором магазина № 5 на Комсомольском проспекте и № 26 Левановского поселка.

Началась война, в бараке 20 семей, все рабочие. у всех по двое, трое детей, а у нас пятеро детей, родители плакали. Однако забрали всех, кто мог держать винтовку, и мы остались мал-мала. Коле 13 лет, Аде четыре года, Вале два годика и мама в положении. Старший окончил школу, пошел в 14 лет работать электриком на завод им. Сталина, чтобы помочь. Одеть было нечего, есть также было нечего. Пенсия 250 рублей, на шестерых карточки на все продукты, хлеба 300 грамм.

Учились мы в разных школах № 73, 42, 77. Так как прибывали раненые, школу № 42 забрали под госпиталь. Ходили на отвал, куда выбрасывали мусор с завода, этим топили печи. От мамы доставалось ремнем, если потеряем карточки, или съедим сразу свои граммы хлеба. Всю войну мама стирала, мыла, работала уборщицей, мы, подрастая, помогали ей. Все делали, чтобы не умереть с голода. Маму уговаривали отдать хоть кого-нибудь в

детдом, но она никого не отдала. Мы росли, бегали босиком, детей много было в бараке, всем было очень тяжело. У семьи Шадринных отец убит, мама умерла, осталось двое детей, им все помогали, кто советом, любовью. Белоусовы, Манановы, Дуивцевы, Комаровы, и у всех погибли отцы или братья. Всегда хотелось есть, говорили, мол, кончится война – по буханке хлеба съедим.

Когда окончилась война, было столько радости, весь проспект от проходных завода был заполнен народом. В 1948 году, после окончания 7 класса, я устроилась работать на завод им. Калинина, оттуда и на пенсию ушла. Сестра Ада в 16 лет пошла работать на завод патефонов, остальные сестры тоже ушли на завод. Так мы и вытаскивали, помогали друг другу. Теперь у нас нет Ады, очень болеет брат Коренюгин Николай Сергеевич, ну и остальным по 67, 77 лет. Вот так и живем, доживаем. Без детства, и юность прошла... Прилагаю письмо брата, написанное в 1941 году бабушке, ему тогда было 13 лет. Прочитайте, какие в то время были дети. (см. стр. 51)

3.

Тага у нас просят табаку
 а у нас нету табаку в магазынах
 а кто привезет из деревни продают
 стакан 7 рублей может мама и
 не пойдет потому что нечем ехать
 Ну пока шель неять больше
 нечего мама у нас комедий день
 плачет все время расирам везет
 поизь нечего говорить один хлеб и
 того на едят не человека дают хлеб
 хлеба картошки 2кг на человека дак
 за кей не доведеш увидеш часов
 в 5 а там народу человек 500 стоит
 мама выдрина на все между 10к
 на 5 человек талок вырезаи на этот
 месяц больше не получишь картошки
 до декабря а мы картошку уже
 все едим и незнаем как дальше
 неить нечего не дождатсясь
 кто едени картошку той как нибудь

Кононова Галентина Яковлевна

Я, Кононова Галентина Яковлевна, в период 22 июня 1941-го по 9 мая 1945 года работала в заводе им. Сталина и награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.». Я работала конструктором по измерительному инструменту в отделе проектирования. Работа начиналась в 7.30 и кончалась в 22.00. Жила я далеко, около Перми II, и мне дали место в общежитии ИТР. Получала рабочую карточку на хлеб 700 грамм, (200 грамм отдавала матери, она получала 400 грамм). Оставалось хлеба 500 грамм. До чего был маленький кусочек, а я разрезала на три части, на утро, день и вечер. Давали нам талоны на одну железную тарелку баланды из ржаной муки. Всегда хотелось есть.

Я видела, как люди умирали от голода. В отделе была 10-минутка, когда по карте отмечали передвижение войск на фронте. Иногда меня отпускали дежурить в госпиталь к раненым (находился в пединституте). Раненые лежали в палатах, коридорах, их было так много, а их все привозили и привозили, были всякие, без ног или рук. Всю ночь стоны, обслуживающего персонала не хватало. Я кормила тех, кто не мог есть сам, писала им письма. Да, американцы заботились о нас, для еды посылали лярд, которым колеса мажут...

Но вот кончилась война, и сколько было радости – не описать. В столовой дали полную тарелку, с верхом, лапши и кусочек сливочного масла. До чего же было вкусно. Теперь, в трудное для нас время, я варю лапшу с маслом, но того вкуса не испытываю. Может, старая стала.

Да, трудное было время, пережили, переживем и это.

Воспоминания предоставил Мелентьев Виктор Ларионович, работавший председателем профкома УПТО и КО объединения «Пермнефть». В 1990-е годы собирал материалы для стенда о ветеранах Великой Отечественной войны и тружениках тыла своего предприятия.

Королев Энгельс Михайлович

Родился в городе Ленинграде. Мою маму после окончания педагогического института направили на работу в Соликамск, где мы жили до 1939 года. Затем переехали в Пермь, где и проживаю до сих пор.

В войну (детские годы) прожили с родителями здесь, в поселке КамГЭС. Естественно, годы войны помню как вчера! Мы, дети того времени, прекрасно понимали, какая смертельная угроза нависла над страной. Хорошо помню, как тысячная демонстрация провожали на фронт своих близких на станциях КамГЭС, Левшино. Жены, дети плакали, провожая мужей и отцов.

Через два дня после начала войны в магазинах все продовольственные продукты (сахар, масло, консервы) исчезли. На рынке цены «взлетели», только хлеб остался по прежней цене. На следующий месяц ввели продовольственные карточки на хлеб и остальные продукты. Я получал в день 400 грамм хлеба, мама — 600, папа — 600. Начался

голод. Весь день ходил с мыслью — что сегодня покушать. Но мы, дети, да и все население страны были воспитаны в патриотическом духе. Мужественно переносили невзгоды.

Последние известия Совинформбюро мы слушали, затаив дыхание. Тяжелые известия о наступлении врага, о сдаче наших городов... Началась беспрецедентная эвакуация населения из городов, а главное, заводов оборонной промышленности в тыл. Немецкие самолеты постоянно бомбили железнодорожные

эшелоны с населением и оборудованием. В город Молотов стали прибывать беженцы. Жители стали отдавать свою излишнюю жилплощадь эвакуированным. Мы тоже отдали одну из комнат. В каждой квартире жили по две-три семьи.

Город перешел на военное положение. Был издан приказ провести в городе полное затемнение окон, электрический свет в жилых домах, кроме больниц и школ, был отключен. Город погрузился в полную темноту. Население после работы (у нас на КамГЭСе) выходило рыть окопы, бомбоубежища. Ожидали налетов немецкой авиации. Мы, дети, активно принимали участие в оборонных мероприятиях. Помогали убирать урожай в колхозах, собирали металлолом, выезжали с концертами художественной

самодетельности в военные лазареты для раненых на фронте.

В общем, мы были по настоящему патриотами своей Родины.

В то же время мы по-прежнему оставались детьми. Также играли во дворах, играли в войну. Надо отметить, мы были вооружены настоящим оружием, трофейным, сломанным, конечно. Постоянно ходили на свалки вторчермета, куда привозили на переплавку трофейное оружие: пушки, танки и все остальное. У меня

лично была немецкая офицерская каска (с рожками, свастикой) и пистолет Кольт. Попадались ребятам целые взрыватели от мин. Были несчастные случаи – взрыватели взрывались в руках – отрывало пальцы. Легко отделался и я – от взрыва патрона от ракетницы спалил себе ресницы, брови и волосы.

Но мой товарищ по школе, Филатов Коля, с которым мы подружились на всю жизнь, испытал гораздо больше. Его отец, мать и брат успели эвакуироваться, а он с бабушкой вовремя не успел, остался в тылу врага. Воочию видел ужасы войны, поля сражений. При первом же разгроме немецких войск под Москвой наши войска отбросили немцев и освободили населенные пункты, деревни. Так он вернулся к своим родителям, к нам на КамГЭС.

Естественно, такие тяжелые испытания спланивали нас и весь наш народ в единое целое, в единую семью. Только благодаря этому мы смогли победить такого сильного врага. Мы знали, что эта победа досталась нам очень дорогой ценой.

Курочкина (Просвирнина) Ольга Александровна

Слово «война» застало нас в саду им. Горького. Мы, только что закончившие 6 классов Молотовской средней школы № 2, гурьбой вышли из летнего кинотеатра и вдруг услышали голос диктора... Это было 22 июня 1941 года. Что-то тревожное охватило нас. Мы перестали быть детьми.

Отцы и братья собирались на фронт. Мамы держались, знали, что все тяготы войны будут на них. Да, тяжелое испытание выпало на долю не только тех, кто воевал, трудился, но и учился. Голодный, холодный 1941-1942 учебный год. Мы стали взрослее, серьезнее. Чувство долга перед Родиной, чувство патриотизма, веры в победу охватило учащихся. Нас не нужно было заставлять учиться, трудиться. Знали, что требует от нас страна, и ко всему относились добросовестно.

Окончив 7 классов в 1942 году, мои одноклассники вынуждены были идти в ремесленные училища, на заводы и другие предприятия, так как стране нужны были рабочие руки. Мы с подругой Валей Пухаревой поступили работать на центральный телеграф города Молотова. Здесь получили специальность телеграфистки. Я работала на аппарате «бодо», а Валя на «клопфере». Надо было быть очень внимательной, так как принимали правительственные телеграммы, шифровки. Мы, несовершеннолетние девочки, трудились по 16 часов в сутки, без выходных и отпуска, но мы не ныли, старались держаться бодро, но желание учиться не покидало нас.

Телеграф – оборонное предприятие. Мы хотели учиться только в техникуме оборонного значения. И вот, проработав год, мы с Валей пошли учиться в нефтяной техникум. Сдали экзамены, нас приняли, лето проработали и в сентябре 1942 года пошли на занятия. А в октябре нас разыскали учителя нашей школы № 2 и стали звать учиться в школу, так как набор был маленький. Произошло разделение на мужские и женские школы. Мы согласились, но вскоре домой пришли повестки: 21 октября 1943 года явиться в городскую прокуратуру. Оказывается, мы с Валей не имели права уйти с оборонного предприятия в школу. Куда только не ходили, везде отказ. Начальник отдела кадров телеграфа Лебедева М.Н. пошла нам навстречу, пожалела нас и в трудовой книжке написала, что мы вышли на работу 19 октября 1943 года. И вот пришли в прокуратуру две девчушки: худенькие, плохо одетые, представились. Прокурор на нас закричал: «Дезертиры! Под трибунал вас!» Мы перепугались, затряслись, и тут ему принесли наши документы, где значилось, что мы работаем. Он утихомирился, но сколько было укоров и угроз за то, что мы хотели учиться в школе. Вот как было...

С телеграфом мы не расстались. Шел второй год работы. Начальник телеграфа Майстренко, инвалид войны, был суровый человек. Но к нам подошел по-отцовски: разрешил работать по шесть часов и учиться в дневной средней школе.

Наш распорядок: с 6 часов утра до 12 дня – работа на аппарате в телеграфе, а с 13.30 – занятия в школе. Так было весь 1943-1944 учебный год. Мы учились в 8 классе. Были трудности, но мы их преодолевали, и первая благодарность в трудовой книжке – за хорошую работу в телеграфе записана в 1943 году.

Свободного времени не было ни минуты. 9 класс. Я еще успевала заниматься общественной работой, так как была немного старше своих одноклассниц. Заметив мои организаторские способности (а я уже была комсомолкой), директор, работники райкома комсомола стали уговаривать меня перейти с телеграфа на работу старшей пионервожатой, совмещая с учебой.

И мне выпала честь не только учиться, но и работать в своей родной школе в эти трудные годы Великой Отечественной войны. Моя подруга Валя продолжала работать в телеграфе и учиться с нами в 9-10 классе. До сих пор мы с ней как сестры.

В 1944 году мы со старшеклассницами и учителями русского языка и литературы провели встречу с писательницей Верой Пановой. Она была эвакуирована вместе с театром. Беседа была интересной, нужной. Она подарила школе свою книгу «Спутники». Несмотря на тяжелое время, мы умели учиться, трудиться и отдыхать. В районе школы было два кинотеатра: «Звезда» и «Комсомолец». Найдя свободный часок в воскресенье, ходили с классами в кино. Билет стоил 10 копеек. Шли старые черно-белые фильмы и сборники о войне. Дети были довольны.

Для многих старшеклассниц и учителей, эвакуированный к нам, в Молотов, в 1942 году Ленинградский театр оперы и балета имени Кирова, стал школой эстетического воспитания.

После снятия блокады Ленинграда театр в июне 1944 года уехал, и у нас в Молотове быстро была скомплектована труппа наших артистов, первый спектакль состоялся 4 ноября 1944 года.

Мы, школьники, умели учиться и трудиться. Большую шефскую работу проводили пионеры и комсомольцы над госпиталями. Подшефный госпиталь школы находился в здании областной больницы. Представьте себе, вечером, после уроков, девочки шли

туда, чтобы помочь накормить раненых ужином, убрать палаты, письма написать, почитать больным. Выполняли обязанности нянечек. Сколько добра и милосердия было в этих помощницах. А сколько благодарностей, их просто не счесть!

Каждая школа также имела график работы на паровозо-ремонтном заводе им. Шпагина. Прибывал груз – ящики с деталями для паровозов – их нужно было разгружать. Мы с девочками снимали ящики с платформы и переносили в указанное место. Под тяжестью прогибались спины, но мы знали: паровозы нужны для победы. Шли и делали.

В определенные дни каждая школа направляла учащихся на «Красный Октябрь» на разгрузку барж с соленой или замороженной рыбой. Руки разъедала соль, пальцы сводило от холода. Слез не распускали, хотя порой было невмоготу.

Школа отапливалась дровами, и проблемой номер один была заготовка дров. На берегу Камы отводился участок для школы, где были оледенелые бревна, их нужно было вывезти. А как? Транспорта нет. Шли на берег все учителя, ученицы и вырубали изо льда бревно, вбивали большой гвоздь, прикрепляли к нему канаты, и как на картине Репина «Бурлаки на Волге», волокли его

вверх по Осинскому спуску, через железную дорогу, по улице Орджоникидзе, по Советской к школе. Во дворе школы ждали девочки, которые вместе с уборщицей тетей Марусей пилили бревно и кололи ледяные чурки. Под пилой стоял звон, под топором – треск. Целый день дрова теплились в школьных печках. Часто в роли истопника можно было видеть маленькую хроменькую Риту Акинфьеву, ей было 13-14 лет. От физических работ она освобождалась, а здесь была незаменима. После экзаменов наступали летние каникулы, но это были настоящие трудовые четверти. Все лето учителя и ученики трудились в пригородных совхозах на прополке и уборке урожая, на сборе ягод, лечебных трав, хвойных лапок, которые так необходимы были для раненых.

Жили все впроголодь, и радостью для всех ребят была на завтрак в школе маленькая серенькая булочка с овсинками с фруктовым чаем без сахара.

К военной подготовке все девочки относились серьезно. Ученицы овладевали «морзянкой», собирали и разбирали винтовку, ходили в тир на стадион «Динамо», имели значки «Меткий стрелок». Хорошо была поставлена спортивная подготовка. Откуда брались сила и здоровье? Спада и ханжества ни в работе, ни в учебе не было, хотя усталость чувствовалась.

И вот Победа! Как сейчас помню: 9 мая 1945 года в 4 или в 5 часов по радио объявили: «Закончилась война!», а в 8 часов утра учителя и учащиеся собрались в школе и провели линейку. Невозможно забыть ликующие лица, гром аплодисментов, поцелуи, объятия, громкое ура!

В то время мы считали, что в победе есть и частица нашего труда. Старшей пионервожатой я работала до декабря 1946 года, хотя уже училась в пединституте. И первый послевоенный выпуск был в 1946 году нашего 10 «а» класса. Велико было желание учиться и получить специальность. Стране нужны были грамотные люди, и почти все девочки нашего выпуска пошли в вузы города. Замечательными педагогами стали Клара Нынь, Женя Яскевич, Белла Мятишкина, Инна Ванюкевич, Надя Минеева, Роза Златкина, и я, Ольга Просвирнина, учитель истории и завуч школы № 6 города Перми. Четверо избрали профессию врача. Это Майя Хазанова, Мила Серкова, Тома Соловьева, Лена Демидова, а моя подружка Валя Пухарева стала инженером.

Закалка в годы войны и школьная подготовка дали хорошие плоды: на все хватало силы воли. Нашему энтузиазму, стойкости, мужеству, жизнелюбию и милосердию стоит позавидовать.

В канун 65-летия Победы поздравляю участников и ветеранов Великой Отечественной войны с праздником и желаю им здоровья и счастья.

Лобанова Наталья Александровна

Я родилась в городе Перми (бывшем Молотове) в центре, на улице Газеты Звезда (Оханская).

До войны, в войну и после нее на улице стояли добротные и не совсем деревянные одно- и двухэтажные дома. Вся проезжая часть была покрыта травой, цветами, машины очень редки. Если появится одна за две три недели, то для нас, ребятишек, это было событие огромной важности: мы всю ее облазим и просим шофера прокатить! Еще на нашей улице, на месте теперешнего бассейна «Жемчужина» стояли два деревянных барака, в которых жили эвакуированные. Через дорожку, мимо этих бараков, можно было пройти к уже построенному Гарнизонному дому офицеров, его начали строить в 1939 году, а закончили в 1943 году. Это был для нас первый «очаг» культуры.

Во время войны у многих жителей домов на нашей улице была живность – коровы, козы, куры, и мы помогали пасти их, караулить, за что иногда перепадало то яичко, то стакан молока. Кроме этого, в годы войны и первые послевоенные по талонам выдавали на семью несколько метров мануфактуры – дешевенького материала, которому все были рады. Мама шила новое платье, кофточку.

Еще помнится, как взрослые ходили на работу на завод № 19, работали в три смены, каждая смена начиналась по гудку сирены. До завода ходили пешком, примерно три-четыре километра, так как трамваи были редкостью, а другого транспорта не было.

Логинов Валерий Александрович

Я, Логинов Валерий Александрович, 1931 года рождения. Родился и проживал в многодетной семье на юго-восточной окраине города Перми в верховьях реки Егошихи, в деревне Загарье. Отец – Александр Васильевич (1901 года рождения) работал на авиационном заводе № 19 им. Сталина, в отделе труда и зарплаты, мать – Александра Васильевна (1907 года рождения),

домохозяйка. Нас, детей, было пятеро: Виктор (1928), Леонид (1930), Нина (1938), я, Валерий (1938) и Аля (1940).

У нас при доме была хорошая усадьба – 16 соток, корова, свиньи, куры. С раннего детства мы помогали родителям по хозяйству: заготавливать дрова, сено, корм. В огороде копали, садили, пололи, поливали, убирали овощи, пасли скот, носили с речки воду, зимой убирали снег.

Учиться за три с половиной километра через кирпичный завод «Красный строитель» мы ходили в семилетнюю школу № 12, переименованную в 1960-х годах в школу № 77. Я учился в этой школе с 1939 по 1946 годы. Конечно, в годы войны было тяжело и родителям и нам – детям. Хлеб давали по карточкам – 300 грамм на иждивенца. Чтобы побольше купить хлеба, родители свои овощи и молоко продавали.

Помнится, как мы осенью ходили по выкопанным огородам, полям и собирали остатки картофеля, свеклы, репы, турнепса, моркови и дома пекли на печке-буржуйке. Также помню, как мы гурьбой ребят ходили на пункт заготзерна и под вагонами собирали кусочки жмыхов и сосали как печенье.

В школе нам давали по одному куску хлеба 30 грамм. Писать приходилось на газетах, да на разной подобранной бумаге, редко в тетрадях. Учебников было очень мало, портфелей не было, тетради носили в холщевых сумках да за поясом. Из иностранных изучали, начиная с пятого класса, немецкий язык. Был предмет военное дело. Директором школы № 12 была пожилая женщина Паскеева, а с 1942-1943 года директором стал демобилизованный после ранения Черных Алексей Федорович, который впоследствии ректором Пединститута.

Отца на фронт не взяли, у него была бронь с военного завода. В мае 1945 года с великой радостью узнали об окончании войны. В июне 1946 года я закончил семь классов школы № 12 «хорошистом», и в сентябре 1946 года поступил учиться в Молотовский речной техникум на улице Ирбитской, который с 1947 года реорганизован в полувоенное речное училище, где готовил нас – офицеров запаса ВМФ СССР – боевой моряк, защитник Сталинграда, писатель О.К. Селянкин. После окончания речного училища с 1951 года я стал капитаном на пароходах «Маяковский», «Луначарский», «Вишневский», метеор «Украина». Я работал на судах Камско-Волжского пароходства 24 года, а с 1974 года – в Судоходном надзоре до выхода на пенсию в 1997 году.

Лурье Зинаида Сергеевна

Я родилась в 1925 году в селе Верховка Винницкой области на Украине. Когда началась война, мне было 15 лет, и я кончила 9 классов.

Немцы продвигались стремительно, и уже в начале июля они приближались к нашим краям. Мои родители не могли эвакуироваться. Меня им удалось отправить со знакомыми. И я попала в Березники в трест «Севуралтяжстрой». Первый год в Березниках был очень трудным. Эвакуированных разместили в огромном здании клуба. Там уже были устроены трехэтажные нары. В проходе – железная печка, где можно было посушить брезентовые ботинки на деревянной подошве, но доступа к ней, конечно, нет при таком стечении народа. Портянки – из мешков из-под цемента. Постоянное ощущение сырости и холода заглушает чувство голода. А морозы доходили в ту зиму до -40. Все, что значилось в продуктовых карточках, съедалось в обед.

Работали на азотно-туковом заводе, который постоянно реконструировался в связи с переходом на изготовление продукции, соответствующей военным заказам. Долбили вручную отверстия в наружных стенах, в потолках, перекрытиях, копали ямы под столбы, вгрызаясь в мерзлую землю. Греться залезали в штольни, где проходят трубы центрального отопления.

Были в нашей бригаде женщины, освобожденные из заключения по амнистии. Они привыкли к тяжелой физической работе. Мне нельзя было от них отставать. Они меня постоянно поддерживали шуткой, улыбкой, просто одобрением. Особенно запомнилась бригадир Маша Медведева. Предельно требовательная, а голос у нее тихий, проникновенный. Я ощущала симпатию и сочувствие этих женщин и могла постоянно делиться с ними своей тревогой о родителях и брате, оставшихся в оккупации.

В 1943 году нашу бригаду перебрасывают на строительство ТЭЦ магниевого завода. Уже построены специальные бараки. Тут нет сплошных трехэтажных нар. Нары двухэтажные, напоминают полки плацкартного вагона. К печке доступ есть. Ботинки не брезентовые, а кирзовые. Кроме 800 грамм хлеба, по карточке иногда дают дополнительный талон на 200 грамм. Я работаю на бетономешалке. Вожу по трапам тачку с бетоном и опрокидываю ее в опалубку. Работаем не под открытым небом, а все-таки под крышей. Греться ходим не в штольню, а в шалаш, где оттаиваем ото льда и сушимся.

Часто вспоминается такой эпизод. Иногда в ночную смену, когда цемент не привезли и бетономешалка останавливается, все забираются в шалаш, располагаются на высохшей щебенке. Полумрак. Единственная лампочка под потолком. И тогда все упрашивают Валю Лежневу что-то спеть. Она эвакуирована из Ленинграда, где училась в консерватории. У нее изумительный проникновенный голос. И вот звучит романс. Все внимательно слушают. Кое-кто плачет. Каждый о своем. Но в то же время что-то одно, общее, просветленное сейчас всех объединяет – это ощущение причастности к чему-то очень важному, что не заглушается и не притупляется постоянным чувством голода. Это атмосфера созидания, атмосфера стройплощадки, в центре которой уже просматриваются очертания корпуса ТЭЦ, без которой немыслима работа магниевого завода. Но вот привезли цемент. За нами приходит мастер. Но он песню не прерывает. Стоит и слушает ее до конца. Мне кажется, нас объединяло какое-то ощущение содружества, которое придавало силы.

Но вот приближается 1945 год. Винницкая область освобождена от оккупантов, и я узнаю, что мои родители, 13-летний брат и все родственники расстреляны немцами вместе с пятью тысячами евреев, населяющих район. Из всего моего рода судьба сохранила жизнь только мне одной.

Вынырнуть из мрака, в который ввергают такие мысли, может только сочувствие людей, которые тебя окружают. Благодаря их помощи и поддержке, я в 1945 году экстерном сдала экзамены в школе рабочей молодежи и получила аттестат о среднем образовании. В этом же году поступила в Пермский университет. В 1950-м кончила университет и начала свою педагогическую деятельность, которую завершила в 2000 году. В течение этого времени я семь лет была завучем школы № 42 и 20 лет проработала директором школы № 9 им. Пушкина.

Одинцова (Тюрина) Фаина Васильевна

Я родилась 28 сентября 1941 года.

Под конец войны помню окна, заклеенные крестом из бумаги, а вечером окна занавешивались одеялами, чтобы свет не проникал на улицу. Но я помню и красивую новогоднюю елку, увешанную шариками, домиками, сосульками, морковками и даже самоварчиками – игрушки были стеклянными и, конечно,

были бусы и стеклянные и бумажные. А еще мы часто пили чай, спрашивали маму: «...с чем будем пить чай?» Она отвечала: «С дуем» (дули в блюдце, чтоб чай быстрее остывал). «Письменосец ей в окошко постучит, письмецо он ей желанное вручит...» Но, увы! Писем не было. Папа ушел на войну в июле 1941 года, с дороги, со станции Буй пришло письмо, и больше писем не было. В 1946 году получили документ, что Тюрин Василий Дмитриевич пропал без вести.

Когда исполнилось мне три года, мама отдала меня в детский сад. Первый день в детском саду помню хорошо, мама привела меня, а я вцепилась в нее, реву, не иду в группу, меня уговаривают, говорят, что буду играть с Валею, Людой (наши соседи по квартире). В конце концов, ревущую, меня отняли от мамы и унесли в группу. Привыкла. Играли, рисовали, были веселые праздники.

Была «веселым гусем», пели «Жили у бабуси два веселых гуся. Один белый, другой серый — два веселых гуся...» В группе девочки и мальчики, с одним из мальчиков были очень дружны, дети даже частушку про нас пели: «С неба звездочка упала на сырую линию, Юра Фаю переменит на свою фамилию».

Но этого в жизни не произошло. Часто вечером в детском саду сидели все у окна и ждали родителей – тогда был очень длинный рабочий день, а иногда родители работали и по две смены, так что оставались и на ночь в детском саду.

Но чаще всего меня из сада забирал брат Гера, тоже не велик, на два года старше меня, но забирал он меня. Зимой на санках-пошевенках (деревянные санки) или на тарантасе (загнутая проволока, толстая) вез домой. Однажды старшие парни отобрали у нас тарантас – ходить стали пешком.

Что же помню еще в далекие детские годы?

Как-то сидим, роемся в песке. Подходит Валя – девочка из соседнего дома и говорит: «Девки, а я сейчас клопа съела. Думала крошка хлеба, а это клоп оказался».

Вот такие военные будни для детей. Как бы тяжело не было, а по вечерам выходили женщины на крыльцо, пели песни. Иногда под гармонь, иногда под мандолину. Песни все тоскливые, все ждали мужей, сыновей, ждали от них весточки.

В школу пошла, когда мне еще и семи лет не было. Школы были мужские и женские. Гера учился в мужской школе № 16, а я в другой стороне, в женской школе № 43. В первом классе училась хорошо, во втором – была отличницей, в третьем и четвертом – хорошо. Начальная школа закончена. В пятый класс пошла

в школу № 45 (новая школа в поселке ПДК), школа смешанная, и наша группа из детского сада почти вся оказалась в одном классе. Мальчишки, девчонки – почти все знакомы. В шестом за первую четверть вышло шесть троек. Ужас! Так учиться нельзя – сказала себе и до конца учебы в школе «тройки» за четверть себе не позволяла.

Мой папа, Василий Дмитриевич Тюрин, с 28 июля 1941 года состоял на действительной военной службе в кадрах Рабоче-крестьянской Армии в должности командира отделения. 1 сентября 1941 года мама получила письмо, которое папа написал с дороги на фронт. Станция отправления – Буй. «Уехали на фронт ночью с 22 на 23 августа. Лида, мамаша, прошу только не беспокоиться. Я сам почему-то совсем не волнуюсь. Едем с песнями, шутки, прибаутки, как будто не на фронт. Что считаю хорошим явлением. Народ (особенно женщины) чуть ли не на каждой станции встречают и провожают нас со слезами на глазах. Лида, Гере скажи, что папа уехал далеко бить фашистов. Привет всем. Вася». Больше писем не было. Видимо, папа попал в военную мясорубку под Ленинградом.

Скоро мы получили извещение, что Василий Дмитриевич Тюрин пропал без вести в декабре 1941 года. Всю войну и много лет после нее мы ждали от него писем, надеялись, что произошла ошибка, и папа обязательно вернется.

Погудина Ядвига Викторовна

Прошло 65 лет с тех пор, как закончилась Великая Отечественная война, но до сих пор она отзывается в сердце, как будто это было вчера, как страшный сон. Когда началась война, мне было 10 лет, а сейчас почти 80.

Итак, родители мои разошлись, когда мне было четыре года. Мы жили тогда в Чусовских Городках Пермской области. Мать забрала меня к себе, и мы переехали на КамГЭС. Я ходила в садик, а мать работала в детских яслях медсестрой. Это было время, далекое от телевидения и интернета. Было только радио, часто одна тарелка на весь поселок, висевшая на столбе. Самым интересным было черно-белое немое кино. В клубе висел экран на сцене. Стулья были заняты взрослыми, а мы, мелочь, располагались на полу перед экраном или позади него на сцене, лежа, сидя кому как придется.

Перед самой войной мы переехали в Краснодар. 1 сентября 1939 года я пошла в первый класс в городе, а через месяц мы переехали в совхоз № 5, который был расположен в пяти километрах к западу от селекционной станции. Наш совхоз был животноводческий. Там разводили отличную породу коров «красная немка». В совхозе была только начальная школа: две классные комнаты и две смены. С 5 класса дети уже ходили в город пешком, т.к. автобусов в те времена никаких не было. Моей матери было не до меня: она была женщина молодая. Работала она в яслях, там и питалась, а мне приходилось ходить в столовую, а иногда питаться где придется. Благо, кругом были поля с овощами и сады с фруктами.

В классе все ребята сразу обратили на меня внимание, так как я говорила по-уральски, твердо выговаривала «г», а не так, как на Кубани «гх», мягко. Ребята говорили «Городска дивка». Но я быстро освоилась.

Это прекрасное беззаботное детство было прервано 22 июня 1941 года.

Фронт был еще далеко. Все мужское население было призвано в армию. Мою мать, так как она была медсестра, оставили до особого распоряжения. Из-за меня, ребенка.

Вокруг города стали копать противотанковый ров в виде траншеи, с расширением вверху. Он предназначался для того, чтобы немецкие танки не проскочили в город. Но он так и не сыграл своей роли.

На эти работы сгонялось все взрослое население города и округа. Копали все вручную, и землю выносили на носилках наверх. Бульдозеров и экскаваторов не было. Ночами была светомаскировка. Хотя фронт был еще далеко, немецкие самолеты уже стали прилетать и бомбить город.

2 августа 1942 года был дан приказ: «Эвакуировать скот дальше на Кавказ!» Было оборудовано десять подвод, в каждой по две семьи.

Коров доили, а молоко раздавали населению и отступающим с нами солдатам, а иногда коров доили прямо на землю, если отдать было некому.

Мы продолжали наш путь к Белореченской. Вдруг сообщают, что там уже немцы. Надо сказать, что наши отступали без боев, начиная от донских степей.

Немцы шли уверенным победным маршем на юг, не встречая преград. Хлеб! Нефть! Август 1942 года. Итак, мы спустились в

Апшеронку. Тогда это была станица, расположенная среди гор. А сейчас это город Апшеронск. Когда мы спускались с гор, из-за черного дыма не было видно солнца. Горела нефть, взорванная или нашими или от попавшего снаряда или бомбы. У склада с мукой мы остановились. Люди разбирали мешки с мукой, т.к. их собирались сжечь.

Мы встали на квартиру у одной женщины на юго-западе, на краю станицы. Ее дом приветливо стоял на пригорке. Скот раздали населению и разогнали по лесу. Все, кто ехали снами, сделали то же самое.

По всей Апшеронке были развешены объявления на русском языке: «Евреям и военнообязанным явится с документами и вещами» среди наших беженцев был один старичок, или еврей или похож на него. Немцы расстреляли его недалеко от нашего дома. Мы его похоронили, и у меня в памяти остался холмик на его могиле.

Помню, по станице ездил телега с немцем и нашим пленным. Они собирали еду у населения для наших пленных. Наши женщины сварили огромное ведро борща и унесли в лагерь.

Во все времена и в каждой стране есть и будут отморозки и предатели. Однажды русский полицай обшарил нашу гарбу и забрал мешок муки. Еще раз такой же полицай стал забирать у нас молодого жеребенка. Без него мы не смогли бы никуда уехать с этого места. Кругом была степь. В совхозе была организована новая власть с бывшим главным бухгалтером Чирковым Романом Федоровичем. Он стал полицаем. Коров мы сдали стадо. Он заставлял трудоспособных работать на немцев.

Весь август и сентябрь люди из совхоза и города занимались заготовкой сельхозпродуктов. Они ходили в поле, собирали зерна пшеницы, ячменя и початки кукурузы. Часто собранное забирали полицаи, но надо было выживать. Молодежь заставляли работать на немцев. Помню, за целый день можно было собрать огромный матрасник пшеничных или ячменных колосьев. Из этого выходило целое ведро зерна. Колосья мяли руками и провеивали на ветру, зерно мололи в самодельных мельницах. К доске, на которую садился «мельник», перпендикулярно был прикреплен квадратный стержень, на который надевалась металлическая труба с железными прутьями внутри. и ручка, за которую вертели трубу. Затем все сеяли – мука, крупа. Самым дорогим в это время была соль. Она была только на рынке и стоила 70 рублей за стакан. В ходу были рубли и немецкие марки. 1 марка – 10 рублей.

В ноябре-декабре немцы стали угонять на работу в Германию молодых от 14 до 30 лет. Но были среди них и добровольцы. Например, моя мать. В ноябре она собрала чемодан с лучшими вещами, сказав, что скоро вернется. Я ей сказала: «Но ведь наши придут!» А она в ответ: «Уедешь к своим на Урал». Адреса она мне не оставила, хотя знала его наизусть.

Хлеб у меня был. Присматривали за мной соседи. Вскоре эта семья переехала на хутор, который находился недалеко от селекционной станции и совхоза. Они взяли меня с собой.

Фронт уходил все дальше на северо-запад. Немецкая авиация возвращалась и бомбила город. К нам на хутор стали зенитчики.

Радости моей не было предела, когда я получила с фронта письмо и фото своего папы, который воевал в танковой части. Девушки-зенитчицы хотели взять меня в дочери полка в зенитную.

Но решено было отправить меня на Урал к дедушке и бабушке. Поезд уходил из Краснодара в 8 вечера. Уже стемнело, когда мы с Полинкой отправились в путь. Вскоре нас догнала военная машина, мы проголосовали и меня посадили, а Полянка ушла домой. Военные ехали на вокзал. Пришел поезд, но меня не пускали в вагон: мест не было. Я увидела, как мне навстречу шел военный. Я к нему: «Дяденька, посади меня в поезд, я еду к бабушке и дедушке на Урал». Этот человек оказался бригадиром поезда или проводником. Он провел меня к дверям, где не было посадки, и усадил меня в общий вагон. Целую ночь мы ехали до Кавказской, а там пересадка на Москву. В 5 часов вечера пришел московский поезд. Железнодорожные насыпи были высокие, платформ не было. Меня ни в один вагон не пускали: мест не было. Я упала в лужу, вымочила свою сумку с хлебом. В истерике я металась от вагона к вагону, лихорадочно повторяя слова: «Или я сяду в поезд, или мне хана!» За мной наблюдал офицер из вагона.

Он помог мне залезть в вагон, дал мне мыло, полотенце, отправил умываться, обещая присмотреть за мешком. Перед Москвой стали совещаться, с какого вокзала мне ехать. Наконец решили, что с Ярославского, тогда он еще назывался Северным. Прощаясь, он меня успокоил: «Завтра в два часа дня тебя посадят на поезд!» Я благополучно доехала до Молотова.

.. Утром раздался голос проводницы: «Станция Бисер», я вышла в тамбур, там был подросток моего возраста. Я спросила его, не знает ли он, где живут мои бабушка и дедушка. Он с удовольствием согласился проводить меня до них, т.к. сам шел мимо.

15 января 1944 года я вышла из вагона. Ярко светило солнце, стоял мороз. Проходя мимо станции, паренек подошел к мужчине и сказал: «Здравствуйте, дядя Леша! Я вам гостью привел!» Это оказался мой родной дядя.

1943 год на Урале был голодным. Здесь я прожила с месяц, а потом дед повел меня в поселок Бисер к отцу моей матери. У деда была корова и 15 соток земли. Мне было сказано: «Если будет плохо, вернешься к нам».

В поселке Бисер мне понравилось. Там был чистый воздух, не пахло поездами, и было очень тихо. У деда на квартире жила женщина Любовь Тимофеевна с двумя сыновьями моего возраста. Они были из Ленинграда. Дед решил, что мне надо учиться. Пока я еще в школу не ходила, а ходила в столовую за дедовой похлебкой. Он работал на заводе, а там рабочим выдавали еще и суп.

С дедушкой мы жили дружно. Наступил долгожданный день 8 мая 1945 года. Жители Бисера собрались на Камешке. Это скала над рекой Койвой. День был пасмурный. Был митинг, его проводил директор школы. Люди плакали и радовались. Но моих слез никто никогда не видел.

Хочу еще немного рассказать о послевоенном времени, о том, как еще раз побывала в Краснодаре. Мать моя осталась жива, ее посадили в тюрьму. Об этом нам написала хозяйка, у которой она жила после возвращения из Германия. Решено было отправить меня к ней на свидание. 1946 год, август. Мне уже исполнилось 15 лет, но училась я еще в 7 классе и была на два года старше своих одноклассников. В поселке никто не знал, что я поехала на свидание с матерью в тюрьму. Особенно боялись огласки наши родственники...

Мой отец остался жив, он еще воевал и на восточном фронте. Демобилизовался, женился на прекрасной женщине, вдове с тремя детьми Солохиной Марине Ивановне. Они звали меня жить к себе, но я решила закончить семилетку в Бисере у деда.

Вспоминая эти годы, мне порой кажется, что все это было не со мной, а с какой-то другой девочкой. Но иногда сердце так щемит и на глаза наворачиваются слезы, встает комок в горле.

Низкий поклон всем ветеранам войны. Надо их беречь. А осталось их уже так мало. Мне и то уже почти 80.

Простосердов Аркадий Михайлович

Осенью 1941 года, когда с Запада на Восток были эвакуированы многие предприятия и учреждения, наша семья также прибыла в Молотов. Нас пятеро, с нехитрым домашним скарбом в узлах и котомках разместили в одноэтажном деревянном бараке на Банной горе, подселив к женщине, живущей с сыном-подростком в двухкомнатной квартирке. Они вдвоем забрались в маленькую комнатку, а мы впятером разместились в проходной, размером где-то 16-18 метров. Но жили дружно, не ссорились и помогали друг другу.

Мне тогда исполнилось 15 лет. Отец работал преподавателем математики в Ремесленном училище № 8 (в Кислотном), маму приняли в начальную школу № 43 учителем, а затем назначили заведующей школой. Со временем нам выделили однокомнатную квартиру.

Особенно трудной оказалась зима 1941-1942 года. Было холодно, голодно, неуютно. Тревожно было за страну – немцы рвались к Москве. 7 ноября 1941 года все уткнулись в черные тарелки – тогда это были радиорепродукторы, слушали про парад в Москве, слушали выступление Сталина и радовались, что Москва стоит.

К суровому быту пришлось привыкать: война! Печь в квартире надо было топить каждый день по несколько часов – дрова-то сырые – рейки, обрезь с Левшинского лесозавода. Зимой 1941 года мы с сестрой нигде не учились, не в чем было ходить в школу. Да и голодно было. По карточкам можно было купить только хлеб

и сахар. Чтобы достать картошки, мы ездили с санками по деревням, меняли одежду на картошку, очистки картофельные не выбрасывали. Бабушка их сушила, а потом каким-то образом из них пекла лепешки.

Помню такую поездку в деревню Троица, что за Сылвой. Мы с мамой и сестрой с санками приехали на пригородном поезде в Сылву, потом с санками – в деревню. Какая-то тетенька, в довольно

зажиточном доме, придирчиво осмотрев наше добро, выбрала мамину шубку, насыпала нам мешок картошки и мы, счастливые, вернулись домой. Картошка была основным продуктом питания – в магазинах кроме хлеба по карточкам ничего не было. Нам, иждивенцам, выдавали по 400 грамм хлеба. Остальные продукты добывали кто как мог.

А летом 1942 года стало полегче. Во-первых, тепло, даже жаркое было лето. Наученные горьким опытом голодной зимы, весной посадили картошку и следующей зимой уже не так бедствовали. Мама освоилась в школе, там ее наградили впоследствии орденом Трудового Красного Знамени, а потом и орденом Ленина. Меня отец устроил на учебу в РУ № 8 в группу слесарей, а сестру – счетоводом. В училище нас кормили и одевали по форме.

В нашей группе слесарей учились и девушки. На практику мы ходили на заводы – химзавод им. Орджоникидзе и другие. В годы войны на заводах работали в основном женщины и мы, подростки. К нам в район был эвакуирован Крюковский вагоностроительный завод с Украины, разместили его в здании, где сейчас автоколонна 1595 (за Камском нефтебазой). Этот завод выпускал корпуса для полутонных авиабомб. Мне пришлось там осваивать профессию токаря. При этом первый блин оказался комом. Я неловко закрепил конус авиабомбы, и он упал мне на руку, шрам от этого «подарка» виден до сих пор. Могу засвидетельствовать верность фотографий той поры: пацаны работали у станков на подставках – роста не хватало. Сейчас мне за тружеников тыла даже обидно – без их труда в тылу не выдержал бы фронт, а ведь их подвиг оценен очень скромно.

В ремесленном училище мы дружили. Мастером группы был замечательный человек, без педагогического образования, что называется, «рабочая косточка», Головизин Андрей Степанович. Вот уж у кого надо бы поучиться некоторым педагогам-воспитателям. Он был непререкаемым авторитетом для нас, подростков.

В 1943 году на Урале формировался Уральский добровольческий танковый корпус. Мы бросились туда записываться. Но поскольку все были еще малолетками (мне тогда было 16 лет), взяли только одного – нашего старосту Лиру Соболева, которому шел 18-й год. Как мы ему завидовали, тем более, что он был всеобщим любимцем в группе. К сожалению, следы его после этого затерялись. Остался ли жив?

Вскоре нас из училища выпустили на производство, а там и повестка в армию пришла. Мне тогда исполнилось 17 лет и три

месяца. Война продолжалась, и фронт требовал пополнения. Шел 1944 год.

Пустобаева Августа Михайловна

Мы, дети войны, пережили холод, голод, лишения. Я помню начало войны так: мама стояла у радио и слушала какое-то известие, вдруг она схватилась за голову и закричала: «Киев взяли. Киев взяли!» и громко заплакала, она поняла, что отца и брата Александра 1924 года рождения возьмут на фронт. И тогда, мы дети, поняли, что случилось что-то ужасное.

Отец получил повестку и, помню, как его провожали и были около военкомата на улице Ивановская. Там была канава, и много мобилизованных сидели по бокам канавы и плакали все. Отец был всегда оптимистом и весело говорил: «Чего вы плачете? Все это ненадолго» (война). Ему отвечали: «Хорошо тебе, если у тебя нет семьи». Отец поднял меня высоко и сказал: «Да, у меня их четверо, а вот самая любимая – младшенькая».

В 1942 году я пошла в первый класс школы № 56 Мотовилихинского района по улице Борчаниновская, 28 (в которой работала после окончания института 49 лет). Первое письмо было написано мной отцу на фронт. В школе было печное отопление, и старшие ребята носили ледяные дрова с берега Камы в школу. Это почти три километра. Носили дрова к печам, а ночью топили. Утром мы, как галчата, обступали печки, чтобы согреться, всюду было холодно. Зимы были очень холодные, в чернильницах застывали чернила (часто мы их делали из сажи). Тетрадей не было, мы делали их из черных обоев, сшивали листочки и

на светлой стороне писали. В школе на завтрак (и на обед все вместе) давали тоненький-тоненький кусочек хлеба, на один край которого клали ложечку сахарного, темного цвета песка, а на другой конец – зеленую кислую помидорку или капустку.

Но в эти годы мы занимались спортом. Каждый день уроки начинались с зарядки. Занимались много лыжами. Моя сестра, Тамара 1931 года рождения, участвовала в лыжных соревнованиях

города и была награждена чулками. (Приказ № 76 по школе 56 от 14.12.1943 года). Мы, младшие, ходили в госпитали и выступали с песнями, частушками, танцами. Обвязывали платочки, шили кисеты для табака и посылали бойцам на фронт.

Летом я собирала крапиву для госпиталя, где мне за это наливали жижу из-под лапши она (жижа) застывала, и мы ее ели вместо киселя. В госпитале в те годы были лошади, и их кормили жмыхом. Нам тоже перепали кусочки жмыха, и мы его лизали (он был как камень). Раненые часто, жалея нас, давали нам «пайку» (белый хлеб). Осенью ходили в колхоз и собирали колоски, даже зерна. За это давали нам молочка и кусочек хлеба. Это было самое вкусное молоко в моей жизни. Весной вскапывали много земли и сажали картофель – работали в те года много, несмотря на наш возраст.

Немного о семье: я, Пустобаева Августа Михайловна, 1934 года рождения. Родилась в Перми. Отец, Середкин Михаил Федорович, 1897 года рождения, был призван в армию 01.09.1941 года в 30-й отдельный мотострелковый батальон. Нас было четверо детей: Александр, 1924 года рождения, его взяли в армию в 1942 году, мобилизовался в 1947 году; Николай, 1926 года рождения, на него была наложена бронь и он работал по 12 часов на заводе, был главой нашей семьи; Тамара, 1931 года рождения и мама Середкина Валентина Александровна, 1902 года рождения. В 1943 году мама получила похоронку на отца. Он был ранен 16.02.1943 года и умер от ран 17.02.1943 года. Похоронен в Курской области, Понырский район село Поныри. Получив это известие, мама безнадежно заболела – последняя стадия истощения и язва желудка, так как «свой кусок» всегда отдавала нам. Меня с Тамарой хотели отдать в детский дом, но мама, будучи такой больной, не дала согласия, и мы как могли ухаживали за ней. Это, видимо, придавало ей сил. Она поправилась и дожила до 77 лет.

Ромашова Людмила Андреевна

Возможно, мои «военные» воспоминания наивны, скромны, но от всех, даже не высказанных воспоминаний, появилось теплое ностальгическое чувство к полузабытому далекому военному и полувоенному детству, к любимым родителям, учителям, друзьям.

Мое детство было вполне благополучным в прямом смысле, т.к. отец имел бронь и с начала войны работал помощником начальника электроцеха на Добрянском металлургическом заводе. Производством, которое готовило бронетанковую прокатную сталь, руководили в основном мужчины. К тому же в домашнем хозяйстве была корова, а во время войны это было богатство, требующее постоянного ухода и содержания. У отца был большой наследственный участок покоса по Яринскому тракту (после отмены крепостного права потомственным работникам Добрянского железоделательного завода графа Строганова на содержание семей выделялись сенокосные угодья; мои предки Ромашовы были крепостными графа Строганова).

Помню себя с шести-семи лет, когда мы играли, бегали разновозрастной оравой от шести до 13 лет по Задобрянке, разводили костры на берегу Нижнего пруда, взрывали магму, а насмотревшись страшных военных кинохроник, делали что-то и похуже... Нравилось лазить по огромным длинным горам металлолома или шихты, что были у въезда в Верхний завод. Впервые видели раскуроченное, разбитое смертоносное оружие: танки, пушки, самолеты, пулеметы...

Мой отец сконструировал электромотовоз, его построили, оборудовали, и он привозил этот металлолом в вагонетках по узкоколейке длиной около пяти километров, проложенной с берега реки Камы у деревни Большаково до Верхнего завода. Отвоевавшую военную технику – советскую и немецкую – доставляли в Добрянку по реке Каме на баржах до специально оборудованных площадей на берегу реки для складирования металлолома. Разгрузочная площадь была весьма внушительной по длине. Для разгрузки с барж металлолома и погрузки его в вагонетки использовались козловые краны и огромный круглый подвесной электромагнит. У Верхнего завода вагонетки разгружались их опрокидыванием и перемещением металлолома тракторами. Наши любопытные мальчишки в этих горах железа собирали пули, неразорвавшиеся снаряды – от чего два мальчика погибли.

Но мальчишки – уже почти подростки – погибали и цепляясь самодельными клюшками за медленно движущимися американскими автомашинами Студэбеккер, груженными толстолистовой бронетанковой сталью, которую везли по Тележному и Соликамскому трактам на берег реки Чусовой. От этих мощных грузовиков в воздухе стоял оглушительный грохот, а ехали они караваном, к тому же длинные и очень тяжелые

стальные листы свисали с заднего борта машины и тащились по грунту. Вся округа задымлялась выхлопными газами, запах которых мне очень нравился.

Тогда в Добрянке проходили военные учения не только молодежи, для чего была сооружена парашютная вышка, рылись окопы (потом многие задумывались, для чего нужны эти всегда водонаполненные траншеи?) Для строевой подготовки использовались макеты – деревянные винтовки. И мне – семилетней девчонке так захотелось иметь свое ружье, что я его украла у зазевавшегося совсем немолодого «воина». Когда он спохватился, я уже убежала к своему дому, волоча винтовку по земле. Громко матерясь, «воин» бежал за мной, но мне помогала местность – мелкие строения, кусты. Я бежала, петляя, как заяц, но сил уже не было, и я заползла в высокие заросли крапивы и чуть не умерла от страха, когда услышала хриплое дыхание «воина», но он пробежал не оглядываясь.

Даже сейчас не могу понять, как я смогла с весьма увесистой деревяшкой взобраться на крытый двор нашего дома по его довольно высокой гладкой ограде. Видимо, помог страх, который, как и дыхание того немолодого «воина», в моей памяти остались навсегда. Однажды на чердаке родительского дома нашлась потемневшая деревянная винтовка, и я вспомнила, как бежала, сидела в крапиве, потом редела, а зачем украла «ружье» не вспомнила.

В 1941 году владельцы радиоприемников сдали их городской власти на хранение. В 1945 году радиоприемники были возвращены их хозяевам. Купленный отцом до войны огромный черный радиоприемник, похожий на чемодан, не работал. Не помогли все умеющие золотые руки отца и его знания военного связиста. А починил приемник приглашенный отцом военнопленный немец, работавший на заводе рабочим, но знающим радиотехнику. Очень молодой, белобрысый немец общался с нами наполовину на русском, наполовину на немецком, но все было понятно. Очень удивились, когда он сказал, что у него в Германии «драй киндер», т.е. трое детей, рожденных во время войны. Он рассказал, что Гитлер, думая о будущем своей нации, приказал молодых женатых солдат по графику отзывать даже с боевых позиций и отправлять в Германию в отпуск «размножаться»... В Добрянке для военнопленных немцев у Нижнего завода была построена зона за двойным ограждением. На металлургическом заводе немцы работали в качестве рабочих, но иногда использовали и по

их специальности. Обслуживающий персонал в зоне состоял из местного населения, поэтому все знали, что немцев очень хорошо кормят, и одеждой они обеспечены. Немцам даже завидовали.

В первый класс я пошла в 1944 году, умея читать и писать, а читала все, даже газеты. В классе было восемь детдомовцев, все бритые, одеты одинаково, потом узнали, кто девочки, кто мальчики. Дружбы у нас не было – уж очень ловко они умели воровать, чаще всего исчезали бамбуковые ручки, карандаши, перья.

Тогда иметь школьные принадлежности было мечтой, выше всякого счастья. А когда я осталась совсем без ручки, то соорудила ее сама, привязав перо к деревянной палочке нитками, которые, намкнув от чернил из непроливашки, пачкали пальцы рук, и мои тетради по чистописанию можно было назвать и иначе. Не плакала, никому не жаловалась, понимала – ничего не изменится, да и страдала не я одна. По окончании четырех классов все воспитанники детского дома доучивались в школах фабрично-заводского обучения. До 10 класса дошла только одна девочка из соседнего класса – Аня Комендантова.

Конечно, по-детски дралась, но больше ударов доставалось моему фанерному портфелю, пока он не развалился на щепки. Меня же любимый папа тоже драл ремнем, как сидорову козу, по единственному мягкому месту на моем теле. Наказывал отец меня в основном за то, что без разрешения бегала в кино, и что мало помогала по хозяйству маме, т.к. чтение любых книг, журналов было почти болезнью – читать могла круглые сутки; мама же радовалась моей успешной учебе в школе.

В религиозные праздники бабушка Мария Ивановна Михалева заходила к нам, и вместе с мамой они посещали церковные службы. Я же росла атеисткой. Разговоров в нашей семье о вере, о Боге, о церкви не было. Отец – коммунист, вероятно, догадывался о маминых «церковных» грехах, но молчал. Его дед Д.И. Шувалов был священником, в 1938 году его арестовали и расстреляли без суда и следствия. Вот и молчали...

Лето 1943 года. Мама и бабушка пришли из церкви. Сидим втроем за столом и чаевничаем. Вдруг слышим с улицы странный шум, смотрим в окно, а там крупная темная птица бьется грудью о стекло – мечется вверх, вниз, крыльями бьет по оконной раме, как будто хочет вырваться из клетки. Бабушка произнесла: «Это не к добру». А через несколько дней она получила похоронку на Ванюшку – на сына единственного младшенького, как она говорила, «нецелованного». Брат мамы Иван Петрович Михалев –

рядовой 2-й Моторострелковой бригады 3-го Танкового корпуса погиб в первом же бою после окончания танкового училища, и было ему только 19 годочков.

В войнеучаствовал и брат моего отца Михаил Васильевич Ромашов – прошел концлагерь, вернулся контуженным. Из четверых братьев моего мужа В.П. Сарапулова – участники войны Михаил Павлович умер от ран в ноябре 1941 года, Леонид Павлович пропал без вести в июле 1942 года, Николай Павлович вернулся домой инвалидом I группы, Яков Павлович от ран долечивался дома.

...Маленький уральский заводской городок Добрянка жил, работал, приближал победу над фашистской Германией – посильно участвовал в самом страшном событии в истории человечества, в истории России – в Великой Отечественной войне.

Савосина Галина Александровна

Война меня застала в 11 лет. Семья из четырех человек. Жили в Заозерье. Сюда стали быстро поступать эвакуированные из Москвы, Подмосковья и из Вознесенска, через Ладожское озеро (Ленинградская область). Из двух жилых наших комнат одну отдали эвакуированным.

В школе классы были переполнены. Мужчины – учителя биологии, математики, географии, физики, немецкого языка – ушли на фронт. В школе бесплатно давали 50 грамм хлеба и чайную ложку сахарного песка насыпали на хлеб. Это было необычайно вкусное лакомство. На горячее давали похлебку с перловой крупой.

Помню, в 5 классе ученица Вера Заволко (семья их была эвакуирована) упала во время урока в обморок от голода. С ребятами договорились отдавать ей по очереди эти 50 грамм хлеба. Однажды мы с ребятами зашли к ней в дом и были поражены нищетой. Старая ее бабушка лежала на плите, пыталась отогреть ноги. Дров не было, топили щепами. Мы приносили им в дом щепки, а также лепешки, которые пекла моя мама из сметки (мучной пыли) и картошки. В знак благодарности бабушка упала перед моей мамой на колени.

Меня поражало то, что люди были добрыми, сердобольными. Мы, все учащиеся, собирали посылки фронтовикам с тетрадями для писем, конверты, карандаши, табак, шили кисеты, заготавливали

дрова для школы, работали на подсобном хозяйстве, где выращивали морковь, свеклу, турнепс.

Летом отдыхали лишь один месяц. Занятия начинались с октября месяца. Когда закончилась война, я училась в 7 классе. 9 мая 1945 года занятий в школе не было. Был митинг, веселье. Но мы не забывали о фронтовиках-инвалидах. В военном госпитале ухаживали за ранеными, ставили концерты.

Мой общий стаж работы в школе 42 года.

Семуква Полина Ильинична

В июле 1941 года мне исполнилось 15 лет. 22 июня я помню во всех его деталях. День был прекрасный. Тепло. Солнечно. Птички поют. Настроение отменное. Мы с подружками пошли в кино на дневной сеанс. Показывали «Времена года» с участием Чарли Чаплина. Все хохотали до слез.

И вдруг...

Фильм прервался. Включили свет. Вышел директор клуба и сказал, что Гитлер вероломно напал на Советский Союз без всякого объявления войны.

Все были потрясены. Никто уже не хотел больше смотреть на проделки Чарли Чаплина. Пошли домой. Путь наш проходил мимо райвоенкомата. Это была улица Дачная в старом Левшино, которое теперь на дне Камского моря. А кинотеатр был на КамГЭСе – в здании барачного типа.

У райвоенкомата толпились люди. Мужчины уже отправлялись на фронт. Начались трудные, голодные, но полные горячей верой в нашу победу, времена. Всегда нещадно хотелось есть...

В годы войны я не стояла у станка. Но ни единого дня не проходило без общественно-полезного труда. В июне 1941 года я закончила 7 классов НСШ № 45 (неполная средняя школа) Орджоникидзевского района Перми. А уже в июле мы уехали в колхоз на сенокос. Это было в районе Чусовских Городков. Место овражистое. Сено надо было грести со дна оврага наверх. И вдруг у меня сломались грабли. Я страшно напугалась. Мне казалось, что я совершила преступление. Видимо, я побледнела, так как ко мне подбежали подружки с вопросом, что со мной. Я показала на грабли и заплакала. Подошла воспитательница и успокоила меня, сказав, что ведь я это сделала нечаянно...

А затем я поступила в Пермский авиационный техникум, и нас сразу же отправили в колхоз на уборку урожая. Это был Березовский район Кунгурского района. Я возила снопы. С лошадьми я до этого не имела никаких дел, и тут на практике познала, что значит «вожжа под хвост» попала. Еду я себе наверху воза, вожжой помахиваю. Лошадь хвостом помахивает. И вдруг вожжа попала ей под хвост. Лошадь взбрыкнула, выпряглась из упряжки и понеслась. А я слетела с высоты воза и грохнулась оземь. А лошадь потом колхозники полдня искали...

Проучившись в техникуме год, я поняла, что это не мое призвание. Ушла в 10-й класс школы № 44 Перми. Это было тоже на КамГЭСе, в здании барачного типа.

Каждый день, после уроков мы шли в Пермский домо-строительный комбинат. Там делали лыжи для фронта. А мы, школьники, подносили к станкам доски, уносили мусор, лыжи относили на склад. И так в течение всего года.

Потом был Пермский государственный университет. Это был 1943 год. Мне он запомнился тем, что после лекций мы шли на Каму и там вырубали изо льда бревна, выносили их на берег и складывали поленницу.

А летом 1944 года нас отправили в деревню Шемети – на лесозаготовки. Мы не рубили лес. Мы подносили бревна к берегу. Бревна были четырехметровые. Две девчонки поднимали бревна на плечи и, сгибаясь под его тяжестью, подносили к берегу, где рабочие делали из них плоты и сплавляли куда надо. Там со мной тоже приключился случай. Погода была жаркая, и после работы мы пошли купаться. Я отплыла от берега, и вдруг меня подхватило какое-то течение. И понесло. А сладить с ним я не могу. А впереди плот, и поминай как звали. Страшно стало...

Еще хотелось сказать, что мы тогда ели. Основная пища была – баланда. Это вода, подправленная мукой. Ни овощей, ничего другого. Баланду мы ели в студенческой столовой и в колхозе, куда нас отправляли. Хлеба всегда не хватало.

Спасибо за эту акцию. Ведь все меньше тех, кто пережил эти годы. Да и память у нас и способность описать что-то – все уже не то.

Сергеева (Пешкова) Ирина Анатольевна

Родилась в Перми. В 1937 году пошла в первый класс школы № 6. Школа только получила новое здание: оно было двухэтажным с печным отоплением. Оно и сейчас стоит в глубине дворов между Центральным рынком и Шоссе космонавтов.

Весной 1941 года я закончила четвертый класс с похвальной грамотой. 22 июня 1941 года. Воскресенье. Детский праздник. Его отмечают в Красном саду (теперь парк им. Горького). Погода великолепная. Настроение прекрасное. Завтра с мамой уезжаю на большом белом пароходе в Осинский дом отдыха, поедем в отдельной каюте, обедать будем в ресторане, гулять по палубе, кругом вода и красивые берега Камы.

А сегодня с утра мы идем с мамой на детский праздник в Красный сад. В саду много детей и взрослых, музыка, веселье, на детских площадках выступают школьники в национальных костюмах. Игры, аттракционы. Закончился учебный год, впереди летние каникулы, поездки в пионерские лагеря, интересные походы.

Возвращаемся домой, слышим по радио о нападении Германии на Советский Союз: немецкие войска без объявления войны перешли границу, немецкие самолеты бомбят наши города. Война...

Жизнь стремительно меняется. Через две недели в жилых домах отключили электричество. Обзаводимся керосиновыми лампами. Как они выглядели? Небольшой железный резервуар, похожий на консервную банку, со «спинкой», чтобы можно было повесить на стену, в него наливался керосин и опускался фитиль, на который надевалось стекло – трубка, шарообразная внизу, фитиль можно было подкрутить для яркости освещения. Появились «коптилки» или «мигалки» (ламп не хватало). Это флакончики из-под духов или лекарств, в них наливался керосин, в горлышко вставлялась пробка, в которой был зажат металлический стерженек, через него пропускался фитилек (шнурок), он пропитывался керосином, его поджигали; яркость такого огонька как у свечки, на него можно было надеть пробирку с отбитым доньшком, чтобы пламя не колебалось. Так в течение всей войны освещались жилые дома. В учреждениях, школах, театрах, кинотеатрах электричество было, а на улицах города ни одного фонаря.

Вскоре повсеместно была введена карточная система. На каждого человека выдавали карточки – хлебные и продуктовые.

Карточки были для рабочих, служащих и иждивенцев. Хлебная карточка – это небольшой листочек с сантиметровыми квадратиками, на каждом числа месяца и количество граммов. Рабочим – 800 грамм, служащим – 600, иждивенцам – 400 (потом эта норма была уменьшена). продавали только черный хлеб, белого не было всю войну. Можно было выкупить хлеб на один день вперед, но если в какой-то день хлеб не был выкуплен, талончик на него пропадал. Если хлеб можно было всегда выкупить, то продукты не каждый месяц – их просто не было. На продуктовых карточках в квадратиках были написаны названия продуктов (мука, крупа, соль, сахар, масло, мясо) и количество граммов. Все граждане были прикреплены к какому-нибудь одному магазину, в другом ничего нельзя было купить.

Многие знакомые ушли на фронт. Моя мама, врач, была мобилизована в военный городской госпиталь. Моему папе было 46 лет, у него было больное сердце, его не взяли на фронт (он умер через два года после войны); но он был на военных сборах, а каждую весну и осень ездил по колхозам на посевную и уборочную. Летом в городе появились эвакуированные и беженцы из прифронтовой полосы. Их размещали в квартирах горожан. Эвакуировались и заводы вместе с рабочими.

Все новые, типовые здания школ были отданы под госпитали, учеников и учителей переводили в здания других школ, но номер школы сохранялся. Все школы теперь работали в три смены. Нашу школу № 6 перевели в здание школы № 7. Нам отдали первую смену, мы занимались с 7.30 утра. Третья смена начинала заниматься с 4 часов дня.

Школа № 7 занимала два здания: одно большое, кирпичное, построенное до революции, на углу улиц Попова и Луначарского, другое – маленькое, одноэтажное деревянное на другой стороне, на углу улиц Попова и Большевицкой. Мы занимались в том и другом здании, но маленькое все отдали нашей школе. В нем было три классных комнаты, в четвертой маленькой – жила директор школы, Анна Константиновна Эльфман, и еще где-то здесь же жила уборщица, тетя Мотя. У Анны Константиновны, до революции, училась моя мама.

В школах появились новые ученики. пережившие ужасы бомбежки, тяготы эвакуации, видевшие смерть. На улицах и в учреждениях развешаны плакаты, призывавшие к борьбе с врагом: «Родина мать зовет!», «Все для фронта – все для победы».

По радио звучит песня «Священная война» (музыка Александрова, стихи Лебедева-Кумача).

Вся страна следит за событиями на фронте, всех объединяет радио (телевизоров не было). Все слушают сводки Совинформбюро. Передачу ведет московский диктор Левитан. Его голос знали все. В первые годы войны мы чаще всего слышали: «После тяжелых, продолжительных боев нашими войсками оставлен город...»

Над моей кроватью висела карта СССР, на ней папа красными флажками отмечал линию фронта, флажки двигались на восток, вглубь страны. Заканчивал Левитан сообщения с фронта словами: «Наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами». Мы в этом не сомневались, хотя жилось очень трудно, бедно, голодно, холодно.

В школе зимой было холодно, все ходили в валенках, пальто не снимали. В первый год войны нас в школе кормили завтраками: на большой перемене приносили поднос с бутербродами: маленький кусочек черного хлеба с кусочком красной рыбы; иногда приносили «чибрики» – пустые пирожки какого-то серо-бурого цвета, мы, шутя, говорили, что их жарили рядом с маслом.

В школе боялись эпидемий, медики систематически осматривали нас, проверяя на вшивость. Помню, несколько раз нас водили в баню на улице Ленина. Всем давали по маленькому кусочку мыла. В каждой бане города были отделения санитарной обработки белья, его прожаривали, чтобы уничтожить вшей. Я два раза приносила из бани на одежде платяную вошь, к счастью, сразу это обнаруживала.

Мы, школьники 11-13 лет, не только учились, но и работали. Лозунг «Все для фронта – все для победы» – не пустые слова. Раз в неделю мы работали: на телефонном заводе, прибирали территорию, чистили железнодорожные пути на Перми II, стирали бинты в госпиталях, их катастрофически не хватало. Старшеклассники на берегу Камы пилили заледенелые, выловленные из воды, бревна для отопления школы. принимали участие в субботниках. Пионерские дружины собирали металлолом, бутылки для зажигательной смеси для фронта. Мы писали письма на фронт, их вкладывали в посылки для фронтовиков, выступали с концертами в госпиталях.

Я училась не только в общеобразовательной школе, но и в музыкальной. Когда началась война, музыкальная школа тоже

лишилась своего здания. Дети стали заниматься у учителей дома. У моей учительницы музыки, Елизаветы Михайловны Хорошавиной, было три комнаты. Одну комнату занимали эвакуированные, вход в эту комнату был отделен от большой комнаты шкафом и занавеской. Пианино стояло в большой комнате. У каждой учительницы было по 12 учеников. Весной на экзамен мы все собирались утром, сидели на кроватях в спальне и ждали своей очереди, а в комнате, где стояло пианино, сидела комиссия учителей. Ученики музыкальной школы обязательно должны были играть на академических концертах, помещения не было, поэтому их проводили в госпиталях.

С 1943 года ввели раздельное обучение мальчиков и девочек. Девочки остались в школах № 6 и № 7, а мальчиков перевели в школу № 37. В годы войны летом для детей работали пионерские лагеря и санатории. Я отдыхала в санатории «Дворцовая слудка» (это вниз по Каме). Спальни размещали в маленьких деревянных домиках, а для столовой было выстроено длинное одноэтажное здание. Помню, мы в санатории напевали мелодию в ритме марша из Седьмой симфонии Шостаковича, написанной в блокадном Ленинграде. Очевидно, эту симфонию часто исполняли по радио, поэтому мы, дети, и знали эту музыку.

Культурная жизнь страны не прекращалась в военные годы. Со школой мы ходили в кино, фильмов в то время выпускали мало и, наверное, мы не пропускали ни одного. Перед началом каждого сеанса показывали киножурнал, который рассказывал о событиях на фронте, их снимали, рискуя жизнью, операторы фронтовики.

С мамой я ходила в оперный театр. В начале войны в город Молотов из Ленинграда был эвакуирован театр оперы и балета им. С.М. Кирова и хореографическое училище. Театр всегда был полон, билеты достать было трудно, мы обычно сидели где-нибудь на балконе. В театр мы ходили один-два раза в месяц.

Артисты театра жили в гостинице «Центральная», тогда ее называли «Семиэтажкой», она расположена напротив театра. Там жили не только артисты, но и писатели, и композиторы из Ленинграда. По радио только вживую выступали знаменитые артисты: певцы, музыканты, оркестры под управлением знаменитых дирижеров. Главная цель искусства в то время – пробудить патриотические чувства и гордость за нашу великую страну.

Мы знали о подвигах наших героев из газет, книг, радио, кинофильмов. Знали о летчике Николае Гастелло, направившем

свой пылающий самолет на скопление вражеских танков, о подвиге Александра Матросова, который закрыл своим телом вражеский пулемет и этим спас жизнь бойцов, бросившихся в атаку. Мы читали о подвиге московской школьницы Зои Космодемьянской. Мы, школьники, учили стихи и песни, прославляющие наших героев, защищавших родину.

В начале 1946 года наш школьный драмкружок под руководством Евгении Геннадьевны Соколовой поставил пьесу Маргариты Алигер «Сказка о правде» о подвиге Зои Космодемьянской. Я, Ира Пешкова, сыграла Зою. После этого меня в школе называли Зоей, в парте своей я находила записки от девочек, которые хотели со мной дружить: героическое привлекало нас, советских детей. В школе была организована встреча с мамой Зои – Любовью Тимофеевной Космодемьянской. Много лет на моем письменном столе стояла фотография Зои.

Наконец, наступил май 1945 года. 9 мая рано утром папа меня будит и говорит: «В школу сегодня можешь не ходить: война закончилась, и день объявлен не рабочим». Но я тут же встала и отправилась в школу. Там все собрались. Невозможно было в этот день сидеть дома. Кончилась война! Радость! Пошли гулять на Каму. Вечером смотрели салют.

Во второй половине мая стали приходить поезда с возвращавшимися домой фронтовиками. Один раз я встречала такой поезд. Я смотрела сверху с перекидного моста, пути с него были убраны. Мост был закрыт щитами, чтобы не было видно железнодорожные пути.

Для людей, переживших войну, нет большего праздника, чем День Победы. Это праздник для нас.

Слюнков Степан Степанович

Впервые это страшное слово «война» я услышал и воспринял с началом боевых действий у озера Хасан на реке Ханхин-Гол и войне с белофиннами. Они были настолько короткими, глубоко не затронули и не коснулись каждой семьи, поэтому все были уверены, что и война 1941 года тоже скоро победоносно закончится.

У меня осталось в памяти, как в марте 1940 года в суровую зимнюю стужу проводили мы папу, он попрощался с нами дома, он даже не осмелился в такой морозище нас, детишек, взять с собой. Потом смотрим, к вечеру папа с мамой возвращаются

домой, оказывается, уже война закончилась, и их из военкомата отправили по домам. Радости не было предела, развязали его вещевой мешок, из которого вынули все гостинцы папины на дорогу, и был устроен праздничный, радостный ужин.

Совсем по-другому началась Великая Отечественная война 22 июня 1941-го. Все это мы сразу же услышали по радио. Буквально за несколько дней город помрачнел, потемнел, затих, в городе даже меньше стало слышно гудков заводов и паровозов, пароходов и сигналов автомашин. Народ как-то сжался, закутывался в одежду, молчал, на улицах не стало слышно и видно детворы.

С каждым днем на улицах города все больше появлялось военных, по улицам шли небольшие группки людей, провожая до военкомата своих родных и близких. Вскоре в Пермь стали прибывать эшелоны эвакуированных, раненых; белоснежные двухпалубные пароходы были спешно перекрашены в серый-шаровый цвета воды и на них везли в город раненых.

Вскоре нас в школе стали привлекать к посильным работам, хоть малую помощь оказать фронту и скорейшему разгрому фашистов. Первое участие в этом деле: мы всем классом вместе с классным руководителем переносили винные ящики с территории ликеро-водочного завода на пустырь за Слуцкую церковь, где позднее был построен стадион «Энергия». Эту работу мы выполняли несколько дней, ящиков было огромное количество. Место на территории завода освобождалось для эвакуированных предприятий.

Эвакуированных размещали по квартирам и частным домикам, уплотняя жильцов-хозяев. Для раненых освобождали помещения в институтах, школах, больницах, поликлиниках и других местах. В нашей школе № 5 (ул. Борцов революции, 151) первый этаж был отдан интернату для детей сирот, а на втором этаже мы учились в две смены.

Вскоре мы проводили папу. Вначале он служил шофером на аэродроме и авиачасти во Фролах, куда я с мамой через весь город по Комсомольскому проспекту, через Липовую гору ходили пешком. С началом занятий в школе на ее территории, во дворе, рыли щели с перекрытиями из досок, засыпанных землей, и траншеи на случай укрытия в них, уже такая угроза была налета авиации и бомбежек.

Во время рытья в земле наткнулись на ржавеющее оружие: стволы винтовок, сохранившиеся здесь со времени гражданской войны. Все это было собрано и дирекцией сдано в Краеведческий

музей, оружию нашлось место в одной из витрин, в зале, где стоял знаменитый мамонт.

Очень было приятно через много лет увидеть эти экспонаты, а главное прочитать надпись, что оружие было найдено учащимися школы № 5 при рытье щелей для укрытия в случае налета авиации.

Уже с началом зимы все окна-стекла в школе мы заклеили полосками газет крест-накрест, с целью их сохранения, в случае бомбежек. В школе нас постоянно привлекали для заготовки дров, небольшие сосновые деревья пилили в лесу в самом конце улицы Борцов Революции почти у Камского железнодорожного моста. Уже был довольно глубокий снег, мы сваленные деревья резали пилой на небольшие чурачки, а затем, каждый, погрузив их в свои санки, вез в школу, где потом тетя Варя, уже довольно пожилая женщина, ими топила печи. Она успевала убрать все в школе, смотреть за раздевалкой и своевременно подавать звонки.

Все годы войны нас, учащихся, привлекали для работ на торфопредприятии, которое срочно было развернуто для производства торфа для частичного отопления города, на месте нынешней Камской долины, где сейчас находится автопарк. Во время летних каникул мы ходили и переворачивали торфяные кирпичики (или брикеты), чтобы они быстрее сохли. Взрослые рабочие их очень аккуратными рядами раскладывали на полянах, а по готовности укладывали в небольшие штабеля. Откуда их затем увозили на топливо в город, а мы на санках возили в школу.

В составе всего класса несколько раз возили на работы в колхозы в Нижние Муллы и станцию Григорьевская, где мы пололи, поливали. Жили в помещениях школ, спали на полу, укрывшись байковым одеялышком.

В годы войны писали письма на фронт бойцам, наверно, больше под диктовку учительницы, так как мы, еще несмышленыши, мало что могли сочинить. Готовили номера самодеятельности, затем выступали в госпиталях прямо в палатах, где лежали раненые. Запомнилось выступление в поликлинике на Плеханова.

Собирали металлолом, запомнилось, как мой младший брат отнес и сдал кухонную плиту вместе с конфорками, которая была вынута, так как печник производил ремонт. Пришлось идти на школьный двор и в этой небольшой куче ее найти. Проводили сбор книг для госпиталей, которых в ту пору почти ни у кого не

было. У нас дома было всего две книги, которые я отнес и сдал. Это были книги Ф. Панферова «Бруски» и И. Гете «Фауст».

До войны, в войну и послевоенные годы мы жили за Камой по улице Торфяной. Мама не работала, занималась домашним хозяйством, а там всегда работы нескончаемый поток, много времени уходило на огород и на нас, трех малолеток. С началом войны она сразу же пошла работать, устроилась швеей-надомницей в артель «Трудовик».

Нужно было хоть сколько-то денег, да получать рабочую карточку, на которую давали 500 грамм хлеба, а на иждивенческую – 250 грамм, детскую – 300 грамм. Сегодня это много, когда наваристый суп, молочная каша, чай или компот. Тогда этого ничего не было, в лучшем случае какая-то похлебка. Запомнилось, каким сладким и долгожданным был кусочек хлебушка величиной чуть больше спичечного коробка, который давали в школе на большой перемене, а хлеб был серый, так как много примесей.

Мама вначале чинила какое-то стираное обмундирование, брюки-галифе и гимнастерки. Затем шила, а верней, строчила на своей ручной машинке, как пулеметчица, так как норма была очень большая. Нужно было прострочить мешочки, похожие на большой крендель из батиста, завязать все узелки, вывернуть с помощью веретена, прогладить и упаковать, их затем наполняли где-то порохом для снарядов.

Вначале лета 1942 года папу проводили на фронт. Часть в полном составе погрузилась в эшелон на станции Бахаревка. Утром подали эшелон, папа поставил и закрепил свою полуполторку ГАЗ-АА на самой последней платформе, в кузове бойцы установили зенитный пулемет. Все делалось спешно, быстро, как будто этим занимались каждый день. Папе совсем некогда было постоять возле нас, мы – мама, я и тетя – стояли вблизи. Затем раздалась эта страшная команда «по вагонам», и состав сорвался, словно полетел, перестук колес даже не мог заглушить того плача-рева провожавших и бежавших за составом женщин и детишек.

Потом все затихло, люди стояли в оцепенении и совершенно по-другому задумались, что же дальше будет, как будем жить. Вой, плач, рев остался в горькой памяти на всю жизнь. Еще дважды в таком ужасном шоковом состоянии я видел маму. Это в ноябре 1942 года, когда с фронта пришло сообщение, что под Сталинградом папа пропал без вести. Конечно, маме было от чего перепугаться. На тридцать третьем году остаться совсем одной с

тремя малолетками. Наверно, она очень много, много раз плакала, скрывала горестные слезы...

Очень тяжело она восприняла объявление об окончании войны, ее вновь охватил страшный испуг, поблизости от нас никто не погиб, стали возвращаться соседи, а многие, работавшие на военных заводах, вообще не призывались в армию. У нас была собака – немецкая овчарка по кличке Алегра. Осенью 1941 года нам принесли повестку, когда и куда мы ее должны привести и сдать. Ослушаться мы не могли, и мама отвела и сдала ее...

Затем где-то вначале зимы, уже по льду перейдя Каму и поднималась по многоступенчатой лестнице на Комсомольский проспект, сразу же после железнодорожных путей мы вышли на поляну. Оттуда и сбежала наша Алегра. На этом месте обучали и тренировали собак для подрыва танков, здесь стояла небольшая танкетка, собак обвязывали бутылками с горючей жидкостью, и они бросались под танк. Маму строго предупредили, чтобы ни она и никто из нас здесь больше не появлялись и не мешали готовить собак.

В войну приходилось очень много работать в огороде – копать, полоть, поливать – он был большим нашим подспорьем. Нужно было носить воду, готовить дрова, торф для отопления, ждать помощь было неоткуда.

На сегодня даже не могу вспомнить, учили ли мы уроки, так как времени совсем не было, уже никаких гуляний, прогулок, игр не было – с войной закончилось наше детство. Правда, летом редко, но успевали сбегать в лес, чтобы насобирать немного ягод, грибов, старались заготовить, засолить в бочку, а зимой из них мама варила вкуснейший суп.

Очень тяжело приходилось многие годы переносить бессловесный укор, упрек, что мы оказались детьми-сиротами пропавшего без вести отца. Но мы знали кое-что от его однополчанина – в конце войны к нам забежал он после выписки из госпиталя и вновь убыл на фронт. Погиб он уже где-то за границей.

Мама все годы не переставала искать отца, дважды на пароходе сплавлялась до Сталинграда (Волгограда), где не один раз перечитала все памятные плиты на Мамаевом кургане. Все дети: я, брат и сестра – плавали до Сталинграда, где вновь всплакнули и возложили к памятнику цветы.

Помню, летом 1942 года после проводов папы на фронт мы с одноклассником, нашим соседом Путиловым Володей, никому не сказавшись, не попрощавшись, пытались сбежать на фронт. Но из

нашей затеи ничего не получилось. Правда, на станции Пермь II мы сели на одну из платформ военного эшелона, где нас сразу же обнаружили бойцы. Расспросив обо всем, накормили вкуснейшей кашей из солдатского котелка, а потом наказали, чтобы мы вернулись домой к своим матерям. Где-то в районе Нижней Курьи нас высадили и пригрозили любезно пальцем, чтобы шли домой. Мы пешком возвратились домой.

Один наш одноклассник Михаил Сычев сбежал, стал сыном полка, со своей частью дошел до Австрии или Венгрии, уже точно не помню.

Война. У меня и людей моего поколения поделила всю жизнь на три разных периода: довоенное время, военное и послевоенное.

Самая тяжелая боль, лишения, горе выпали на долю наших еще молоденьких матерей. Я никогда не перестану восхищаться их подвигом, будь моя воля, я бы поставил самый величественный памятник матери.

Смирнова Любовь Степановна

30 июня 1941 года. Вот уже восемь дней советская страна борется с захватчиками. Нападение и бои, жертвы любимой страны огромны. Как я рада, что не останусь безучастной в этой борьбе. Весь наш техникум (Пермский авиационный) мобилизован на заводы: 900 человек на Сталинский, почти 450 человек на новый завод 339бис. Вместе с нами преподаватели Варгин, Винокуров, Лубнин.

Я оформлена сегодня в отделе кадров токарем-револьверщиком в цех 22 завода 339бис. А ребят, живущих в общежитии, оформляли уже несколько дней в красном уголке. Вера Казакова (Заневская) сказала, что она оформлена в инструментальный цех. Вместе с ней второкурсники: Толя Зобачев, Лапин, Гомонов – на станки, а Ивченко – контролером. Каждый из нас идет на завод, чтобы сменить рабочих мужчин, уходящих на фронт. Перед нами задача государственной важности – как можно скорее стать полноценными работниками. Мы будем помогать и тем, кто ушел из техникума сразу в армию. Четвертый курс

успел защитить дипломы, но сразу же ушли в военное училище Петя Заморин, Аркаша Матушкин, Борис Аннинский, Назаров, Колесников, Князев. После второго курса ушли в летное училище Генрих Гонцов, Толя Рычин, Шестаков. Ребята как раз окончили двухгодичный аэроклуб.

Кто знает, когда мы возвратимся к учебникам и лекциям? Но верим, что это будет скоро, как только фашистская гадина будет сокрушена и мир и спокойствие вновь воцарятся в стране. Эх, в грандиозное, боевое время мы живем!

5 июля 1941года. Мы молоды, мы жить хотим. И мы во имя этой жизни пойдём вперед и победим, и мирный труд вернем Отчизне! Вчера над всем миром прозвучали слова Сталина: «К вам обращаюсь я...», говорил вождь, призывая народ к большей сплоченности, четкости в работе, скорейшему изгнанию и уничтожению врага.

Вот уже четыре смены я работаю на заводе. Делаю половину нормы, через два-четыре дня смогу выполнить полностью, я только радуюсь, что и мои силы помогут в борьбе.

14 сентября 1941года. Осень. Почти все, что росло и развивалось, приходит к своему завершению. Лишь война с каждым днем разрастается. Сданы Минск, Таллин, Николаев. Петрозаводск, Чернигов. Бои под Одессой, Киевом, Ленинградом. Бомбят Москву.

25 сентября 1941года. Сегодня, встретили ребят, которые жили в общежитии, были поражены их рассказами. Оказывается, еще несколько дней назад им сообщили, что ленинградский завод, разместившийся в здании техникума, займет и общежитие.

А вчера, вернувшись с завода, услышали, что всех живших перевезли в Ераничи. Толпой, в темноте (город затенен) вернулись к проходным и, найдя проводника, пошли через поле, рощицу, пока не уперлись в площадку, на которой среди куч строительных материалов, проволоки и ям стояли два барака. Рядом в кучах лежали кровати, тумбочки, вещи.

Вот так молниеносно решается проблема эвакуации предприятий и людей. Значит... война надолго?

Наш город невелик. В нем жителей около 400 тысяч человек. Дома частные, оборонная промышленность только начинает развиваться. А эшелоны с заводами и людьми прибывают и прибывают из западных областей. Как осложняется жизнь... На нашей Светлушке ходят по домам работники райсовета, размещая эвакуированных. У нас дом переполнен квартирантами...

30 сентября 1941 года. Вчера дядя Коля рассчитался с завода по повестке в военкомат. Уйдет Коля, любимый дядя. Горжусь за его человеческую стойкость и сердцем грущу о родном человеке.

Война, сколько ты еще потребуешь от нас для Победы? На днях ходила к своей школьной подруге Нине Егоровой. Как мы были рады друг другу! С октября она идет учиться, поступила в университет на химфак, Маня Иванова поступила в мединститут. Но я им не завидую. Быть безучастной в общей борьбе, не пролить даже капли пота в упорном труде – это позор для каждого гражданина СССР. Теперь, именно теперь, каждый должен использовать свои силы и самоотверженной работой помогать ковать победу над врагом. А знания получим после войны.

15 декабря 1941 года. Прошло почти пять месяцев, как первый снаряд упал на нашу землю, как первый воин отдал жизнь за Родину. А конца войне не видно. Армия требует все новых и новых воинов.

Давно ушли в военные училища Миша Скачков, Алеша Зеленин. На днях отправлен Коля Олейников. В лыжный батальон призван Костя Барсков. Пришли повестки Борису Медведеву, обоим Ваням. Как жаль каждого из них, но и гордость за каждого. Давно перевозит раненых в санитарном поезде Тамара Костицына. Ждет повестки в армию Тамара Бажутина. А мы с Финной Козловой неустанно трудимся, бьемся за каждую сверхплановую деталь на агрегат, идущий прямо на фронт летчикам.

Пересмотрела исписанные листки дневника и с радостью подумала, что нет ни стона, ни намека на трудности. А сколько пережито!

Никогда не забудутся первые на заводе обеды. Они ошеломили нас. В 12 ровно словно ветром сдувало людей с участков – шли в столовую. Она была на втором этаже литейного корпуса, одна на весь завод... при входе внизу уже толпа. Затем по лестнице вверх, почему-то бегом по длинному коридору к столовой... очередь к кассе... протягиваешь продуктовую карточку кассиру, из которой он вырезает, например, 60 гр. крупы, 5 гр. масла, 100 гр. мяса и после оплаты стоимости дает жетон на обед. Рядом хлеборезка, где, вырезав талон на 200 или 500 гр. хлеба, дается два или пять кусочков хлеба. Забирать паек вперед более чем на сутки не разрешалось. Заходишь к столам и там ищешь, где человек скорее доест, и занимаешь очередь за этим стулом. Не хватало тарелок. Потом догадались наштамповать свои, металлические,

но проблема ложек долго оставалась – их просто не было, надо было иметь свою.

Конечно, обеденное время чаще растягивалось. Но что поделаешь – смена 12 часов, а перекусить больше негде и нечем. Совсем было бедствие, если кто-то терял эти карточки – они одни на весь месяц.

Вспомнила, как тяжелы были долгие ночи, когда работала фрезеровщицей. В цехе холод. Нестерпимо болели руки, изрезанные острой стружкой и разъеденные эмульсией. А под утро, часа в 3–4 так хотелось спать, что сознание порой отключалось. Однажды вдруг ощутила, что фреза лижет мои пальцы – станок работал на самоходе, а я заснула.

С той поры, когда веки слипались, говорила мастеру, что пойду, вздремну. Это означало – присяду в туалетной комнате на пол, на корточки, привалившись спиной к стене и, положив голову на колени, проваливаюсь в сон на 5 – 10 минут. Но холодно, короткое пальто не прикрывает ноги. Посоветовавшись с мамой, обменяла свое красивое, всего трехлетней давности пальто, на Катино, которая заплеталась в своем длинном, изрядно поношенном пальто.

Зачищать заусеницы на диффузорах приставляли подростков. Однажды присмотрелась – сидит, зачищает маленький мальчик, светленький, серьезный, такой худой, что шея болтается в воротах гимнастерки. Поговорили – эвакуирован с ремесленным училищем из-под Ленинграда, живет в бараке. Рассказал, что в бараке холодно, некоторые спят вдвоем, укрываясь сверху освободившимся матрасом. Где родные – пока не знает, письма не было.

Рассказала о нем нашей семье. Девчонки начали шить ему рукавички, выделили шарфик, носки. А потом привела его домой, приняли его, как родного, называли Иванчиком, уложили спать одного на маленькие полати. После этого он еще бывал у нас.

Механические цеха переполнены разными людьми – от горластых москвичей до доходяг, даже не говорящих по-русски. В цехах москвичи становятся специалистами, сменяя бывших студентов. Так оказались в армии наши ребята Олейников, Барсков.

В цехах почти одна молодежь. Задорная, яростная до работы, дерзновенная до нового, щедрая на шутки и песни (когда выключают электричество – поем). Мы победим!

28 декабря 1941 года. Засветилась возможность окончить техникум!

7 февраля 1942 года. 21 января меня рассчитали с завода, с 25-го учусь в техникуме. Наш четвертый курс начали учить со 2 января. Мой расчет с завода достался нелегко. И вот я в техникуме. Он нынче занял здание по улице Большевистской, 210. Из нашей 13 группы учатся Алеша Артемов, Борис Медведев, Ваня Халуторных, Толя Мурзакаев, Толя Козлов. Занимаемся три дня в неделю до 12 часов ночи в этом здании. Остальные дни – в механическом техникуме, что на Горках.

В цехе хотелось вырваться из темного, грязного, грохочущего день и ночь корпуса и учиться. Казалось, работа иссушает мозг и притупляет чувства. Как я ошибалась! Только сейчас я поняла, что там настоящая жизнь!.. А для меня и сегодняшние дни ударные – надо сдать зачеты по всем предметам. Пока сдала по приспособлениям на «хорошо» и производству авиадвигателей – на «отлично».

7 марта 1942 года. Пришло письмо от дяди Коли. 28 февраля он ранен под Любанью, сейчас в госпитале в Боровичах. Говоря правду, мы рады, что он не на фронте, где можно ждать смерти каждую минуту. Ведь дядя Горя убит на Ленинградском фронте еще в прошлом месяце.

14 апреля 1942 года. ...Я шла на вокзал провожать Нинушку, которую призвали и отправляют в армию. Что я переживала? Грусть от разлуки, боль за близкого человека и гордость за нее. А еще были слезы... Но плакать было нельзя, ибо сама Нина убийственно спокойна.

Вот и воинская площадка. Как много уезжает девушек, почти все знакомы. Это лучшие комсомольцы города, с кем вместе бывали в походах, кроссах, концертах. Было стыдно, что я не с ними, а остаюсь в тылу. Мы ходили с Ниной, молчали. Мы даже не мечтали о встрече, ибо будущее непредсказуемо. Покидая город, она ни о чем не жалела, ей просто не хотелось ехать. Но раз нужно – ехала. Нельзя жалеть людей, идущих в бой, они счастливее нас, если даже отдадут жизнь за Победу.

28 мая 1942 года. Хочется молчать и молчать. Страшно открыть рот – а ну как польются потоки жалоб и недовольство жизнью. Все труднее с питанием. У нас в семье дошло до того, что папа живет полуголодным, отдавая свой хлеб ребятам. Ведь так мало 400 грамм хлеба на весь день 12-летнему парню. Только скудный суп в придачу. Вот норма на рабочую карточку: хлеба – 700 грамм, мяса

(рыбы) – 1,8 кг, крупы – 600 грамм, сахар, масло – 600 грамм. В рабочей столовой за месяц вырезали за обеды все эти граммы, ничего не оставалось. А по иждивенческим карточкам мизерные пайки получить трудно – в магазине они появляются редко и за ними огромные очереди. На рынке цены «скромны» – 180 рублей четверть молока, 100–120 рублей килограмм хлеба, 15 рублей пучок лука... А зарплата 100–150 рублей. Ответ один – все это эвакуированные наркоматовцы и их пособники. У них отдельные магазины, в которых, пожалуй, обильнее, чем до войны. А для простого народа очереди по 6 часов за литром молока, если останутся талончики в карточке. Где же справедливость, когда же она будет на земле?

23 июня 1942 года. Уехала на фронт Лена, не сказав никому, даже мне. Как все в миру недолговечно, так и забудут скоро о Лене. Лишь мне одной помнить о ней всю жизнь.

Дома все по-старому. Очень давно нет писем от Коли. Жив ли он, милый? Где-то на берегу Аму-Дарьи одиноким живет его дедушка...

27 июня 1942 года. Как-то Нина Жданова рассказала, что у нее есть знакомый парень, работает на заводе, куда нас оформляют на практику. Он хочет сводить нас на завод.

И вот, встретившись у городского сада, мы шагаем по Кунгурской улице на юг. Она застроена одноэтажными домами. Около многих палисадники, лавочки, дощатые тротуары. Булыжником вымощена только середина улицы. И обилие кур по дороге. Алексей смеется, что недаром этот край города называют Курочкиным поселком.

Перешли трамвайную линию, которая идет из центра на далекий завод 33, на котором мы отработали семь месяцев. Впереди поле, в конце которого ряды высоких домов и завод. Между домами что-то непонятное, большое, похожее на развалины. Это будущий дворец культуры завода, заложенный еще в 1938 году. Оба дома, еще недостроенные полностью, заселили москвичами, эвакуированными на наш завод. В доме еще не работала канализация, лестничные марши не были ограждены перилами. А в трехкомнатных квартирах порой оказывалось около двадцати человек. Следующие четыре дома тоже заселены густо, являются, по сути, жильем коммунальным.

Но самый внушительный, даже какой-то сказочный вид оказался у фасада заводоуправления. Трехэтажная, почти сплошь стеклянная стена с балконом высится справа от многочисленных дверей проходных. За окнами ее мозг гигантского завода, встав-

шего в строй всего восемь лет назад, решающего важнейшую задачу в ходе войны.

12 августа 1942 года. На Калининском фронте 1 августа при авианалете убит Коля. За мои 19 лет это самая тяжелая утрата. Я потеряла лучшего друга, я потеряла Кольку. Как пусто вдруг, безжизненно стало... Эх, Коля, Коля, как мы тебя ждали...

7 сентября 1942 года, 1 час ночи. Только что пришла с защиты диплома. Защитила хорошо. Из нашей 13 группы техниками-технологами стали Алеша Артемов, Борис Медведев, Любовь Орехова (я), Нина Жданова, Ваня Халуторных, Толя Мурзакаев. Всех направили на моторный завод им. Сталина. Мои товарищи после первого, второго и третьего курсов работали на 33-м.

С этим заводом, № 33, у меня связано всенародное горе, утрата светлых надежд, непомерный труд, холод, но и радость трудовых побед. Этот завод научил нас терпению, стойкости духа и упорству в достижении цели.

К 1944 году война уже собрала свою дань с нашей семьи. В феврале 1942 года убит на Ленинградском фронте Георгий, муж тети Наташи. В июле того же года погиб дядя Коля. 31 марта 1944 года умер от болезни мой папа, оставив нас, пятерых детей. Я была старшей.

После похорон папы мы не отпустили маму на работу. Но отсутствие на работе несколько дней приравнялось к дезертирству. По закону военного времени – суд и тюрьма. Приходили люди с завода, и в любое время в доме появлялся милиционер. А мы стояли на своем – мама уехала, оставив нас одних. Только с началом навигации на Каме, с первым парходом, мама уехала в Елабугу к сестрам Шуре и Вале. Теперь все семейные проблемы пришлось решать мне. Веня – фрезеровщик, окончил ремесленное в 1942 году, Геннадий – контролер, ему всего 15. Сестры Лида и Валя – школьницы. Надо было топить печь, заботиться о еде, думать, чем засадить грядки.

А маму все искали. Я с большой настойчивостью ходила на завод, прося за маму. Наконец сердобольная женщина в отделе кадров засунула папку с делом мамы «дезертир» в дальний угол шкафа, сказав: «Не скоро доберутся». Теперь можно было спокойно вздохнуть.

Но жизнь подбрасывала проблемы. Оказалось, брат, Геннадий, совсем стал доходягой. Весь опухший, грязный, задыхающийся, он почти не мог работать. В столовой собирал объедки со столов,

а потом болтался по заводу. Надо было спасать. После просьб в отделе кадров, через комитет комсомола, удалось устроить его в заводской интернат, что на Плоском поселке.

Январь 1944 года. Меня перевели из механического цеха, где я работала технологом, в редакцию заводской газеты «Сталинец». Теперь я литработник, и нет ежедневного грохота станков, грязи, десятков лиц подростков, с которыми ежедневно решали производственные и житейские дела – ведь я была еще и комсорг цеха.

В редакции нас восемь человек, ютимся в двух комнатках на втором этаже над заводскими проходными. Да у фотографа был еще закуток с ваннами и красным фонарем.

Интересными для меня были Яша Резник, фотограф Борис Камский, машинистка Антонина Васильевна.

Яша, составляя макет газеты, частенько прибегает к нам, прося «петрушку» – короткую информацию сверх плана. Фотограф Борис Камский – энтузиаст по натуре и в своем деле. Однажды он прибежал из цеха, проявил пленку и торжественно показал нам кадр с рабочим – малышом. Светловолосый мальчишка лет двенадцати, в кепке, стоит на трех ящиках у фрезерного станка. Этот снимок потом обошел все газеты.

В 1945 закончилась война.

Это не было неожиданностью, но когда 9 мая 1945 года рано утром прозвучал по радио голос Левитана: «Германия капитулировала. Война закончилась». Ликование, упрятанные страсти, торжество победителей выплеснулось из человеческих душ, залило улицы и площади города.

День торжествовали, не работая. А потом снова на свои заводы, мастерские – работа и жизнь продолжалась.

Сумбайкина Ангелина Николаевна

Я родилась в Перми в далеком 1924 году в бедной семье. Мама рано овдовела. На руках осталось трое малолетних детей. Я старшая. Мама работала в бараке уборщицей, где мы и жили. В июне 1941-го я окончила 9 классов с хорошими оценками. Мечтала поступить в институт иностранных языков, куда принимали после 9 класса. Послала документы, ждала ответа. А 22 июня началась страшная война, и вместо института я пошла работать

на завод им. Дзержинского. Завод уже перестроился на выпуск военной продукции – производились артиллерийские снаряды, мины. Меня направили в сборочный цех.

Несмотря на то, что прошло уже более 60 лет, я хорошо помню свою первую ночную смену. Цех был огромный. Шум был такой, что не слышно слов стоящего рядом. Определили меня на конвейерный участок, показали несколько простых операций. Проработав четыре часа, я потеряла сознание и упала. Очнувшись, лежа на сборках из-под деталей. Мне стало стыдно за свою слабость и, преодолевая головокружение, я встала за конвейер. Проработав до обеда, я получила суп-баланду и кусок хлеба. За это из продуктовых карточек вырезали талоны на хлеб 200 грамм и жиры 10 грамм. Смена закончилась в 8 часов утра. Домой добиралась три часа рабочим поездом до Мотовилихи, потом шла три с половиной километра пешком до Язовой. Проспав четыре часа, стала собираться на завод в ночную смену.

Работать было тяжело. Не полагалось ни выходных, ни отпусков. Смена длилась 12, а иногда и 16 часов. По карточкам давали 800 грамм хлеба в сутки, который съедали иногда за раз. Есть хотелось все время. Часто спала прямо в цехе на снарядных ящиках, так как до дома добраться было невозможно. Так поступали и другие девчонки. Работала я быстро, и меня поставили на первую операцию – клеймение деталей, от которой зависела скорость работы всего конвейера. И я старалась, чтобы не было простоя, сама таскала сборки с деталями, а вес каждой сборки 30 килограмм. Ежедневно на доске показателей проставлялись проценты выполнения нормы по участкам. Производительность труда была очень высокой. А какую зарплату нам платили – в то время меня, как и многих других, не интересовало. Мы работали не за деньги, а для Победы.

Новый 1942 год я встретила в цехе на своем рабочем месте, несмотря на праздник. Годы 1941-1942 были самые тяжелые и в тылу и на фронте. Все, что могли, мы отдавали фронту и всей душой верили в Победу. В судьбе каждого человека моего поколения годы Великой Отечественной войны были самыми памятными. И я их помню всю жизнь.

Суслова (Чертулова) Лена Рафаиловна

Рафуша (уроженец Майкора Молотовской области) механик кинопередвижки встретил Фанюшу (учительницу начальных классов, уроженку Усолья Молотовской области) в Березовке. Поженились и по комсомольской путевке из Молотова поехали строить Магнитострой, жили в Троице, где и родилась Лена. Вернулись в Соликамск (где жили родители Фени), Рафаил Георгиевич Чертулов стал работать директором кинотеатра «Горький». В 1939 году его перевели в Молотов директором кинотеатра «Горн» в Мотовилихинском районе. Жили по адресу: г. Молотов, ул. Смирнова, д.8.

Лето 1941 года. Каникулы. Всей семьей отдыхаем в Верхней Курье у родственников с маминой стороны: тети Анитьи и дяди Гриши Сеницыных, которые жили на 4-й линии. Впоследствии их дети жили уже на других линиях этого прекрасного места в Молотовской области. Кто семья? Отец Чертулов Рафаил Георгиевич (1908), мама Чертулова Фаина Алексеевна (1912), дочь Лена (1932) и сын Эдуард (1936). Вся семья Сеницыных (выходцы из Усолья, а потом и дети их – работники Мотовилихинского завода им. В.И. Ленина).

22 июня 1941 года. Всех детей отправили гулять (любимая игра в прятки) и собирать шишки для самовара. Взрослые готовят дома обед. Вдруг открывается окно и мама кричит: «Лена, Адик (так в семье звали брата Эдуарда)! Скорее домой». А в доме полным ходом сборы. Нужно еще было ехать через Каму (дядя Гриша перевозил нас на лодке). Очень быстро нам объяснили, что началась война.

Взрослые нервничали очень. Дети молчали. Адик было пять лет. Лене – девять (она только перешла в третий класс общеобразовательной школы и в третий класс музыкальной школы № 2 на ул. Смирнова, учителем ее была Елена Николаевна Шерстобитова). Пришли домой, папа сразу ушел на работу. Мама почему-то плакала, у нее очень болела нога. Помню, как мы – ребята со двора – катались на байдарках по речке, которая пробегала по огороду за нашим домом на Смирнова. У родителей были свои заботы. Учебный год начался 1 сентября, но в этот раз я ушла в школу одна, мама серьезно болела, лежала. Мне прибавилось хлопот по дому. Наконец, папа смог показать маму врачу, так как больницы стали госпиталями и туда везли и везли раненых с фронта.

Вызвали из Соликамска бабулю (маму мамы). Мы с бабушкой пошли к маме в больницу: она лежала в коридоре, закрытая простынею, холодная. Я упала рядом на пол (это был мой первый сердечный приступ). Врач сказал: «Десять бы дней раньше, мы бы ее спасли». Это уже 26 сентября 1941 года.

Папа тогда уже работал директором Главкинопроекта, который располагался в церкви на кладбище в Разгуляе. Там маму и похоронили. Ей было 29 лет. Нас должны были отдать в детдом. Но бабуля сказала: «... нет, они будут жить со мной». Так и попали мы с братом в Соликамск.

Приехали, была уже зима, помню, как выколупывали из мерзлой земли в огороде морковку и другие овощи. Бабулю нашу мы любили, потом стали звать мамочкой, ведь мама наша была ей единственной дочкой. Так втроем и жили мы всю войну, стараясь ничем не огорчать друг друга и в постоянном повседневном труде. Трудно было следить за чистотой в хлеве, трудно было продаивать корову и носить ведрами для нее бурду в 9-12 лет и т.д. всего не перечислишь. Надо было выживать.

В сентябре 1945 года после четырех контузий (на германском и японском фронтах) привезли и принесли на плащ-палатке солдаты нашего деда. Врачи отказались его лечить. Мамочка (бабушка) выходила его сама.

Отец всю войну был на трудовом фронте в Молотове. У него была в детстве изуродована правая рука, в военкомате ему сказали: «Пушечное мясо на фронте не нужно, пригодишься здесь». Он был членом КПСС. В то время ему было 33 года. Мы редко встречались с ним, в Соликамск он приезжал к нам два или три раза.

В тяжелые послевоенные годы я училась в Молотовском железнодорожном техникуме, где нам давали рабочую карточку хлеба 500 грамм. За учебу в школе нужно было платить, и по карточке давали 300 грамм. Отработав после техникума на Пермской железной дороге, окончила Молотовский госуниверситет.

Тарунина (Красильникова) Людмила Борисовна

Я коренная пермячка. Во время войны я была дошколенком, и целостного восприятия военной поры у меня нет, но некоторые моменты остались у меня в памяти. Наша семья была музыкальной

и театральной. И я хочу рассказать об эпизодах, так или иначе связанных с оперным театром.

Так уж случилось, что именно 22 июня 1941 года меня впервые повели на дневной спектакль в оперный театр. На мне было новое кружевное платье и голубые банты в косах. Я не помню названия оперы. По-видимому, это была советская постановка, так как на сцене был Ленин, дети и, что меня особенно поразило, большая русская печь (такая же, как у нас дома). Я не помню, удалось ли нам досмотреть спектакль до конца. Но помню, что потом мы бежали домой и увидели толпу людей, стоящих у репродуктора на рыночной площади. Многие женщины плакали. Заплакала и моя тетья. Тут я впервые услышала слово война.

Вот еще один эпизод из моего военного детства. Он всплыл в моей памяти в связи с двумя событиями, случившимися почти одновременно несколько лет тому назад. В Лысьвенском музее, где мы с пермскими школьниками были во время каникул, в экспозиции, посвященной войне, я увидела брезентовые ботинки с деревянными подошвами – всепогодную обувь уральских ремесленников военной поры. А вскоре к нам в Пермь приехали артисты Мариинского (Кировского) театра. Казалось бы, что тут общего? Чем связаны оба эти факта? А связь была. Она – в моем далеком детстве.

Представьте себе большую кухню в старом деревянном доме с русской печью и пузатым медным самоваром. Около стола сидят трое немолодых мужчин. В руках у них скрипки. Смычки плавно касаются струн, и звучит удивительно светлая и чистая мелодия. Я не знаю, что они тогда играли, но ощущение радости, света и счастья осталось у меня в памяти до сих пор. И это волшебство звуков заворожило не только меня, маленькую девочку с длинными косичками, притихшую на низенькой табуретке, но и бритоголовых пареньков, которые сидели у стены на старинном бабушкином сундуке, опустив ноги в корыто с теплой водой.

А рядом у печки сушились их «бахилы», у которых серый брезент был прибит к толстым деревянным подошвам гвоздями с рифлеными шляпками. Ребята сидели тихо, широко открыв глаза и, как мне казалось, наострив уши. Это были ремесленники, работавшие на заводе им. Дзержинского. Мой отец, начальник термического цеха Б.И. Красильников, в свои редкие отлучки с завода часто приводил ребят домой – отогреться и подкормиться.

А музыканты – это оркестранты струнной группы Кировского театра, который во время войны был эвакуирован в Пермь. Мой дядя – С.А. Бабыкин работал настройщиком музыкальных инструментов. Он часто бывал в театре, и музыканты приходили к нам на «огонек», благо мы жили недалеко от театра в Разгуляе. А гостеприимство было традицией в нашей семье. Да и не только в нашей. Многие семьи принимали у себя ленинградских артистов как родных и близких.

С тех пор прошло уже более 60 лет. Не осталось в моей памяти имен и фамилий этих музыкантов Кировского театра. Вероятно, их уже нет в живых. Но хочется надеяться, что здравствуют те ребята военной поры, которые слушали прекрасную музыку на улице Кирова. Может быть, кто-нибудь прочтет мои воспоминания и откликнется.

Тетюева Любовь Александровна

Я родилась в семье священника. Мой отец, Александр Павлович Тетюев, служил в соборе Чердыни. Неоднократно отбывал срок «за отказ работать в интересах ЧК». В 1937 году его арестовали.

Моя сестра и брат учились в педтехникуме в городе Чердынь, сестра на III курсе, брат на I-м. Их исключили из техникума, как детей священника. Директор техникума, Белавин, помог Елене Тетюевой написать письмо в Москву Надежде Константиновне Крупской, и сам отправил его из Свердловска, а то из Чердыни такое письмо задержали бы на почте. Ответ пришел через две недели. Надежда Константиновна Крупская писала: «Восстановить всех исключенных». Позднее сестра и брат делали попытку поступить учиться в университет. Сдавали успешно вступительные экзамены. Проучились два месяца, но их исключили. Младшего брата исключали дважды из пятого класса.

В 1935 году вышел приказ: «Дети за отца не отвечают». Заканчивались 1930-е годы XX столетия. Я и мои ровесники выросли, нам уже почти 20 лет. Эти годы прошли почти в мирное время. Мы строили планы на будущее.

Школьные годы прошли в самой доброжелательной атмосфере. Первая, кто нас встречает, это Аннушка – сторожиха. От нее исходила сама доброта. В руках у нее медный колокольчик, и им она сообщает, что пора разойтись по классам: «Детушки,

ребятушки, не шалите, не бегайте». У нас были хорошие учителя, иногда слишком требовательные. С проболевшими и пропустившими уроки, учителя занимались дополнительно. Причем, бескорыстно, отрывали от себя и своих семей время. Классная руководительница Анисья Ефимовна Македонова стала заниматься со мной математикой. Уроки преподавателя литературы Олимпиады Николаевны Филипповой мы ждали как большого праздника. Химию преподавал Георгий Иванович Дьяков. Позже я училась в фарминституте, стала преподавать химию, оценила, что в школе нам давались хорошие знания по этому предмету. Большим авторитетом пользовался учитель математики Чагин Н.П. Еще не учась в школе, я слышала в разговоре старших братьев: «Николай Петрович так сказал...» После этой фразы никаких обсуждений не начиналось. Николай Петрович доходчиво, понятно объяснял новый материал, он легко запоминался. На фронте его ранило в голову, после войны он преподавал математику только в школе взрослых. С девятого класса учителя школы стали обращаться к нам на Вы. Вежливое обращение на Вы заставляло нас вести себя соответственно.

В нашем городе не было театра, кинотеатр был один. Ходили в кино на новые фильмы. Была очень приличная библиотека. Начался 1941 год, до получения аттестата оставалось еще несколько месяцев. Обсуждали с подружками, куда лучше поехать. Мечтали. Наконец, 21 июня 1941 года получили долгожданный документ о получении среднего образования. Это был последний вечер, когда соученики собрались вместе. Утром 22 июня по радио объявили о том, что Германия напала на нашу страну.

Еду в Пермь, подаю заявление в фармацевтический институт. Начинаются вступительные экзамены. Сдала два экзамена. Нам объявляют, что зачислят всех. Учиться будем по очень уплотненной программе. За один семестр пройдем материал за первый курс, во втором семестре будем осваивать материал второго курса. Провизоров обучать будут за два с половиной года, врачей за три с половиной. Нужно лечить раненых, нужны специалисты для работы в госпиталях и на фронте.

Начались занятия по 12 часов в день. Химия усваивалась хорошо, а ботаника без выхода на природу была не очень воспринимаема. Убрали из программы диамат и истмат. Стипендию давали тем, кто сдал сессию на «хорошо» и «отлично». Общежитие в бараке. В мирное время рассчитывали принять на первый курс лишь

половину подавших заявление, поэтому получилось так, что по две девушке стали спать на одной кровати. Хлебная карточка на 400 грамм.

В общежитие привозили баланду, суп из отрубей. Общежитие и институт отапливались дровами. Студенты выкалывали на Каме бревна изо льда, и на санках везли в общежитие. Дрова сушили на плите в комнате, где жили сами. Осенью студенты первого и второго курсов работали в колхозах, помогали колхозникам собирать урожай. За пенькой вязали снопы, складывали их в суслоны. Работали на молотилке, подавали снопы, предварительно разрезали их серпом. Ночью работали на веялке. Поднимали мешки по 50 килограмм, веялка была ручная, у колхозниц семьи, а мы свободны от домашних забот. Всю ночь очищаем зерно, а утром идем на поле. Спали в избах на полу, на соломенных матах или в школе тоже на полу. Ежедневно нам давали по пол-литра парного молока, а вечером при свете керосиновой лампы мы обедали похлебкой и свежими огурцами.

В деревне мужчин не было, они были на фронте. Главные помощники женщин были подростки. Они управляли лошадьми. Они грузили в ящиках картошку на телеги. Силенок у ребят было недостаточно. Изображая из себя взрослых мужиков, они ругались по-взрослому. Впервые мы слышали этот лексикон. В городе, в те годы, такая брань не звучала. В городе в предвоенное время публика была интеллигентнее, чем в XXI веке.

К лету 1942 года немцев отогнали от Москвы. Мы стали заниматься по прежней, довоенной, программе, т.е. за год программу третьего курса и затем очередного четвертого курса. Увеличился паек хлеба, мы стали получать по 600 грамм. Я начала ездить в Соликамск, привозила от мамы овощи, в основном, картошку, лук, творог. На рынке было все очень дорого. Ведро картошки, литр молока и буханка хлеба стоили тогда по 100 рублей.

В 1943 году в июне все студенты фармацевтического института были посланы в верховье Камы в поселок Керчево, там находился сплавной рейд. Шла весенняя сессия, студенты успели сдать половину положенных экзаменов. Нас посадили на пароход, через два дня мы были на месте. Поселили всех на плавучем судне дебаркадере. Рассказали, что срубленный зимой в тайге лес был привезен к берегу Камы, весной его сбросили в реку. В данный момент его скопилось большое количество около плотины. Задача студентов: рассортировать лес по породам. Каждый

вид сортировался отдельно. Березу, сосну, елку, пихту нужно собрать по отдельности. Каждому студенту, студентке, давали в руки багор. Посередине Камы была устроена сортировочная сетка, разделенная на дворики. В каждый дворик нужно было, с помощью багра, затянуть бревно. В конце сортировочной сетки стояли установки, на которых связывались большие пучки бревен только определенной породы. Затем их связывали толстой проволокой. Из этих больших пучков древесины делались плоты. Так древесина из северных уральских лесов отправлялась в плоты в низовья Камы, а дальше по другим рекам.

В фарминституте, тем более во время войны, учились в основном девушки. Были случаи, когда за бревном, за багром плыла сортировщица... Мы приехали на лесосплав из Перми, изрядно наголодавшись, частенько у студентов, кроме хлеба, полученного по карточке, не было другой еды. На лесосплаве с первых дней приезда нас обильно кормили кашей и супом, сваренных из раздавленных зерен пшеницы. Три раза в день: утром, в обед и вечером каша, днем суп из этой же крупы. Через неделю однообразная пища приелась, и обед стали выливать в Каму, кормить рыбу. В свободные минуты отправлялись в лес собирать чернику. Лес был рядом с поселком. В лесу на кочках росли кустики черники и голубики.

К плотине, преграждавшую дорогу бревнам, сплавлялось большое количество древесины. Возникла угроза, что может прорваться заграждение, и лес неучтенный, не связанный в плоты, уплывет вниз по течению реки. Вероятно, по этой причине нас стали лучше кормить, даже давали мясо. Вскоре мы отправились в Пермь сдавать сессию.

Учеба шла обычными темпами. По-прежнему много было трудностей. Холодные аудитории. Даже в химических лабораториях занимались в пальто, а на лекциях обязательно сидели одетые. У того, кто жил на частных квартирах, было плохо со светом. На дом или квартиру разрешали зажигать только одну электрическую лампочку. Выручали нас библиотеки. Библиотека им. Горького работала до 11 часов вечера. В зимнюю сессию занимали столик с утра до закрытия. Конечно, в это время не только готовили материал для сдачи очередного предмета, но и читали художественную литературу.

Успевали ходить в театр. За билетами в оперный ленинградский театр стояли в очередь с ночи. Продавали одному человеку на

четыре спектакля по два билета. Билеты были на самые неудобные места, доступные по цене. Мы были счастливы, что слушали оперу в исполнении величайших, талантливых исполнителей. Когда в Пермь вернулись наши, пермские артисты, мы не были разочарованы, они были прекрасные исполнители.

И вот, наконец, 9 мая 1945 года – конец войны!!! Мы все торжествовали. Перед оперным театром устроено гуляние, звучит музыка. Торжество, а на душе щемит. Не все дожили до этого дня. Никогда не вернутся домой родные и близкие. Наши родные и двоюродные братья, женихи, соученики по школе.

Я 35 лет занималась преподаванием в Пермском фарминституте. Защитила диссертацию. Сейчас на пенсии.

Трофимова Клавдия Васильевна

Я родилась в городе Молотове. Кагановический район, за Камой, ул. Первая Набережная, дом № 17 – свой дом. 22 июня 1941 года было воскресенье. Было очень жарко, и мы, закамские ребята, купались на Каме. Тишина, радио у нас тогда еще не было и электричества тоже. Были лампы-семилинейки, свечи. Мы еще не знали, что уже началась война. В 5 часов вечера пришел отец и сказал: «Началась война, бегите в магазин покупайте хлеб, соль, мыло, спички», и мы побежали. Нас было семеро детей,

но в магазинах уже не было ничего. Был чай фруктово-ягодный в пачках, вот мы его и набрали, да толочно, потом это ели. А на другой день мимо нас уже шли солдаты. На Перми II места не было, и они шли на 37-й разъезд (в настоящее время Пролетарка), а там их грузили в товарные вагоны, мы подносили им воду. Стало как-то пусто, тихо, как будто кто-то умер. В 1942 году у нас ушел брат Алексей Александрович, 1923 года рождения, родней провожали. Потом ушли Смирнов Михаил Александрович и Смирнов Федор Александрович (см. фото), дядя Смирнов Николай Максимович. В 1942 или 1943 году ушел добровольцем

на фронт еще один родной брат Владимир Александрович, 1927 года рождения. Работал на Каме на катере д-3. Он с товарищем Чернышовым Николаем удрали добровольно. Прислали письмо, что служат в Морфлоте в Кронштадте Ленинградской области, улица Октябрьская, кубрик 12. Все они погибли, правда, Володя пришел домой в 1947 году. Но чья-то кровожадная рука убила его, мы его нигде не нашли. а нам досталось не сладко, даже вспоминать не хочется.

Я работала водовозом. Воду возили на быках. Придавило быком, сломала ключицу. Ходили в госпиталь на Плеханова: письма писали, концерты ставили. Я рассказывала шуточный рассказ «Трамвай», все смеялись, и пела песню «В далекий край товарищ улетает», а Люба Колабина танцевала, Анна Дмитриевна Зуева, наша учительница, тоже что-то пела. Вот так мы и жили: собирали металлом. «Все для фронта – все для Победы!» Многие пошли работать на Дзержинский завод, и наша учительница тоже.

Тютнева Алевтина Яковлевна

Когда началась война, мне было девять лет, и я многое помню из тех страшных лет. Наш поселок Полазна, где я жила в то время, находился, к счастью, далеко от военных действий. Мы не слышали пушечных выстрелов и взрывов бомб, но познали, что такое голод, детство без игрушек, праздники без сладких угощений и нарядной одежды.

22 июня 1941 года, проснувшись, мы, дети, увидели чем-то очень озабоченных и взволнованных родителей. Нам пояснили – началась война! Уже днем мы проводили отца на фронт. Нас, детей, трое осталось с мамой, два брата 13 и 12 лет и я. Сначала все было хорошо, вроде ничего не изменилось, только по вечерам садились слушать радио о военных действиях.

У нас была корова, поэтому мы жили хорошо, по сравнению с теми, у кого коровы не было. Это создавало определенные трудности. Летом – покос, корову надо кормить, огород надо полоть, поливать. Мама работала с раннего утра до позднего вечера. Воду летом носили с пруда на коромысле, зимой братья возили бочку с водой.

В 1942 году в наш поселок прибыло много семей, эвакуированных из Ленинграда. В каждый дом, независимо от площади, поселили семью ленинградцев. У нас жила семья из четырех

человек. Мама, двое детей: Жанна 12 лет и Эдик девяти лет, сестра мамы - тетя Клава, фамилия их Степановы. Моя мама их очень жалела и кормила нас всех вместе. Поэтому молока имели по кружке два раза в день, овощей на зиму не хватало. Хлеб получали по карточкам 300 грамм на рабочего (это получала мама) и по 100 на иждивенца (это получали мы – дети). Мама, конечно, хлеб не ела, все съедали мы за один раз. На день в русской печи мама оставляла нам картошку, сваренную в чугушке. Вечером есть уже было нечего. Летом варили суп из крапивы, селянку из пестиков. Уходили в поле: ели щавель, полевой чеснок, пиканы. Все время хотелось есть.

Игрушек не было. Куклы шили из тряпок, брат делал игрушки из дерева, это были машины, пистолеты, самолеты. С подружками во дворе строили клетки (комнаты), играли в семьи. Доска на четырех кирпичках – скамейка, табурет – стол, остатки разбитой посуды, это чайные и столовые сервизы. Вот так играли.

Зимой катались с горки на лубках, это приспособление вместо санок. Дедушка из дровяной чурки вырубал плоский треугольник, с одной стороны делал углубление, чтобы сидеть, другая сторона обливалась водой и замораживалась. На лубок вмещался один человек.

Из праздников помню только Новый год, другие, видимо, не отмечались. На 1 мая и 7 ноября были митинги, демонстраций не было, дома эти праздники не отмечали. А в Новый год, как бы там ни было, но в каждом доме стояла новогодняя елка. Украшения мастерили сами из яичной скорлупы, если она была, из бумаги делали цепи, фонарики, снежинки. Сладостей, конечно, никаких не было, муки не было, стряпни никакой. Мама на большой сковородке крупно нарежет картошку, зальет молоком и жарит на углях в русской печи – вот угощение. И откуда-то доставала всем нам по прянику.

Одевались так, что сейчас трудно представить. Мне перешивали старые мамины вещи, братьям – папины. Младшие донашивали после старших. А если удавалось обменять овощи на вещи от ленинградцев, то это – шик! У меня был выменян костюм-матроска темно-синего цвета, юбка в складку и блузка с матросским воротником.

Очень трудной нам казалась осень. Если даже учебный год еще не начинался, нас все равно привлекали к работам по уборке урожая. Девочки собирали колоски. Мальчики убирали сено, гребли, возили копна, помогали укладывать в стога.

Картофель убирать приходилось, зачастую, из-под снега. Не знаю почему, наверно, не успевали. Но очень было тяжело, копали лопатами, земля застывшая, было холодно, руки замерзали, на ноги чего только не накручивали. Очень любили убирать горох. Весь день были сыты, ели горох. Почти всегда была хорошая и теплая погода, и за работу получали горох. Этот горох получала и школа, из него нам варили горошницу, и в большую перемену мы каждый день получали по чашке горошницы.

Неприятным и ужасным помнится случай в начале 1943 года. Во время войны у нас не было мыла. Мылись в бане и стирали щелоком – это кипяток, настоящий на золе. Вероятно, для необходимой чистоты этого было недостаточно. У девочек, да и у мальчиков появились насекомые в волосах, поэтому всех учащихся остригли, мальчиков – наголо, девочек – под польку и каре. Мама плакала по моим косам.

Большую радость приносили нам школьные кружки. Преподаватели вели кружки хоровой, танцевальной, физкультуры. Мы выступали на родительских собраниях, на торжественных вечерах.

9 мая 1945 года, идя в школу, смотрю – мой дед прибывает флаг к конторе сельпо. Я спрашиваю: «Зачем?». Дедушка отвечает: «Война кончилась!» В школе уроков не было, село собралось на митинг. Все плачут, обнимаются. Слезы радости за тех, кто живой, и печали за тех, кому не довелось дожить до Победы. Митинг не заканчивался, перешел на улицы, в дома! Это не передать, это надо было видеть!

В каждой семье кто-то не вернулся, кто-то пришел инвалидом. Мой отец приехал с войны в 1946 году больным туберкулезом, вскоре умер. Дядя в 17 лет ушел добровольцем и в первом же бою, в Сталинградской битве, погиб.

Я окончила школу, получила педагогическое образование. 19 лет работала в родном поселке Позана, 1971 года – в Перми в школах № 96 и 110. Свою педагогическую деятельность закончила в школе № 110 в 1999 году.

Мой трудовой стаж – 45 лет. Имею медаль «Ветеран труда». От воспоминаний болит сердце, и, дай Бог, чтобы таких страданий не узнали наши дети и внуки. Наша задача – сохранить мир на всей Земле.

Хлызова (Чазова) Галина Григорьевна

Родилась 10 мая 1927 года в деревне Лариха Оханского района Пермской области в большой крестьянской семье, состоявшей из 10 человек; в том числе восемь детей. В 1930 году родители сдали в колхоз дом, скот, все имущество и переехали в Пермь. В то время начали строить завод им И.В. Сталина, и родители и взрослые братья и сестры в дальнейшем работали на этом заводе.

Я поступила в школу № 22, где проучилась до 6 класса. 6 июня 1941 года класс вместе с классным руководителем Михаилом Сергеевичем сфотографировался на память. А 22 июня началась война. В городе началась паника, исчезли из магазинов продукты питания, образовались очереди за продуктами на несколько кварталов.

С сентября 1941 года пришлось заниматься в другой школе (№ 21 по улице Кирова), так как 22-я школа была занята под госпиталь. В свободное от учебы время школьники посещали госпиталь и помогали раненым писать письма, клеили конверты и оказывали другие услуги.

Осенью 1942, когда собрались для учебы в 8 классе, пришел директор школы и сказал, что продолжается война и нужны рабочие руки, чтобы помогать фронту. В город прибывали эшелоны с эвакуированными и ранеными с фронтов, прибывали предприятия и заводы с западных районов страны. Среди заводов, перевезенных в Молотов, был ленинградский приборостроительный, который разместили в здании авиационного техникума по улице Большевистской. Я пошла работать на этот завод слесарем. Позднее, оценив мои старание и трудолюбие, перевели в контролеры.

Работа мне нравилась. Работали по 12 часов, а по воскресеньям была переходная смена – получалось по 18 часов, без выходных и отпусков. Но никто не жаловался. В цехах работали в основном женщины и подростки. Многие находились на казарменном положении и жили прямо в цехе.

В стенной газете цеха тех лет я отчетливо помню заметку о подростках, которые выполняли норму на 200-250%. Некоторые подростки не могли дотянуться до станка, приходилось подставлять ящики.

Мы жили в холоде и голоде. Получали паек – 700 грамм черного хлеба в сутки. В столовой кормили баландой – водой, смешанной с черной мукой, и овсяной кашей, от которой всюду валялась шелуха. Но, несмотря на это, нами двигало какое-то странное чувство. Мы понимали, что тоже приносим пользу для победы над ненавистным врагом. И молодость брала свое. Особенно нас объединяла песня. В цехе часто выключали электроэнергию и воду. В это время мы собирались и пели любимые песни: «Землянка», «Темная ночь» «На позицию девушка провожала бойца» и другие.

В 1944 году была прорвана блокада Ленинграда. В город стали прибывать поезда с ленинградцами. После выздоровления они приходили работать на наш завод. Одна из них, Валя Кирова, работала рядом со мной. Стало веселее, чувствовали, что скоро война закончится. Как мы мечтали об этом!

В конце 1944 года наш завод начали готовить к отправке обратно в Ленинград. Потом многие пермяки уехали вместе с заводом. А мы перешли работать на моторостроительный завод им. Сталина.

В сентябре 1945 года я поступила учиться в дошкольное училище, но из-за тяжелого материального положения учебу пришлось бросить и снова идти на работу. Как-то случайно услышала в разговоре молодых людей: «Этот фильм о войне. Надоело!» Если бы они знали, что было пережито! Эта тема о

подвигах в годы войны на фронте и в тылу не должна иссякать. Никто не забыт, ничто не забыто!

Папа работал маляром на заводе им. И.В. Сталина и был стахановцем, на лацкане пиджака был прикреплен значок «Стахановец». Мама никогда не работала. Началась война, им пришлось уехать на родину в Оханский район, так как на 300 грамм хлеба в сутки им бы не выжить. Жизнь в колхозе начали заново, мама жала серпом и бывало по 11 соток в день и заработала на покупку дома. В 1964 году мы перевезли родителей в Пермь, так как здоровье было плохое.

В 1939 году в городе по улице Коммунистической построили первый большой магазин и назвали его «Пассаж», так мы в него приходили как в музей посмотреть, а что же там продают. Помню, первый появился ситец, штапель, очередь занимали накануне вечером и ставили номерок на руке. Вообще, казалось, жизнь уже налаживалась, стало как-то веселее на душе у людей. И тут грянула война...

Огромные очереди за продуктами помню в Центральном гастрономе, на улице Ленина продавали булочки, очередь была два квартала. Потом появились карточки. Мясные талоны отоваривали сухими грибами, мыло было жидкое, черное как деготь. Зарплата на заводе была около 500 рублей в месяц, а буханка хлеба на рынке стоила 100 рублей. Рынок назывался «Хитрым».

В 1942 году в город приехал из Ленинграда театр оперы и балета, впервые я увидела искусство на сцене. Мы с девчонками бывали в нем, билеты покупали за 30 копеек на галерке. Кинофильмы шли целый месяц. Особенно нравились фильмы с участием Дины Дурбин: «Первый бал», «Сестра его дворецкого», «Сто мужчин и одна девушка». Несмотря на тяжелую жизнь, мы развлекали себя сами. Этим самым сглаживалось все плохое, и мы всегда верили в нашу победу и мечтали о буханке хлеба. А еще мы ходили на танцы в сад им. Горького, а рядом с Домом офицеров построили помост, и оркестр играл вальсы, танго.

Мы жили на улице Карла Маркса и я считаю, что эта улица моего детства. В трех домах на этой улице мы проживали, здесь наша школа № 22 им. Куйбышева находилась. Напротив сквер, забор был деревянный, скоро его не стало, жильцы постепенно превращали его в топливо для печек. В комнате у нас стояла печка железная «буржуйка».

Также разрешили производить посадки овощей в сквере около дома, чтобы как-то облегчить жизнь в такое голодное время. Когда прибывали эшелоны с эвакуированными, управдом сам

приводил на квартиру для проживания. У нас было две женщины и ребенок восьми лет и из Смоленска девушка Ирина Рожкова. Окна закрывали черной бумагой, чтобы не было просвета, так как боялись, что будут самолеты бомбить.

На работу я ходила пешком, хотя по улице ходил трамвай, всегда переполненный (билет стоил 2 копейки, кондуктор был), люди висели на подножках.

Иногда я видела, как на людях ползали вши, и это не удивительно, так как недоедание и прочие причины создавали условия для этого. Нас всех, оставшихся после отъезда завода в Ленинград, посадили в автобусы и привезли на завод им. Сталина и предложили работать в цехе или в Юн-городке № 4, который был построен на углу Яблочкина и ул. Куйбышева. Состоял из девяти бараков. Наша задача была в том, чтобы приготовить кровати, тумбочки, все заправить, так как должны приехать молодые люди для работы на заводе.

В бараке было по 18 кроватей, печное отопление, кухня, кладовая, умывальники и туалет. Моя обязанность была в том, чтобы топить печи, титан в кухне, колоть дрова, которые были сырые. Работали с 8 часов утра до 8 часов вечера.

Был медпункт, нас обслуживала фельдшер в оказании первой помощи, а кому исполнилось 18 лет, их ставили на военный учет и им выдавали удостоверение военнообязанного. Мне еще не было 18 лет.

Когда объявили об окончании войны, мы ликовали. Везде у дворцов были танцы, плакали от радости, так как этот праздник со слезами на глазах. До сих пор это чувство осталось, не могу без слез обходиться.

Чупин Сергей Александрович

В 1941 году мне исполнилось 15 лет. Я окончил 8 классов средней школы № 3 Пермской железной дороги, что на улице Толмачева (теперь в этом здании находится школа № 82). Жил я с родителями тоже на улице Толмачева, в доме № 1. Родители были родом из деревни, образование получили в церковно-приходской школе. Отцу было уже за 50 лет, работал разнорабочим. мама швеей-надомницей в артели инвалидов, сестра училась в университете.

О нападении на Советский Союз гитлеровской Германией узнали по радио. Было тревожно, но все надеялись на Красную

Армию и верили, что она у нас непобедима, ведь у нас такие есть талантливые полководцы: Ворошилов, Буденный, Кулик и другие.

Первые месяцы войны, мы, молодежь, были в шоке, ничего не могли понять: почему мы все отступаем и отступаем? Позднее, в 1942 году, после Сталинграда, пришло понимание, что к войне еще мы были технически не готовы, машиностроение и оборонная промышленность делали только свои первые шаги.

Через неделю после 22 июня мы, группа ребят из нашего квартала, пошли в райком комсомола и подали заявление о принятии нас в ряды ВЛКСМ. По направлению РК мы работали на Перми II на разгрузке прибывающих эшелонов с эвакуированными и беженцами.

Неподалеку от нас прибывшему из Ленинграда заводу № 629 (телефонному) отвели площадь районного рынка, конюшни и гараж. Сходу началась установка оборудования. Прибывшие рабочие жили под навесом рынка. Мама, увидев это, привела семью Рословых к нам домой. Через некоторое время на Заимке разместился Харьковский завод «Механолит» (будущий «Торгмаш»). Мы согласились принять двух работников этого завода – мужа и жену Буровых.

В конце 1942 года из Ленинграда эвакуировался брат отца, раненый ополченец, с женой. Таким образом, в квартире из двух комнат по 12 метров всю войну жили четыре семьи, всего 11 человек. Жили дружно, помогали друг другу, никаких ссор не было. И так во всех соседних домах. Пермьки принимали эвакуированных добровольно, без принуждения.

1 сентября я пошел в школу, по пути встретив двух одноклассников. Зайдя в 9 «а» класс, мы оторопели. Класс был заполнен незнакомыми ребятами. Это были москвичи и ленинградцы. Мои товарищи смутились, постояли и... ушли. Так я один остался в «своем» классе. Дело в том, что мы, провинциалы, резко отличались от столичных: мы ходили в сшитых нашими матерями штанах и рубашках, кустарной обуви. А приехавшие – в фабричной одежде, девчонки – с макияжем. Новички были свободны в общении, а мы – окаменевшие и оцепеневшие.

Проучились мы неделю, а потом нас послали на уборку картофеля в Ильинский район. Наш класс попал в деревню Зотино. Все копали картошку, а меня, как умевшего управляться с лошадьми, послали на вывоз с поля мешков с зерном. К концу дня сил не оставалось, до сих пор помню, как лошадь, повернув голову, сочувственными глазами смотрела, как я еле-еле втаскивал мешок на телегу.

Когда мы вернулись в октябре в школу, пошел слух, что, якобы, парней перевезут на учебу в железнодорожный техникум. «Черным паровозиком» быть не хотелось. А тут мне попало на глаза объявление, что закрытый было авиатехникум возобновляет работу и приглашает учащихся 9-10-х классов на ускоренный двухгодичный курс обучения (в августе весь комплекс зданий техникума был отдан для размещения ленинградского авиаприборного завода № 470).

В 1944 году завод вернулся в Ленинград. Несколько человек из школы, в том числе и я, поступили в авиатехникум. Учились по 10-11 часов, очень напряженно, летних каникул не было. В 1942 и 1943 годах постановлением Ленинского райисполкома мы направлялись на Камскую лесобиржу для разборки плотов и распилки бревен на дрова для города. Работали по 10 часов, но давали обед без карточек. Окончить техникум за два года не удалось, так как практика на заводе им. Сталина вместо двух месяцев оба раза продлялась до четырех месяцев из-за нехватки рабочих. Практику мы проходили на рабочих местах, получая полные сменные задания. Зато получали хорошую закалку, работая в атмосфере, когда весь коллектив стремился выпустить «лишний» мотор, приближая победу. Бывало, перевыполнишь задание, домой идти сил нет, но настроение всегда было отличное.

Хочется выделить некоторые воспоминания о военных годах в Перми. В самые тяжелые годы 1941-1942 я не встречал панически настроенных людей (ни в квартале, где жил, ни в учебной группе, ни в цехе). Все люди верили в победу, уже после Сталинграда особенно. Сообщение Информбюро о сдаче какого-нибудь города вызывало только ожесточение в работе. Освобождение города придавало необычайные силы. Помню, однажды подхожу к заводской проходной, а там толпа рабочих. «Ура!» – кричат и в проходную не торопятся. Оказывается, по радио объявили об освобождении Киева.

Жили дружно, не было никакой межнациональной розни, а ведь среди эвакуированных и мобилизованных кого только не было! Люди чувствовали свою личную ответственность за судьбу страны. Я не помню что-то случаев иждивенчества среди окружающих.

Несмотря на абсолютную темноту, электричество было выключено в жилом секторе (не хватало энергии для заводов), действовал режим светомаскировки. На улицах было спокойно, о хулиганстве и грабежах слухов не было. На работу и с работы приходилось ходить в темноте, но никто не боялся. Улицы тогда в городе в большинстве были немощеные, поэтому горожане

сажали на них картофель. Мы тоже, прямо на улице, перед домом сажали. Никто, конечно, посадки не охранял, но за все те годы ни одного куста не пропало.

Но самое стойкое воспоминание оказалось – постоянное чувство голода. Сегодняшние школьники говорят: «Так ведь 600 грамм хлеба – это много». Если б это был сегодняшний хлеб?! А сколько муки и сколько каких трав было в военном хлебе – знают только тогдашние пекари. Оставленный с вечера кусок хлебного пайка утром превращался в черный монолит, который надо было разбивать молотком. Помню вкус лепешек, которые готовила мама из пропущенных через мясорубку картофельных очисток и поджаренных на олифе.

Трудности и напряжение военного времени, коллективизм и стремление не отставать друг от друга, видимо, закалили наш характер. После войны все мои однокашники по техникуму продолжали образование – кто на дневном, кто на вечернем отделениях вузов и стали видными специалистами: директорами заводов, начальниками цехов и отделов, ведущими конструкторами и т.д. Я с благодарностью вспоминаю однокашников – друзей, всегда подпиравших плечом друг друга: Вадима Вшивкова, Германа Лбова, Бориса Смехова, Игоря Житникова, Виктора Медведева, Бориса Вайнштейна и всех остальных. К сожалению, нас осталось только двое, я и Л. Баландин.

Шестакова Тамара Степановна

Я родилась в 1933 году в Перми. Когда началась Великая Отечественная война, сразу куда-то делись игрушки, все вкусное, даже хлеб стал по карточкам – 300 грамм на иждивенца (нашей бабушке), нам, детям – 400 грамм.

Я пошла в школу, но меня не хотели брать, не было восьми лет. Но в школе давали обед: чай сладкий и кусочек хлеба с мандариновым вареньем. Во второе полугодие я заболела свинкой, проходили букву «Ф», я ее стала путать с «В», дома сидела, а мама заставляла читать.

Мама работала на заводе № 19 (им. Сталина) образцовщицей. Иногда сутками не выходила из цеха. Мы с сестрой брались за руки и шли с улицы Газеты Звезды, № 51 до завода; там был телефон, маму приглашали, и мы спрашивали: «Мама, ты жива?» «Да, девчата, скоро приду», – отвечала мама. После этого проходит еще 15-20 часов.

Папа работал помощником машиниста на заводе им. Шпагина, проверял паровозы после ремонта. Однажды он упал с паровоза на соседние рельсы и повредил позвоночник. Дали ему третью группу инвалидности. После этого он работал сторожем в детском саду. В 1943 году построили Дом офицеров, он им возил киноплёнки. Тут мы с сестрой не пропускали ни одного кинофильма.

У мамы всех братьев и племянника отправили в Советскую Армию, в разное время на разные фронты. Самый старший, Андрей Савельевич, вернулся в конце мая, в день рождения – ему было 50 лет. На фронте, на передовых позициях он после боев подвозил обеды. Был случай: он идет собирать дрова, чтобы разогреть обед, прямое попадание в подводу и... ни кухни с обедом, ни лошадок. У него только осколок под левым глазом.

Второй брат, Николай Савельевич, из госпиталя написал письмо жене: «Аня, если можешь, приезжай!» Он лежал в освобожденной Белоруссии. Жена приехала, разыскала госпиталь в разбитом городе, и молодая девушка на крыльце ее спрашивает: «Вы к кому?» «К Плыгалову». Девочка-медсестра проводила до палаты на первом этаже, сказала: «Плыгалов, к вам». А ему ампутировали ногу. Он поднимает голову, и мать увидела молодого парня. Она закричала и упала на пол. А на втором этаже лежит контуженный отец Андрея и муж Анны!

Третий брат, Василий Савельевич, в 1943 году был комиссован по ранению в колено, нога не сгибалась.

Четвертый брат, Иван Савельевич, не успел написать ни одного письма, не было и похоронки. Где он убит, никто не знает.

Четыре брата, племянник и муж старшей дочери, Аркадий, все честно выполнили долг перед Родиной. Аркадий на танке возил офицеров и генералов на передовые позиции. Однажды попали под бомбежку. Генерал приказал: «Рассыпайся!» Аркадия отбросило и засыпало землей. Он, теряя сознание от боли в сломанной руке, здоровую руку поднял вверх и только по крохотным отверстиям в песке к нему поступал воздух. Когда кончился налет, пошли собирать раненых. Один солдат заметил на холме руку и попросил товарищей откопать холм и забрать документы... А достали еле дышащего человека! Когда его везли в госпиталь, он сквозь сон услышал: «Скоро Пермь», встал и пошел к начальнику поезда. Но ему не разрешили выходить. Он им объясняет, что в Перми у него дом, жена, дочка. Все-таки отдали документы. Он к нам пришел около полуночи. Мы жили близко от госпиталя (школа № 9), куда ему было дано предписание явиться немедленно. Пролежал Аркадий недолго, начали пальчики на руке шевелиться.

Повидался со всеми родными. И снова уехал на фронт. Больше ни слова от него не было. Потом получили известие: «Без вести пропал!» А несколько лет назад: «Ваш муж и отец погиб...» Может, следопыты что-то нашли?! Спасибо им!

Шиловский Иван Павлович

Родился в Вологодской области. Начало войны хорошо помню. Проводы односельчан. А в 1942 году и до меня дошла очередь. Учился в 5 классе. В школе вручили повестку в трудовые резервы. В октябре я оказался в Череповце, Вологодской области. И тут я ощутил горячее дыхание войны. На Запад шли составы с вооружением: пушки, танки; а на Восток – с ранеными.

Подъезжаем к Вологде, кругом темно. Нас, подростков посадили в товарные вагоны, посреди печка – буржуйка. Везли только ночью. Нас сопровождали молодые солдаты, так сказать, охраняли, чтобы не сбежали. Мы, мальчишки любопытные, стали спрашивать, куда нас везут. Когда проехали Киров, нам сказали, что конечный пункт – Молотов.

Так мы оказались на заводе им. Сталина. В заводском клубе была библиотека и классные комнаты, где изучали режущий и мерительный инструмент. Так начались рабочие будни. Нас определили в ремесленное училище № 1 (ныне лицей № 1). Проучился 1 месяц, расформировали. Я оказался в ФЗО. После обучения попал в цех № 38.

Работали наравне с взрослыми по 12-14 часов. Уставали, не ходили никуда. Только спать и на работу. Не было отпусков и выходных. Так все четыре года войны. Нам выдавали продуктовые и хлебные карточки. Еды не хватало, все время хотелось есть, даже во сне виделось. Жили в общежитии, питались в заводской столовой: баланда из капусты, картошка, чай без сахара, 700 грамм хлеба.

Работал фрезеровщиком на операции – прицепной шатун. Норма – 48 штук. Если норму выполняешь, давали пропуск на коммерческий обед: суп, каша, чай и 200 грамм хлеба. Поощрение!

Как-то вызывает начальник цеха: «Тебе, Ваня, надо сделать 100 штук». Отстоял у станка 29 часов. Потом Оконешников пригласил в кабинет, достал из тумбочки полную тарелку каши.

Поскольку у меня был маленький рост, мне на трап ставили ящик. На мне была изношенная фуфайка. Однажды начальник АХО Внутских, проходя мимо, сказал: «Как бы тебя не примотало за лоскутки». Он доложил начальнику цеха Оконешникову. Начальник цеха вызвал меня: «Пиши заявление директору завода А.Г. Солдатову». Я написал заявление и пошел на прием. Зашел, поздоровался, а Солдатов обошел вокруг меня, маленького, в грязной фуфайке, с колодками на ногах. Звонит начальнику цеха: «Почему молодые рабочие в неприглядном виде?» А на заявлении написал: «Выдать фуфайку, хлопчатый костюм, рубашку, ботинки». Я прочитал заявление и заплакал. Женщина-вахтер спрашивает: «Чего, мальчик, плачешь? Тебе Солдатов вон сколько выписал».

Второй раз к Анатолию Григорьевичу попал в 1944 году. Нас пригласили на прием за хорошую работу. Выдали по банке компота и валенки. Мы, рабочие завода, любили нашего директора.

И вот, для нас, советских людей, пришел праздник 9 мая – День Победы.

В этот день пришел в цех, а там непривычная тишина. Все ушли на митинг. Выступали: А.Г. Солдатов, генеральный конструктор А.Д. Швецов и секретарь Обкома А.И. Гусаров. Благодарили нас за труд.

В 1946 году мне дали первый отпуск. Мама просила остаться дома работать в МТС (машинно-тракторная станция). Но я не согласился. Мне нравилось работать на заводе, меня уважали. Все друзья были там. Сейчас уже никого не осталось.

Живу один, жена умерла, дочь живет в Израиле. Завод не забывает. Совет ветеранов приглашает на встречи, дают билеты на концерты и спектакли.

Ширинкина Лидия Георгиевна

1 мая 1941 года – последний довоенный праздник, радостные, нарядные люди, красные флаги, музыка, песни... Мы с мамой на пристани в Чистополе ждем пароход, переезжаем в Пермь. Мне надо закончить в Нижней Курье пятый класс. Впереди летние каникулы, которые я всегда проводила на земмашине «Камская 15», где папа был командиром. Уже предвкушала, как буду

отдыхать, купаться, кататься на лодке, ходить в лес за ягодами и грибами, читать книги, общаться с подружками.

Но утром 22 июня по радио объявили, что началась война, с тревогой слушали радио, речь В.М. Молотова, и поняли, что кончилось мирное время, хотя и не представляла, что война продлится так долго и враг дойдет до Волги.

Мы с подружкой побежали в школу, там уже стояла стайка ребят и учителя. Мы записались в кружок по изучению винтовки образца 1891 года, разбирали, собирали, помню, что очень трудно нам давался затвор: сил не хватало. Но вскоре мама меня увезла на земмашину, потому что там стало не хватать рабочих. Мне 12 лет, брату Володе 10 лет. Не знаю, был ли это приказ начальства, определить на работу на судах детей речников, но нас на работу взяли, поставили кормщиками, поскольку нам ничего не надо было объяснять, где становой, попеленажный якорь, как работают лебедки, в чем состоит работа кормщика. Кроме того, мы уже все умели плавать и управляться с лодками. Нам не надо было объяснять, что такое «шпиленок», «кнехты», «аншпуга» и пр.

Я зимой 1941-1942 года без отрыва от школы закончила курсы техников и летом стала работать техником, но оформлена была учеником техника, поскольку мне было 13 лет (трудовую книжку не заводили как несовершеннолетней).

Вспоминая войну, думаю, что кормили нас лес, река и земля-матушка. Кроме грибов и ягод, ели разные травы: луговой чеснок, щавель, пиканы, горькую редьку. Думаю, что если сложить траву, съеденную нами за четыре года, будет, наверное, стог сена. Деликатесом считались кружочки картофеля, посыпанные солью и испеченные на плите. На пароходе и землемашинах был колпит (коллективное питание), готовили обед и ужин. Зимой давали талоны на питание в столовой. Каждый приходил со своей посудинной и ложкой. Выстраивалась длинная очередь. Стоишь в такой очереди и думаешь, что лучше: быть в начале очереди или в конце. В начале – можешь получить одну мутную водичку, но это же может быть и в конце, когда вычерпают лапшу и куски картошки со дна. Кому уж как повезет. Суп этот чаще не хлебали, а пили через край, а потом остатки со дна доедали. Естественно, что без хлеба. Он был или съеден, или оставлен на ужин.

Не скажу, что мы голодали, что-то ели каждый день, но чувство голода было постоянным все четыре года. А моя крестная так еще умудрялась нас порадовать крендельками, которые она готовила так: мыла мочалкой картофель, который предназначался для супа, очистки сушила в печке, толкла в ступке, добавляла крахмал

или яичко (у нее были куры), делала тесто и пекла крендельки. Когда потом приходилось беседовать с учащимися о войне, я предлагала им постряпать такие кренделечки, чтобы узнать, чем мы лакомились. «А хлеб был в то время на хлеб не похожий: тяжелый, как глина, овсины торчат, нам, детям, он был всяких лакомств дороже».

Не было мыла. Варили его сами. Не помню рецепта, но был в нем антидепин, порошок, раствором которого чистили в котлах трубы. Прихожу однажды из школы, голодная, жуть! Гляжу: на столе, в блюде, куски мяса, аккуратненькие такие кубики. Сбросила пальто, вымыла быстро руки – и хватать кусок этого вареного мяса в рот. Господи! Ничего не могу понять, во рту страшно щиплет, «дерет», изо рта ползет пена. Кока (крестная) была где-то на улице, я в доме одна, боль невыносимая. Догадалась смыть водой из умывальника, со щек внутри сошла кожа, пена идет с кровью. Три дня ничего в рот не брала, почти не говорила, обожгла рот. Ладно, что не проглотила мыло, а то бы отравилась.

Летом 1941 года появились первые эвакуированные. В избушку-временку к нам поселили еврейскую семью из трех человек. Молодая женщина с сыном моего возраста спали на кровати, а старушка – на печке. Не знаю, как она, женщина высокая и худая, помещалась там. Когда все уходили, кто на работу, кто в школу, крестная моя говорила: «Иди, позови Сарру, пусть поспит на хорошей печке».

Во время войны был создан фонд обороны. Работающие отчисляли в него какой-то процент из зарплаты, некоторые отдавали свои сбережения на танки самолеты, женщины вязали шерстяные носки и варежки, вышивали кисеты, посылали посылки на фронт. Варежки были с двумя пальчиками, чтобы удобно было стрелять. Однажды крестная принесла с чердака выделанную на память шкуру любимого их пса Фингала и сказала: «Вот и Фингалушка послужит». Сшила меховые носки и сдала в Фонд обороны.

Пароходы с Волги и низовьев Камы приходили раскрашенные серой и зеленой краской, замаскированные. Стало известно о том, что фашистские самолеты разбомбили теплоходы «Александр Невский» и «Татария». В поселке Нижняя Курья, так назывался наш поселок, появились отделения госпиталя 31-31. Они расположились в маленькой одноэтажной школе, в стационаре больницы, в домах, там, где теперь санаторий «Светлана», «Орленок», «Теремок» и др. Мы учились в двухэтажной школе, построенной в 1938-1939 годах, в две смены. Вскоре появилась

и третья смена: в сороковую дачу поселили ребят из Ленинграда, учащихся хореографического училища при театре им. Кирова (Мариинский театр), эвакуированном из блокадного Ленинграда. Мы с этими ребятами подружились. Однажды оставили в партах записки: «Кто сидит за нашей партией в III смену?» и подписались. На другой день «балетники» (так мы их называли) пришли раньше обычного. Как они были рады, обнимали и целовали нас. (Для нас это было непривычно, недаром об уральцах говорили как о суровых людях). Но дружба началась и продолжалась долго и после окончания войны. А когда мы навещали ребят в дачах, непременно приносили им гостинцы: картошку, морковки, рябину и уральские шаньги.

Так шли военные годы. И вот радио стало приносить хорошие вести. Зимой 1942 года началось наступление наших войск под Москвой, освободили Волокلامск, Ельню и другие города, а деревень и не счесть. И теперь день в нашем классе начинался по-другому. Наш Тимур заходил в класс, громко приветствовал всех, а потом все бежали к карте, ставили красные флажки на месте занятых городов, все радостно кричали: «Тихвин наш!», «Волхов наш!» Незабываемые дни!

1943 год. Мы уже старшие пионеры, и нам дают более важные, почти фронтовые задания: началось строительство новой дороги на станцию: с комбината «К» (завода им. Кирова) надо возить военную продукцию. Дорогу делали деревянную: торцами ставили плотно друг к другу деревянные чурбаки. Потому и называли дорогу торцовкой. А канаву копали жители: дети и взрослые. Так работали юные тимуровцы, и всюду их сопровождал Марш тимуровцев.

В 1943 году в клубе Ворошилова (он был в бараке на месте Дворца культуры им. Кирова в Кировском районе) проходил слет тимуровских отрядов. Впервые мы услышали отрывок из поэмы М. Алигер «Зоя», читала ее секретарь районного комитета комсомола. Наш класс занял первое место по району среди всех тимуровских команд: мы обслужили за неделю более 200 семей фронтовиков и подготовили к слету стихотворный отчет. Стихи написала директор школы Кольфгауз Татьяна Петровна.

Но главным и почетным делом было посещение госпиталей. Каждая тимуровская команда шефствовала над палатой госпиталя, куда мы ходили поочередно.

Представьте себе двух девочек – шестиклашек, худеньких, бледненьких, затянутых в белые халаты, такие белые коконы с косичками. Приходим в палату с книжками для чтения, слушают

в полной тишине, а потом начинается беседа: «Как зовут?», «Кто родители?», «Какой это город?», «Какая у вас река?», «Как учитесь?» Потом просят написать письмо родным. Приходят из других палат, отказать никому нельзя. И вот мы идем по коридору, за нами все, кто могут ходить, слушают наше чтение. Был в одной палате раненый учитель математики. Он просил: «Девочки, принесите патефон с пластинками, я вам все задачки в учебнике решу». К сожалению, ни у кого в классе патефона не было. Раненые всегда нас ждали: это была связь с мирной жизнью, а мы им напоминали их детей.

Любили мы и концерты в госпиталях, в эти годы мы все стали артистами, пели, танцевали, читали стихи. Тогда и проявился талант будущего артиста Игоря Дмитриева, который учился в старшем классе школы № 1. Особенно раненые любили акробатическую группу под руководством Гены Костина, бурно аплодировали, стуча загипсованными руками и ногами. После войны Игорь Дмитриев не раз приезжал в Нижнюю Курью, где оставались его друзья военного времени и заслуженный учитель В. В. Молодцов, о котором Игорь всегда вспоминал тепло и вел с ним переписку.

Но иногда бывало, что концерт срывался, потому что привезли партию раненых, а места в госпиталях не готовы, кровати на улице в снегу. Не говоря ни слова, носим кровати, очищаем от снега, моем, заправляем. Гордимся: это прямая забота о раненых.

На всех устах было одно слово «Победа!» Никто не оставался дома, все вышли на улицу, даже старенькие бабушки сидели у заборов на своих табуретках: общей была беда, общей была и радость. Конечно, она была «со слезами на глазах». Только из нашего поселка не пришли домой 111 человек, среди них братья Стуковы, братья Жаровы, братья Чудиновы, учитель физики школы №1 Стригин Михаил Александрович, любимец школы №1, умница, отличник, активист Коля Махов, который погиб незадолго до конца войны в Венгрии. Учитель его В. В. Молодцов, будучи в армии, нашел могилу Коли и привез его матери Е. Н. Маковой горсть земли.

Закончилась страшная война, а впереди у оставшихся в живых была еще целая жизнь. У проходной завода памяти Дзержинского стоит памятник погибшим. В скорбном списке 111 человек.

Часть 2. Семейные истории

Азанов Артем

1 класс МОУ «СОШ» № 22 г. Перми

Моя семья в годы войны.

Мои бабушка с дедушкой в годы Великой Отечественной войны жили в деревне. В боевых действиях они не участвовали, но помогали тем, кто выращивала для фронта хлеб. Пригодилось им очень тяжело, было голодно, так как почти весь урожай отправлялся на фронт. Работали до тех пор, пока светило солнце, а им было тогда по 15 лет.

Старшей сестре дедушки, когда началась война было 18 лет. Ее отправили на залоговую лес. Мужчины не хватало, поэтому такую тяжелую работу приходилось выполнять женщинам и молодым девушкам. Огорчили их одной работой, хлеба не было. Поработав на лесозалоговой, она с двумя своими подругами выехала на воштеля грузовой машины. Им выдали автомобиль и железом отправили на фронт. Но скоро весь эшелон с техникой разбавили немцы, так им и не пришлось поехать на автомобиле. Всю войну они прошли в качестве мед. сестер. Сейчас она живет в Санкт-Петербурге.

А еще у меня есть прадедушка, который в годы войны прослужил на поезде, он доставлял на фронт продукты, бакинские, опеледу, отвозил с фронта раненных. Его поезд несколько раз бомбили. У него много наград. После войны он возвратился домой в Пермь через Москву. Сейчас он живет в

а мои прабабушки. Они поженились и
приехали в Керчь, где и остались жить и
живут до сих пор. ^{Я их часто} навещаю.

Арбузова Елена Евгеньевна

студентка II курса лечебного факультета

ГОУ ВПО ПГМА им. Е.А.Вагнера Росздрава

Нередко, когда я ходила в школу, я думала, что этими же улицами давным-давно ходила моя бабушка, училась в этих же классах, отвечала у доски. Оказывается, гимназия № 17 – это часть истории нашей семьи, ее прошлое и настоящее.

Мои прабабушка Анна Михайловна и прадедушка Афанасий Якимович Зуевы были из крестьян. Анна рано осталась без отца. В семье шесть братьев да две сестры, а Анна – младшая. Жили бедно. Но Анна выросла уж больно хороша: здоровая, крепкая, белая, ясноглазая, веселая-веселая, все бы пела да хохотала. Женихи шли свататься один за другим, но бедность семьи их не устраивала. Женились на богатых. А Анна уже «перестарок» – двадцать лет!

В очередной раз явились сваты с женихом. Высокий, черноглазый, чернявый, красивый. «Пойдешь?» – «Пойду». Все как-то просто, без красок, без переживаний и ухаживаний.

Увез Афанасий свою Анну к себе, в другую деревню, в Зуево. Смотрит она – бедность хуже прежней. Много им пришлось пережить, и первая мировая война, и революция 1917 года, и гражданская. Афанасий то на фронте, то с колчаковцами воюет. А когда наступил мир, жили дружно, любили друг друга, растили детей и в строгости, и ласке. Анна – умная, рассудительная, мягкая, начитанная (хотя грамоте выучилась лишь в 40 лет, когда в стране проходил ликбез, а в семье родилась самая младшая дочка). Афанасий – революционный романтик, мечтавший о равенстве и братстве, борец за светлые идеалы, в семье – горячий и строгий.

Детей у них было восемь. Маленький Сашенька умер от черной оспы в два года. Остальные выросли, встали на ноги. До революции родились Александра (1911), Павел (1913), Петр (1916), в 1918 году – Александр. Но взбаламутил революционный угар молодые головы, мечталось о новом мире.

1920 год. Июль. На реке цветут лилии. Родилась вторая дочь, окрестили Ольгой. «Не звать Ольгой, звать Лилией!» – повелел отец.

Январь 1922 года, голод, мороз. Рождается третья дочь. В половичках на санях привезла ее Анна из Перми в деревню, думала, не довезет. Приехал из командировки отец. «Окрестили?»

Татьяной назвали? Кто позволил?!» Пошел в сельсовет, записал «Мелисса». Летом на сенокосе пробовал траву, душистую, но горькую. Название понравилось, да и год голодный, горький был, как та трава. Тогда и решил дочь Мелиссой назвать. Так появилась Татьяна-Мелисса.

1924 год – семь лет Октябрьской революции. В семье снова ждут ребенка. Рождается сын. Отец дает имя Зиебен, что по-немецки «sieben» означает семь. Дань Марксу и Энгельсу – основателям научного коммунизма. Лишь будучи взрослым человеком, Зиебен выбрал себе более благозвучное имя – Анатолий.

1930 год. Анне уже 40. Рождается на заре дочка, в честь утренней звезды – Венера. Всеми любимая, нежная, ребенком пережившая войну, рано ушедшая.

Все дети Афанасия и Анны выросли умными, достойными людьми, за что Анна Михайловна была награждена «Медалью Материнства». Александра работала на заводе им. Ф.Э. Дзержинского бухгалтером. Имела благодарность правительства за безупречную работу по выполнению фронтового заказа. Павел, офицер-танкист, закончил Академию бронетанковых войск. Заместитель командира дивизии по технической части. Погиб в 1943 году под Нижним Новгородом (Горьким), перегоняя колонну танков на фронт. Петр, боевой офицер-артиллерист, участник боев под Москвой, на Немане, кавалер орденов Отечественной войны и Красной Звезды. Лилия, инженер-конструктор на заводе им. Ф.Э. Дзержинского, имела несколько патентов на изобретение. Она моя бабушка. Татьяна – учитель истории, завуч школы № 17. Анатолий – заместитель директора завода им. Ф.Э. Дзержинского. Венера – инженер-технолог на заводе им. Я.М. Свердлова.

Все имели правительственные награды.

В свое время Лилия, Татьяна, Анатолий учились в школе № 17, так как семья жила рядом, на улице Коммунистическая, 27. А позже Татьяна Афанасьевна более 15 лет проработала в ней.

Татьяна Афанасьевна Зуева – моя двоюродная бабушка. Закончив школу, Татьяна поступила в педагогический институт на исторический факультет. Параллельно училась на курсах медсестер. Прочилась год – началась Великая Отечественная война. Всю войну работала медсестрой в эвакогоспитале, сначала в Перми, а в конце войны в Белоруссии в городе Мозырь. Дни и ночи рядом с ранеными, всегда готовая помочь, облегчить страдания, слово доброе сказать. Однажды осенью провожала она на поезд для продолжения лечения раненого корреспондента. Поездов

не было. Холод, дождь, ночь, укрыться негде. Газеты, в которые был завернут продуктовый паек, давно промокли. Татьяна сняла с головы белый батистовый платок и завязала продукты в узелок, так удобнее. Вскоре в газете «Звезда» от 11 ноября 1941 года появилась заметка с благодарностью от раненого корреспондента Мандругина. Он писал о госпитале, о врачах, медсестрах и о Тане, о ее платочке. На следующий день бойцы в палатах встретили Татьяну песней «Синий платочек».

После войны Татьяна Афанасьевна работает, продолжает учебу в пединституте, воспитывает дочь Олю. Очень трудно, бедно и голодно. Поддержки нет. Афанасий Якимович добровольцем с ополчением в июле 1941 года ушел на фронт. Воевал под Ленинградом, был политруком в роте. Долгое время судьба его была неизвестна – пропал без вести. Лишь в 1990-е годы на запрос Татьяны Афанасьевны из военного архива пришел ответ, что Зуев А.Я. был госпитализирован с ленинградского фронта в эвакогоспиталь 22 февраля 1942 года, а 23 февраля скончался от истощения и похоронен на Пискаревском кладбище в Ленинграде. Последний кусок хлеба он отдавал «сынкам» – молодым солдатам.

Итак, надо было жить, растить детей, восстанавливать страну. Татьяна Афанасьевна учила детей истории и жизни. Она очень любила свою работу. Была инспектором районо. Более 15 лет проработала в школе № 17 завучем. Удивительно хорошо пела в хоре при Доме учителя. Ей всегда были присущи высокая ответственность за дело и неугасаемое чувство юмора. Многие поколения выпускников добром вспоминают Татьяну Афанасьевну, ее уроки, походы, песни. Ее дочь Оля тоже закончила школу № 17.

Я люблю, когда Татьяна Афанасьевна за семейным столом рассказывает о моей родне. У нее это получается интересно и весело. Меня восхищает светлость ее ума и прекрасная память, а ведь ей уже за 80. Она по-прежнему красиво поет и помнит слова всех песен.

Я счастлива, что у меня большая хорошая родня.

Бояршинова (Замятина) Елена Николаевна

судья арбитражного суда Пермского края в отставке

Внучка двух священников. Дед, по линии мамы – Мальгин Иван Иванович, был арестован, осужден по ст. 58 УК РСФСР за то, что в своих проповедях поминал убитую царскую семью, и в 1937 году расстрелян в Иркутской области. Могила его неизвестна.

Его дочь, моя мама – Мальгина Ксения Ивановна (в замужестве Замятина) ввиду своего социального происхождения (как член семьи репрессированного) не смогла получить никакого образования. Однако будучи от природы очень грамотной, около 25 лет проработала копировщицей, а затем машинисткой (печатала на пишущей машинке) на заводе им. С. Орджоникидзе. Во время Великой Отечественной войны – это завод № 90 на железнодорожной станции «Кислотный».

Мама рассказывала, что во время войны в Перми стояли страшные морозы – под 40°C. Поезда в такие дни ходили очень медленно, и чтобы не опоздать на работу часто приходилось ходить пешком по шпалам впереди поезда. А это расстояние немалое: сегодня это железнодорожные станции – «Мотовилиха», «Язовая», «Промкомбинат», «Балмашная», «Кислотный».

В нашем семейном архиве сохранился документ, из которого видно, что военные годы были не только холодные, но и очень голодные. Поданное мамой директору завода заявление от 20.05.1944 года. В нем она убедительно просит дать ей возможность перейти на другую работу, так как на карточку служащего питаться с самого начала войны один раз в день невозможно, семян для огорода не имеется, а силы ее на исходе. В переводе на другую работу маме было отказано. Согласно

«личной книжке донора», мама неоднократно сдавала кровь в 1943 году – и это несмотря на то, что питаться приходилось раз в день. К тому же, продуктами, получаемыми по карточке, она делилась со своей мамой – Мальгиной Федосией Ивановной, моей бабушкой, которая находилась на ее иждивении. В 1943 году бабушка от голода умерла. Мама вспоминала, что по возвращении с кладбища обнаружили: оконные стекла в доме выбиты, а приготовленный с большим трудом кисель украден. Больше помянуть нечем.

По окончании войны, в день Победы 9 мая 1945 года, маме объявили благодарность за самоотверженный труд на производстве в период Великой Отечественной войны и премировали денежной премией в размере 300 рублей.

Второй мой дед, по линии отца – Замятин Николай Михайлович – репрессий избежал, но о том, что он тоже был священником, я узнала от родственников, уже будучи взрослой. Родители этот факт от меня тщательно скрывали. Его сын, мой отец – Замятин Николай Николаевич – из-за своего социального происхождения нашел работу с трудом – «по знакомству». Его устроили кочегаром в МСЧ № 4. Впоследствии отец получил образование – окончил техникум им. Славянова, и всю свою жизнь (более 40 лет) трудился на заводе им. В.И. Ленина (в настоящее время ОАО «Мотовилихинские заводы») в должности инженера-технолога. Он рассказывал, что во время войны, выполняя военный заказ, работали сутками, не уходя домой, спали на заводе. Однажды отец исполнял обязанности диспетчера и не уходил домой 12 суток. После того, как товарищи по работе заметили, что он «заговаривается», его вынуждены были отправить отдыхать.

За свой труд отец был награжден медалями.

Очень жалею, что мало расспрашивала родителей о нелегких годах их жизни, а сами они об этом почти не рассказывали. Видимо, вспоминать об этом им было тяжело.

Вахошкина Екатерина Владимировна

музыкальный руководитель детского сада

Одним прекрасным летним вечером 2006 года Бог свел меня с одной замечательной женщиной, ветераном Великой отечественной войны. Я проводила ее домой. Меня очень заинтересовала история ее жизни. Всю жизнь проработала на заводе им. В.И. Ленина,

сейчас на пенсии, живет одна. Ее часто навещает младшая дочь Валентина. Общась с Анной Петровной, я учусь у нее радости, терпению, спокойствию, любви и всепрощению. Всякий раз, придя к ней, вижу перемены, перестановки, и она начинает свой рассказ, как прибиралась: то часы перевесит, то полы вымоет, да ковры настелет, все перестирает. И при этом всегда повторяет «Скорее, скорее!» Чистота и порядок всегда и везде! Часто рассказывает истории из молодости: какая была плясунья да певунья. Я думала, может, и неправда. В очередной раз сидели мы, я запела знакомую ей песню, она подхватила, да в пляс пустилась.

Рассказывала, как с мамой шли по улице и на окошке увидели красивую занавеску. Запомнили рисунок, а дома связали такую же. Вот она у меня в руках. Очень красивая! Интересная черта есть у Анны Петровны, по отношению к любой вещи – чтобы не пропало! Из разных бусинок, фантиков, пуговиц, тряпочек и даже шкурок апельсина, косточек фруктов она изготавливает поделки. А на окне необычный сад: конечно же, комнатные цветы, зеленый лук, картошка, помидоры, лимон, апельсин, айва, мандарины, яблоки, виноград. И все это в свои 89 лет! Приходите, сами увидите.

28 марта 2010 года я записала воспоминания этой чудесной женщины о Великой отечественной войне.

«Замуж я вышла в сороковом (1940) году за Чеснокова Константина Павловича. Утром 22 июня 1941 года муж дал 60 рублей денег, ушел на работу, а мы со свекровкой, золовкой Надей (и у ней двое детей) поехали на Куйбышева на базар. А там всякие карусели, я на самолете каталась. Сначала все сфотографировались. Купили себе обновки: косынки красные и прорезиновки (как тапки резиновые, сейчас их не продают).

Пошли мы домой по Куйбышевой. Народ стоит у магазинов, мы не подошли – у нас денег нет. Пошли мы на трамвай. На Куйбышевой сели, вышли на остановке Гараж. Жили на тридцатых. Это бараки: пятнадцатые (Коноваловские пашни, ныне микрорайон Юбилейный), тридцатые (это далеко еще к речке, лес там был). Мы шли через пятнадцатые на тридцатые в шестидесятый барак. Это семейный барак был. Наша комната 12 метров отапливалась

дровами. Воду носили коромыслом далеко. Стены – доски, заклеены с той и с нашей стороны газетой. На полу – доски. А мебель одна кровать и стол. Остальные спали на полу и на полатях. Стульев тогда не было, скамейки были. Печка была. Сами ткали материал для одеял. Все было тканое: платья, пальтишки всякие. Занавесок не было, скатертей тоже. У нас мама-то в деревне жила, да и я. Курицы были (из куриного пера делали подушки). Подушку мама мне из деревни привезла.

Пришли мы. В барак зашли. Подошли к комнате, стучим в двери. Деверь Леня, он спал, пришел из ночи (с ночной смены, работал сварщиком на заводе им. Ленина). Мы стучим. Он спит крепко. А соседка Маша, татарочка, нащипала лучинки от полена и тыкала в стену в дырки между досками. Ему (Лене) спину задела. Он тогда соскочил, открыл двери. А тут сразу заговорило радио: «Война началась!» (закрыла лицо руками, изменилась в голосе и лице). И весь народ из комнат вышел. Все плачут. Мужья на работе, не выходя, больше недели, день и ночь там. Работа, работа, день и ночь, не выходя с завода. Женщины по 11 часов работали.

Я на кране работала, 40-тонный кран. Пушки разбирали-собирали. Далеко от завода на машине увозили пушку и проверяли ее. На машине привезут, а я на ручном кране ставлю на какие-то подставки. Мужики зарядят, и все убегают. Мне сказали: «Скорей уши ватой закрывай и бегом за четыре стены деревянных

в помещение». Включат пушку и выстрел за Каму «Бах!» Там за рекой только лес был.

Однажды я пришла во вторую смену, эта пушка взорвалась. На горынской проходной, на деревне Горки у многих стекла выбило. А так ни на кого не повлиял этот взрыв.

Другой раз я на обед не пошла. В кабине на кране слева висит трансформатор, дверка (в кабине) слева. А справа три контроллера (рычаги для управления краном). И я, значит, в уголок навалилась: «Буду спать». Заснула. Хорошо, что закрыта дверка была. А то навалилась бы на дверь и... а ведь высоко. А другой раз я наваливалась на контроллер и так спала.

Муж работал электросварщиком. День и ночь работал, не выходя. Им (мужчинам) давали по килограмму хлеба, а нам женщинам по 700 грамм. Пенсионерам – 400 грамм. Обед был – всем горошницу варили. После работы, когда отстоит смену, на пекарню ходил (муж). Он там тоже работал. Ему хлеба давали буханку, чтобы только не выносил. А он буханку разрежет, к ногам под штаны привяжет и принесет домой нам.

Парни молодые сидят на перерыве. Я зашла, они на меня смотрят:

– Ты кто?

– Жена.

– Да только что жена приходила, пельмени приносила! – пошутил один из них.

– Хорошо, слава Богу, подкармливают. Все ведь голодные, на пайке сидят.

У нас была дочь 1941 года – Рубцова Людмила Константиновна. Во время войны нас «не записали», у меня паспорта не было. Только после войны записали. Она (Людмила) с нами еще маленькая в бараке жила. Сколько-то с ней посидела, потом в кошевенках возила в ясли совсем маленькую. Ясли седьмые в Рабочем поселке. В ясли возила до трех лет, а потом в садик. Садик был тоже в Рабочем. Утром еще радио не говорило (начало радиовещания с 6 часов), а уже выходила на работу. Ее (дочь) в чем есть кладу в кроватку и на работу. В садик также: приведешь, оставишь, а вечером заберешь в семь часов.

А домой придешь, все скорее: разденешь дочь, надо готовить кушать, печь топить. Картошка была в голбце. Капусту солили сами, дрова заготовливали в лесу.

В 1945-м родился Рубцов Юрий Константинович. Я сразу ушла в декрет надолго, а с Людой я мало была. Юру в ясли не водила, сразу в садик, и на работу. Его долго не принимали в садик, не было мест.

У меня такой случай был. Галина и Рая, мои сестры, были у нас в гостях. Я в деревню уехала. А они дома остались. Я с мамой из деревни поздно ночью приехала, на поезде. Мы подошли к дверям. Стучимся. Константин (муж) спрашивает: «Кто?» Я сказала: «Милиция». Он сразу к девкам (моим сестрам, Галине и Рае): «Девки, милиция!» Они под кровать. Открыл дверь. А там я с мамой.

Тогда было такое – облава. Если кто-то есть посторонний, забирали в тюрьму его. Еще чтобы света не было (ночью). У кого

свет горит, заходили, забирали людей. Если свет горит, значит, кто-то посторонний.

Мы все были в заводе. А перед этим были дни, нам давали маски – полностью голова закрыта была (противогаз). Одевали все, а потом маршировали по цеху во время обеда. И снова на свои рабочие места. Давали звонки на обед, после обеда. С утра гудки начали в цехе. Радио сказало: «Кончилась война!» Старшие: «Собирайтесь все в одно место. Скажут – пойдём на демонстрацию». Все цеха маршировали – выходили из завода и шли в гору в Рабочем поселке. А тут на углу висели часы на доме каменном. Мы подошли. На машине солдаты пляшут, поют. Постояли мы, поплакали и пошли по домам рады радешеньки.

Что еще надо: пить, есть, спать, гулять по квартире – все есть. Штаны есть теплые. что еще надо? Только спокой.

Желаю молодежи, чтобы мирно, светло, чисто, уютно, чтобы жить красиво. Самое главное – уют и здоровье. По радио часто говорят: «надо только умно жить». Счастья. Всего хорошего. Здоровья, еще раз здоровья».

Жукова Злата

5 класс МОУ «Гимназия № 8» г. Перми

Четыре долгих года военного лихолетья общей целью и главным смыслом жизни нашей огромной страны была Победа. О Победе над захватчиками мечтали все: и труженики тыла, также как и фронтовики, несли на своих плечах тяжелейшую ношу, тысячи дел и забот. Герой Великой отечественной войны маршал Г. Жуков считал: «Тыл – это половина победы, даже больше». От того, как и чем жил тыл, во многом зависела Победа.

«Урал – опорный край державы» – это не просто поэтическая метафора. В годы войны жители нашего города (тогда Пермь назывался Молотов) и нашего родного Закамска внесли огромный вклад в дело победы над врагом. Прикамцы варили сталь, изготавливали порох, лысьвенские каски, Мотовилиха выпускала знаменитые сорокапятки – 78-миллиметровые орудия, завод им. Сталина выпустил более 30 тысяч моторов для авиации, судозавод «Кама» делал бронекатера, завод Дзержинского и другие предприятия – снаряды и оружие.

Важно, что огромная и неоценимая роль в Победе над фашистскими захватчиками принадлежала женщинам. Женщины-

домохозяйки, молодые девушки и подростки пришли на рабочие места своих отцов, мужей, братьев и сыновей в разные отрасли промышленности. На протяжении всей войны женщины составляли более 65% всех работающих на заводах. На всех тяжелых участках: в мартеновских цехах, угольных шахтах и металлообрабатывающих заводах дочери, жены, сестры и матери не только заменили мужчин, ушедших на фронт, но и ежедневно добивались высоких показателей и перевыполняли сменные нормы.

Моя прабабушка Овчинникова Людмила Николаевна приехала жить в наш город также во время войны. Из деревни Павлово Ординского района

Пермской области. Тогда в 1942 году по указу правительства страны «О мобилизации на период военного времени трудоспособного населения...» из деревень в город привезли большую группу девушек учиться в ФЗО. Так называлось тогда фабрично-заводское обучение, то есть обучение трудовой специальности прямо на заводе. Потом все девушки стали работать на Пермском заводе им. С.М.Кирова и помогать фронту. Они выпускали опасный и абсолютно необходимый продукт – порох. Прабабушке Люсе не было тогда еще шестнадцати лет...

Моя прабабушка, я называла ее бабушкой, умерла 30 сентября 2006 года, в свой день рождения. Последний год она сильно болела и почти не выходила из дома. Я училась в 1 классе и вроде бы была еще маленькая, но я очень хорошо ее помню и люблю.

Прабабушка Люся жила вместе с нами. Она очень много рассказывала мне о нашей семье, о своей жизни, о дедушке, о родных местах...

Девушки, которые учились вместе с бабушкой в ФЗО и работали вместе в цехе № 7, были очень дружны и пронесли эту дружбу через всю жизнь. У нас дома есть много их коллективных

фотографий разного времени – в молодости и позже.

На этой фотографии бабушка на встрече ветеранов труда в зимнем саду Дворца культуры им. Кирова.

Бабушкиной рукой подписано: «Фотографировались 12 сентября 1991 года. Все, которые работали при пуске цеха № 7». И приведены фамилии ее подруг.

Я помню, как приходили бабушкины подружки к нам в гости пить чай. И вспоминали о своей боевой, в прямом смысле слова, юности и молодости.

Прабабушка рассказывала мне, как они, молоденькие девушки, работали по 12-14 часов в сутки, поднимали огромные тяжести и тяжелые детали, стояли у станков в холод и жару. Вспоминала, как в обед их кормили жидкой болтушкой, в нее наливали 5 грамм постного масла и добавляли зеленую пареную капусту. В последние месяцы войны стали давать дополнительные и усиленные обеды, с хлебом по 200 грамм тем, у кого в смене красный флажок на рабочем месте, что значило, нет нарушений трудовой дисциплины.

Благодаря труду таких девушек и всех их сотрудников объем выпуска продукции пермского завода им. Кирова вовремя войны увеличился в 43 раза! За время войны наш завод выпустил 2/3 общего числа изготовленных зарядов и этим приблизил День победы.

Подвиг работников завода – тружеников тыла – во время войны высоко оценен нашим народом и государством. За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны завод был награжден в апреле 1945 года орденом Красного Знамени.

В то время завод им. Кирова еще только строился, вместе с ним строился и наш район. Помимо работы на заводе, девушкам приходилось еще и работать на стройках.

В нашем домашнем архиве есть старые фотографии, на которых видно, каким был район в то время, сплошной лес!

Бабушка работала аппаратчиком в цехе № 7 на производстве пороха. Многие женщины работали слесарями, сварщиками. С первых же дней войны вводились обязательные сверхурочные работы, рабочий день для взрослых увеличивался до 11 часов (для подростков до 16 лет – 10 часов) при шестидневной рабочей неделе, отпуска отменялись. В период установки эвакуированного оборудования дело доходило до того, что рабочий день был неограниченной продолжительности. Работали без отдыха, руки в мозолях, рукавиц не хватало на срок. Ботинки – на деревянной

подошве, 40-42 размер, подошва не гнулась, падали. Спецовка худая – давали мешки, сами шили из них брюки.

Труд в тылу был сравним с подвигом на полях сражений! В суровые военные годы работники тыла проявили поразительное мужество, величие духа и несгибаемость, преданность, верность и любовь к Отчизне.

Их гражданский подвиг, безмерное терпение и самопожертвование помогли выстоять и победить!

Мой прапрадед Иван Николаевич и его старший сын, мой прадед Павел Иванович Маланичевы также работали на строительстве завода им. Кирова. Но в 1943 году, когда началась Великая Отечественная война, мой прадед Павел Иванович ушел с завода на фронт защищать Родину. Он был еще совсем молодым человеком, ему было всего 18 лет!

На фронте он был связистом, был ранен в бою около Варшавы, но дошел до Берлина. Мой прадед был настоящим героем и у него было очень много благодарностей за участие в

боях: освобождение Варшавы, Праги, Берлина; много медалей и два ордена Красной Звезды.

После войны, когда мой прадед Павел Иванович Маланичев вернулся с фронта, он познакомился с прабабушкой.

И в 1948 году у них родилась их первая дочь – моя бабушка Маланичева Любовь Павловна.

Прабабушка Людмила Николаевна проработала на заводе с 1942 по 1972 год, 30 лет! Она была очень энергичным, ответственным человеком и хорошим работником. Больше 10 лет бабушка была мастером смены, ударником

коммунистического труда. У нее, как и у прадеда Павла, много благодарностей за хорошую работу на заводе, мы храним их в нашем семейном архиве.

Прабабушка Люся была награждена орденом «Знак Почета», медалями.

Бабушка всегда была очень активным человеком, растила троих детей, участвовала в общественной жизни нашего района и города, бывала на всех мероприятиях. Моя мама говорит, что в этом бабушка всегда была примером для всех членов моей семьи. Например, когда в 1985 году рядом с Дворцом культуры был сооружен мемориал «Тыл фронту», бабушка была приглашена на открытие мемориала, как непосредственный участник событий – труженик тыла – и с удовольствием принимала участие в этом празднике.

Сейчас к этому мемориалу мы приходим с одноклассниками каждый год в праздник Победы 9 мая и возлагаем цветы в память о погибших героях. В этот день я всегда вспоминаю своего прадедушку Павла Ивановича Маланичева, хотя не видела его, и, конечно, свою прабабушку.

Всю жизнь бабушка очень любила праздник Победы. Мама рассказывала, что когда был жив прадед Павел, они отмечали этот день, как самый счастливый в своей жизни, всегда ходили на парад и встречались с товарищами.

А как радовалась бабушка, когда в 2005 году ей прислал поздравление с юбилейным Днем Победы Президент Российской Федерации В.В.Путин. Это поздравление мы с мамой также храним в семейном архиве.

Прабабушка Людмила Николаевна, ее подруги и все работники тыла, безусловно, являлись участниками тех успешных боев, которые вела наша армия во время Великой отечественной войны по уничтожению фашистских захватчиков. В чрезвычайно трудных условиях они работали с полным сознанием важности выполняемого долга перед армией, перед народом, перед Родиной, проявляли стойкость и мужество. Это они в годы тяжелейших испытаний, выпавших на долю народа, не щадя себя, не зная отдыха и сна, ковали Победу в тылу, крепили могущество нашей Родины.

В том, что уже 65 лет над нашей Родиной мирное небо, есть и их неоценимый вклад!

Идиятуллина Елизавета

1 класс МОУ «СОШ» № 22 г. Перми

Мои дедушка и бабушка воевали в Великой Отечественной Войне. Они были призваны в 1941 году. Но на фронт бабушка и дедушка попали только в 1942 году под Москву. Бабушка на войне была командиром расчета прожектористов. А дедушка сначала был командиром пулеметного взвода, потом командиром батальона. Получив две контузии и ранение, попал в госпиталь. Так как воевать он не мог, его отправили учиться в авиационное военное училище по авиамеханике. Дедушка проводил осмотр и расчетов перед полетами. А в это время бабушка была санитаром санитаров и мамой в колхозных землянках. Бабушка участвовала в шествии победы 9 мая 1945 года. Дедом бабушка и дедушка вернулись в 46 году.

Кваскова Анна

1 класс МОУ «СОШ» № 22 г. Перми

Мои Прабабушка и Прадедушка воевали вместе

Мой прадедушка майор Квасков Николай Иванович, 1913 года рождения, прошёл Великую Отечественную войну с первого до последнего дня. Моя прабабушка капитан медицинской службы Потехина Нина Семёновна 1919 года рождения. С ноября 1942 года, после окончания медицинского института была врачом полка. Они встретились на фронте, и в 1943 году поженились. Прожили вместе 54 года. Николай Иванович в начале войны воевал на Ленинградском фронте, где был ранен, был награжден медалью за оборону Ленинграда. С 1942 года они вместе воевали на Калининском и Брянском фронте. При форсировании Днепра у города Могилёва Николай Иванович одним из первых ступил на другой берег Днепра, за этот подвиг он получил Орден Красной Звезды. Вместе со своим полком Николай Иванович и Нина Семёновна освобождали Польшу, Николай Иванович прошёл всю Германию, где у города Виттенберга его полк соединился с английскими войсками. За время Великой отечественной войны Николай Иванович был награждён тремя орденами Отечественной войны, двумя орденами красной звезды, двенадцатью медалями, имел 5 благодарностей от верховного главнокомандующего. Нина Семёновна была награждена орденом Отечественной войны, медалью за отвагу и ещё несколькими медалями. В 1947 году их полк из Германии перевели в город Брест, где они впоследствии и остались. Нина Семёновна 50 лет проработала заведующей педиатрического отделения, Николай Иванович создавал и работал на трикотажной фабрике Бреста.

Крахмальникова Ирина Александровна

МОУ ДОД «Дворец детского (юношеского) творчества» г. Перми

Во время войны моя бабушка Лубина Вера Федоровна училась в училище. В то время оно называлось ФЗУ (фабрично-заводское училище). В каникулы работала в колхозе на полях, пасла коров, а зимой лошадей. Ей было очень тяжело, потому, что ей было всего 14 лет. А надо было и работать и учиться. Помогать фронту – солдатам, которые сражались за нашу Родину, защищая от фашистских захватчиков.

Продовольствия не хватало. Все, что производила моя бабушка со своими подругами в колхозе, отдавалось фронту. А рабочие порой голодали. Одежонку носили простенькую. Не досыпали, потому что работали по 14-16 часов, не зная отдыха.

Многие падали в голодные обмороки, путали день и ночь. Хлеб выдавался по талонам, по четвертинке. И был он испечен из травы, потому был зеленого цвета. А из муки хлеб пекли для фронта. Трудно им было в ту военную пору.

Лысцова Екатерина Александровна

7 класс МОУ «Гимназия №10» г. Перми

Я – Катя Лысцова. Мне тринадцать лет. Родилась я в то время, когда даже мои родители не пережили годы войны. Поэтому о том страшном военном времени я могу узнать только из книг, фильмов, рассказов моих близких, учителей.

Когда я была маленькой, то слово война я слышала в День Победы – 9 Мая. Все радовались, было много хороших песен, цветов, нарядных и празднично одетых людей. Мы ходили на кладбище к прадедушке. Я даже не представляла, что такое война, а знала только слово «победа» – это праздник и радость.

Прошли годы, и я не только знаю, что такое Великая Отечественная война, но чувствую ответственность перед теми, кто подарил мне мир и свободу, счастье моей Родине.

Мы не имеем права не знать и забыть то, что сделано нашими прадедами для нас.

Война началась 22 июня 1941 года в 4 часа утра и закончилась 9 мая 1945 года. Отечественная война унесла только в СССР более 26 миллионов жизней. Нет страшнее того времени,

Германия обманула и нарушила мирный договор о ненападении. Наша страна не готовилась к войне. Поэтому первые годы мы несли страшные потери. Немецкие войска подступили к окраинам Москвы. Три года город Ленинград был в блокаде. Ленинградцы умирали от голода и холода.

Война очень поменяла жизнь всей страны и каждого человека.

В мае я посмотрела телевизионный фильм «Катя». В нем показано, как бывшие школьники быстро повзрослели, когда началась война. Они вместе со своими родителями встали на защиту Родины. Я с героями фильма переживала то страшное военное время. Удивляло, как можно такое вынести, пережить, выстоять. Катя из озорной девчонки превратилась в стойкого, мужественного человека. Ее не сломила ни смерть близких людей, ни отчаяние. Порой я просто удивлялась, разве можно такое выдержать? С этим фильмом я многое поняла.

Теперь я с большим пониманием и уважением отношусь к рассказам моих родных о прабабушке и прадедушке. Они не только жили в годы войны, но и были ее участниками.

Мой прадедушка, Голюков Иван Васильевич, попал на фронт сразу после военного училища в 1943 году и прослужил до 1945 года. Был артиллеристом, потом офицером.

Я его никогда не видела, так как он умер до моего рождения. Но из рассказов бабушки я много знаю о нем. За сражения на фронте он получил боевые награды: медали и орден Красного Знамени. Закончил воевать уже в Германии. Прадедушке был двадцать один год, когда он пришел на фронт.

А еще у нас есть фотокарточка 1943 года, где прадед снят со своей любимой девушкой. Ведь хоть и война, молодые ребята, как и мы, хотели жить, любить, надеяться на лучшее.

Я горжусь своим прадедом. Он защитил нас от врагов, выжил при этом и продлил свой род. И после войны он был примером для своих потомков. Он, офицер в звании майора, служил в Красных казармах. Заочно учился в пединституте на математика, так как хотел после военной службы и дальше работать. У него было четверо детей. Моя бабушка – его дочь. Умер в 1959 году.

Суровые дни достались и тем, кто был в тылу. Все помогали фронту. И моя прабабушка молодой девушкой поступила работать в военный госпиталь. Она была медсестрой.

В наш город привозили раненых с фронта. И она целыми днями и ночами выхаживали их. Помогала врачам на операциях.

Много солдат умерло на ее глазах.

Я рассказала о своей семье. Но в каждой семье нашей страны прозвучало эхо войны. Наше счастье было спасено ценой страшных утрат и горя. И сейчас от нас зависит сохранение мира и самой Земли.

Макарова Алина Александровна

5 класс МОУ «СОШ № 6» г. Перми

Великая Отечественная война оставила след в истории каждой семьи. Два моих прадеда участвовали в тех событиях. Мама, папа и бабушка признаются, что прадеды о войне говорили мало, никогда не жаловались на тяжелые условия тех лет, старались реже вспоминать о том, что пришлось им пережить.

Мой прадед, Черанев Владимир Алексеевич, в тяжелые для страны годы 18-летним мальчишкой из десятого класса был призван в армию. Службу начал на Дальнем Востоке, а в 1944 году был отправлен на 1-й Прибалтийский фронт в Белоруссию, где участвовал в операции «Багратион».

Однажды прадедуська рассказал нам об одном из страшных дней войны, который ему пришлось пережить. Эшелон молодых ребят, в числе которых он находился, был доставлен на одну из белорусских станций. Прямо с поезда его вместе с несколькими солдатами и офицерами отправили на задание. Вернувшись в расположение через несколько дней, они не увидели ничего: ни станции, ни своих товарищей. На пепелище лежали изуродованные тела погибших, которых некому даже было похоронить. Вы не поверите: наша семья совершенно случайно познакомилась с одной из участниц Великой Отечественной войны, выжившей в тот кровавый день в июле 1944 года.

Моя бабушка, дочь Владимира Алексеевича, врач-терапевт, однажды пришла на вызов к больной женщине, которой было 85 лет. Старушка поведала не только о своем здоровье, но и о боевом прошлом.

Александра Ивановна была снайпером на фронте, участвовала в операции «Багратион». Рассказывала о том, что каждый день жили в ожидании смерти, но каждую минуту верили в победу. С глубокой болью вспоминала она июльское теплое утро в Белоруссии, когда они с подругой оживленно ждали эшелон с молодыми ребятами и верили: «Подойдет подкрепление, и будут они дальше гнать фашистов со своей земли!»

Вдруг появление немецких «Мессеров» перевернуло весь мир. Проливным дождем полетели бомбы, снаряды разрывались с разных сторон, не давая возможности взглянуть по сторонам и проанализировать ситуацию. Спустя какое-то время, для Александры Ивановны оно показалось вечностью, взрывы прекратились, самолеты улетели. Наступила гробовая тишина. Она смогла поднять голову и оглянуться. Александра Ивановна с ужасом увидела, что ее боевая подруга была убита. И не только она. На разрытой снарядами земле лежали убитые и раненые. Станция превратилась в распаханное поле, на котором поднимались единицы уцелевших бойцов.

К сожалению, прадедуська так и не успел узнать, что с ним в одном городе живет человек, который, так же как и он, сумел выжить во время того страшного налета немецких самолетов в Белоруссии. Мы подружались с Александрой Ивановной и верим, что эта встреча не была случайной.

Память о событиях Великой Отечественной войны и людях, ковавших победу, будут жить вечно.

Мы очень подружались с Александрой Ивановной, бываем у нее в гостях, поздравляем ее со всеми праздниками, помогаем по хозяйству.

Медведева Анжелика, Власова Анна, Мурашева Василина

10 класс МОУ «СОШ № 5» г. Чусовой

«Нет, этого нельзя забыть!» Такими словами начала свой длинный рассказ о пережитом жительница поселка Кусье-Александровский Горнозаводского района Пермского края

Богатырева Тамара Андреевна (фамилию она никогда не меняла). Сегодня Тамаре Андреевне 89 лет. Но мы увидели ее юной 16-летней девушкой.

«Родилась я в Перми, в Мотовилихе. Мать моя – учительница. Папа – сотрудник ЧК (воевал во время войны у маршала Рокоссовского адъютантом). Был членом партии, воевал всю войну. Пришел с фронта после войны, всего неделю отдохнул и – на работу.

Детей было у папы четверо: я родилась в 1921 году, брат Володя – в 1926 году, сестра – в 1928-м, брат – в 1939-м.

Я выросла без родной матери (папа увез меня из Перми в Удмуртию к своей сестре), папа женился еще раз. Братья и сестры мои родились от этого брака. Свою родную мать я не помню. Мачеха все время меня обижала, дразнила. Я очень долго не выговаривала многих звуков (вместо «ложка» говорила «вошка», «лампа» – «вампа» и др.), поэтому меня дразнили. Я обижалась, плакала.

В детстве я работала в няньках у одной семьи. Хозяин научил меня играть на балалайке. Жили мы бедно, спали все вместе на полу. Помню, было много клопов.

До сих пор жалею брата своего младшего Володю. Умер он от дизентерии. Ему приходилось подростком работать в лесу, таскать на себе сушины, пилой поперечной пилить деревья. Придет домой, рассказывает, что не может, что ему тяжело, плачет.

Помню, что в дом принесли повестку брату на фронт, а его в этот момент выносят из дома в гробу...

Ушла я из дома в 16 лет от обиды после того, как меня жестоко наказал отец. Жила на станции Люга Удмуртской АССР. Жилья не было, поэтому жила прямо на работе, а работала учетчиком в сельсовете. Исполнилось мне только-только 19 лет. Я вышла замуж. 1 апреля 1941 года я опоздала на работу на полчаса. Меня отдали под суд. 4 апреля уже состоялся суд.

– Так быстро, всего за три дня решили вашу судьбу, Тамара Андреевна?

«Я в 19 лет ничего не знала, ни о каких судах. Все было очень быстро. Мужа своего я больше не видела никогда. На фронте он погиб. Но я об этом не знала много лет. Когда уже вернулась из плена, мне сказали, что он пропал без вести, погиб на Курской дуге. И по всем документам после войны я стала вдовой.

Суд был – 9 человек. Приговорили меня к трем месяцам тюремного срока. После приговора поездом везли под охраной

до Можги (там был пересылочный пункт). Пассажиров в вагоне таких, как я, было много.

Привезли в тюрьму города Сарапул. Посадили в камеру к бандиткам. У них были большие сроки. Мои вещи, спецодежду для работы, масло было у меня из дома – отобрали бандитки все у меня. Чашку и ложку не дала, дралась, закрыла животом. Одну ночь я переночевала в камере, потом просилась от них. Надо мной и другими, такими же, как я, смеялись. Говорили: «Вас будут отправлять на мыло!»

Повезли после ночевки нас дальше с Сарапула до Москвы. Но мы об этом не знали. На станциях нас ставили на корточки. Представляете, три с половиной тысячи людей сидят на корточках. Никто не говорил, куда везут, зачем?

Людей в товарном вагоне (я ехала в четвертом) было как сельдей в бочке, нары двухъярусные. Не кормили неделю, не поили. Вонь, отхожие массы. Выбили мы, чтобы не задохнуться, стекло в окне.

Привезли к Москве и только тут покормили. Хорошо покормили в честь праздника 1 Мая. Простояли вагоны в Москве сутки. Кормили нас не наши охранники, а московские. Повезли дальше, ехали еще трое суток. В окно видели, что подъезжаем к Белоруссии.

Один день простояли в вагоне в Минске. Здесь нас опять покормили. Потом из вагонов по 10 человек повели в комендатуру. Был допрос, проверяли документы. Сказали, что повезут в город Лида (возле Барановичи). Снова повезли, но уже в другом вагоне.

В городе Лида нас обмундировали в форму, заставили рыть окопы возле аэродрома. Построили для себя мы временную столовую, так как зданий никаких не было. Столовая представляла собой столы, а сверху натянутый брезент.

Рыли мы саперными лопатками, нас было больше 3 тысяч. Ночевать уводили в барак, окна в нем были под самым потолком.

31 мая 1941 года нас первый раз вымыли в бане (у многих к тому времени были вши). Носили мы кто красные пилотки, кто красные косынки.

Конвоиры пустили слух, что повезут нас в Германию.

Мы видели над аэродромом самолеты. Вероятно, это была разведка врага. 20 дней летали самолеты.

А потом началась бомбежка. Хотели немцы, видимо, разбомбить только аэродром, потому что город рядом стоял целый, его не

бомбили. С аэродрома на наших глазах успели взлететь только четыре самолета. Остальное все разбомбили.

Разбомбили наш лагерь. Многие погибли. Мы бежали, переступая через убитых. Командира нашего, с которым мы рыли окопы, ранили. Страшно, у него глаз висел. Он нам сказал: «Будем вас отправлять домой. Будет война с немцами».

Нам нужно бежать, бомбят, а куда побежишь? Выйти не можем, 6 рядов колючей проволоки вокруг. Стали ее рвать. Кто куда побежал. В сторону еще целого города. Из 3,5 тысяч заключенных осталось в живых примерно 180-200 человек. Помню, когда бежали, то кругом убитые женщины, мужчины. Один раненый подал знак, просил добить его хоть палкой, спасти его от мучений.

В это время в Лиде в вагонах под замком было еще много заключенных. А Лиду начали бомбить. Кому-то удалось открыть один вагон, потом все остальные по очереди. И все побежали, кто куда.

Волосы у меня под косынкой – клок белый сбоку (поседела).

Выбежали – рожь. Прячемся в ней, склонились, а сверху самолеты, травили они нас специально, попадали все мы от страха. Добежали до какого-то военного городка. Нас не пустили, прогнали. Сказали: «Бегите обратно!»

В лесочке навстречу нам стали попадаться люди. Идут евреи со скотом, с вещами. Идут семьями, режут. Один еврей со страхом посмотрел на нашу форму. «Мы заключенные!» – сказали мы ему. Показываем ему из пальцев решетку. Он понял. Мы тоже пошли в обратную сторону, раз из города все бегут.

Кругом трупы. Вглядывались в лица: вдруг узнаем кого из нашего лагеря. Увидели озеро. «Прыгайте в озеро!» У меня, пока я ползала, один сапог потерялся.

Собралась нас группа 18 человек. Решили пойти до Минска. Шли долго. В деревнях кто даст поесть, а кто дверь закроет. Как начнут бомбить самолеты, мы прячемся.

Меня ранило в ногу, шла я с палкой. Всего 3 километра не дошли мы до Минска.

Увидели мы фашистов. Едут, прочесывают лес. Нас увидели. Один схватил меня за форму, думал, что я военная. Я показываю ему «решетку». Отпустил, понял.

Загрузили нас всех в немецкие фургоны. Всего 6-7 машин. Повезли в Берлин. Везли долго, недели две. По дороге давали сушеную рыбу, хлеб, а пить не давали.

Привезли в какое-то помещение без свода, на потолке растения растут, на стенах мох. Старинное какое-то, раньше был монастырь.

Догола раздели (женщин к одной стене, мужчин – к другой), вымыли сначала мужчин. А мы боялись, что убивать увели, а мы следующие будем.

Женщины стояли голые перед охранниками. Прикрываемся мы, но охранники не давали нам прикрывать срамные места. Повели строем по два человека. Дали мыла чуть-чуть, воды еле теплой. Волосы потом стали жесткие-жесткие. Одежду нашу пропарили.

Мне дали шинель с убитого. Кровь не отскабливалась ничем.

Стоя покормили супом, выдали в посуде чай, хлеб с маслом.

Ночью, даже стоя, дремали, охранники спать не давали, но нас не били.

Погнали в разные машины утром. Куда повезут и зачем, не говорят. Везли ночью, а на следующий день уже приехали. Написано было на дороге «Мильбах».

Завели в здание по коридору, внутри уже камеры. Так я попала в концлагерь.

В камерах уже сидели русские из разных мест. Они ждали своей участи два-три дня здесь.

Кормили нас два раза: утром и вечером.

Один здоровенный немец с золотыми зубами все время меня рассматривал за колючей проволокой. Приходил он в лагерь в штатской одежде с переводчиком. Переводчик был чех.

Меня подозвали сквозь решетку. Перевели: «Вы будете работать на немецкого хозяина».

Забрали меня. Завели в больницу. Я анализы сдавала, хозяин даже у гинеколога меня проверял. Чтоб никакой заразы не было и болезней. Санитарочка в больнице оказалась русской, врач – немка. Санитарка меня успокоила, что хозяин мой – человек очень высокого положения.

Вывели из больницы. Сели мы в мотоцикл марки «Урал». Я удивилась, что немцы в Германии ездят на наших мотоциклах. Я ехала в коляске.

Я не понимала, о чем говорил хозяин. Дорога – зеркало. По обеим сторонам фруктовые деревья. Я такого и не видывала. Подъехали к большому трехэтажному дому.

Когда привезли, сразу накормили. Увидела я огромное хозяйство. Показали мне в сарае скотину. 68 коров по одну сторону и по другую. Быков-волово – тьма. Лошади-тяжеловозы. Работников у этого хозяина было 28 человек.

Оставили меня в сарае. А все остальные работники в это время были в огороде.

Пришла в сарай жена хозяина, маленькая, толстая, подбородок аж висит. Зубы золотые у обоих в два ряда. Выкинула мой сидор. Все сняла с меня, повела в душ. Я в эти минуты как в рай попала. Мыло дали, полотенце, халат.

Сестра у моей хозяйки была директором детского дома. Она очень меня полюбила. учила меня в блокноте немецкому языку. Я до сих пор хорошо понимаю по-немецки.

В плену я прожила всю войну, больше четырех лет. За коровами все убирала, посуду за всеми мыла, доила коров. Уставала. конечно, но кормили нас очень хорошо.

Отпускали иногда погулять, но не разрешалось уходить от дома, а то наказывали. Мы числились пленными у хозяина.

Из всех работников русской была только я. Было два француза. итальянец, два украинца (жили у хозяина в работниках с 1939 года), а все остальные – поляки.

У хозяев было четверо детей. Имена их помню. Хорошо воспитаны были.

Звали меня все Мартой, не Тамарой.

Хозяйство у этих немцев – целая деревня. И свое бомбоубежище было. Когда объявляли воздушную тревогу, прятались все там. Воздушные тревоги были все чаще. Мы понимали, что все в войне меняется.

Однажды хозяин ударил меня плеткой по бедру. А было это вот как. Я распахнулась и убежала в конюшню из-за того, что не смогла цепями хлеб молотить. Стою, плачу, коня ласкаю. Зашел хозяин, из сапога достал плетку и хлестал меня.

Нашли меня у хозяина американцы 2 июня 1945 года по документам из комендатуры. Велели больше не работать на хозяина и сказали: «Поедете скоро домой!».

Две другие женщины-работницы остались, им некуда было возвращаться. А я домой собралась. Измучилась, истосковалась. Вот так я перестала быть Мартой на чужбине.

Американцы собрали всех нас, оставшихся в живых, на машине. Повезли на Киев через Австрию. С собой дали сухой паек.

Ехала я очень долго, с 1 июня по 2 июля. На больших станциях по документам мне давали сухой паек. Ехала я одна. сама. Сначала до Москвы, потом на Ижевск. Дома меня никто не ждал, письма в плену нам писать не разрешалось.

Дома одна женщина, с которой нас вместе осудили за опоздания на работу, сказала моим родителям, что в городе Лида я

погибла при бомбежке. Так что и отец, и мачеха думали обо мне как о мертвой. В церкви ставили свечку за упокой моей души.

Добралась я до дома через месяц с лишним. Все ноги в чирьях. Повезли в больницу меня, сделали переливание крови.

До деревни своей добиралась пешком. Встретили меня по дороге женщины возле деревни. Спросили, чья я такая. Вот они-то мне и рассказали, что меня давно похоронили, отпели, и брат умер. Я угостила их сухим пайком и подарочки дала.

(С собой сестра моей немецкой хозяйки вещей дала на дорогу три чемодана одежды. Один чемодан в дороге украли. Потом эти вещи все разошлись на нужды).

Подошла к дому родителей. А младший брат меня не узнает, дверь мне не открыл. Ночевать не пустил. Мачехи дома не было. Я реву у окна, прибежала моя крестная (я ее звала Кока), кричит...

Брат Герка повис на шее, а мачеха в обморок упала в бане.

Очнулась мачеха, упала в ноги мне... «Томка, мы всего тебя лишили! Все твои вещи проели!» Плачет, убивается. А отца нет, его в Маньчжурию послали.

Крестная повезла меня в прокуратуру. Мне учинили допрос. Допрашивали меня 11 раз, 11 медобследований я прошла.

Жила целый месяц потом у крестной. Работать из-за слабости не могла. Жили на мои вещи, привезенные из Германии. Меняли их на продукты.

По найму взяли в колхоз на работу. Предписание мне строгое было: дальше своего района выезжать нельзя».

После войны в 1948 году родила сына. Потом меня вызвали в военкомат. Судили и заставили выплатить 1 700 рублей за то, что получала пособие как мать-одиночка. А в военкомате им сообщили, что я была замужем, что муж мой погиб на Курской дуге.

Отец вернулся домой с кучей наград, живой. У него раны болели, прихрамывал. Стал работать председателем сельсовета.

Мой отец писал после решения суда о взыскании с меня денег самому Жукову. Через месяц пришел ответ: «Вернуть все по иску одинокой матери». Вот так.

Работала я в леспромхозе. Потом он ликвидировался, и переводом 27 семей по вербовке мы приехали в Вороновку Чусовского района (ныне поселок не существует). Приехала я в Вороновку, когда мне уже было 40 лет. Сын со мной работал.

Мой отец умер в 1979 году, было ему 83 года. Крестная умерла в 1987 году. Было ей почти 85 лет.

Ушла на пенсию в 1971 году в 50 лет. Вышел закон, что годы плена мне засчитали в стаж в двойном размере.

Я вышла второй замуж в 1984 году. Купили мы дом в Кусье».

Сейчас она живет одна. Муж давно умер. Единственного сына убили на реке Чусовой.

Тамара Андреевна была очень жизнерадостная и музыкальная. Видимо, сказались гены. Отец ее был гармонистом, брат играл на гитаре.

Любила она и поплясать, и частушки попеть.

Это в ней и сейчас осталось. Во время встреч Тамара Андреевна сыграла нам на балалайке вальс «Амурские волны». Спела нам и старинные, и современные частушки. Говорила о современных проблемах, о внучке, о правнуках.

Чувствуется в ее голосе сила, твердость, жизненная энергия. Юмор, кажется, помогает ей жить и держаться. Она оказалась радушной, хлопотливой хозяйкой.

Мне очень понравилась Тамара Андреевна. Она очень добрая и щедрая. Она для нас искала разные документы, фотографии. Мы пили чай. Она показывала мне, как играть нужно на балалайке.

Я удивилась, что она в такие годы нянчится с правнуком Денисом. Ему играет на балалайке, песни учит петь.

Тамара Андреевна хорошо слышит, все-все. Знает новости, читает газеты. Сама топит баню и зовет мыться свою семью. Она очень вкусно готовит и виду не подает, что ей тяжело.

Меркушев Сергей

7 класс МАОУ «Гимназия № 10» г. Перми

Я записал воспоминания Пономаревой Лидии Яковлевны. «В 1941 году я училась в средней школе № 14 города Верещагино. 21 июня у нас был выпускной вечер. Мы закончили 7-й класс. В то время выпускниками считались ученики 4-х, 7-х и 10-х классов.

После вечера в школе мы пошли в городской парк на танцы. Вернулись домой счастливые, веселые, а утром 22 июня по радио объявили о начале войны. Такая была паника в городе. Около военкомата начали собираться толпы людей. Все друг у друга что-то спрашивали, уточняли. Папа в то время работал в железнодорожном депо. Он был составителем поездов. Работа на железной дороге приравнивалась к военной службе, поэтому его не отправили на войну. Вскоре старшего брата (ему тогда только исполнилось 18 лет) вызвали в военкомат и вручили повестку на фронт. Но сначала он прошел курс молодого бойца в Нытве, где таких же, как он сначала учили стрелять.

Многие мужчины ушли на фронт, и выпускников школ отправляли в училища и школы ФЗО, чтобы обучить работе у станков и на транспорте. Меня, 14-летнюю, родители послали на курсы по подготовке бухгалтерских работников от Свердловского финансового техникума в город Молотов.

Жила я на квартире, где-то на улице Пушкина в частном доме. Чтобы собрать меня на учебу, мама перешла мне старое пальто брата.

После окончания курсов я вернулась в Верещагино, а вскоре с фронта вернулся инвалидом брат Леонид. Воевал он только несколько дней. Их, практически не обученных молодых парней осенью 1941-ого сразу же отправили на передовую Белорусского фронта. Мало кто выжил в том бою, а кто остался в живых, были ранены. Леонид, тяжело раненый в ногу, четверо суток полз с передовой, пока его не нашли наши солдаты. Полгода лечился в Челябинском госпитале, и затем его комиссовали домой. Леонид пошел работать преподавателем черчения и технологии металлов

в железнодорожное училище № 1, а я была принята в бухгалтерию на должность счетовода. Но так как мне еще не было даже 15 лет, то я получала половину заработной платы. В ЖУ учились в основном эвакуированные дети из Белоруссии и Украины. чьи родители или погибли или были отправлены в Германию. Всего таких детей-сирот было около 500 человек. Жили они в 2 больших общежитиях. Всем жителям Верещагино было жалко этих детей.

Директор училища Игнатьев Игорь Петрович всем заменял и отцов и матерей. Это был очень порядочный, добрейшей души человек. Первое время с продуктами было очень плохо. До глубокой осени все работники училища и все ребята заготавливали овощи, оставшиеся после уборки с полей. Особенно тяжело стало находить и выкапывать картошку или морковь, когда почва промерзла. Но мы продолжали перерывать землю в поисках хоть одного клубня картошечки, пока не выпал снег. Перчаток или варежек на всех не хватало – приходилось разрывать мерзлую землю голыми руками. На зиму заготавливали овощи морожеными. Картошка была с черными пятнами, мягкой и сладкой на вкус. Кто работал – получал по 400 грамм хлеба, а все неработающие (иждивенцы) только по 200 гр.

Продукты все получали по продовольственным карточкам. Тяжело вспоминать, как мой младший брат однажды потерял все карточки и наша семья осталась без возможности получить этот месячный минимум продуктов. Он боялся прийти домой, где-то прятался два дня. Не знаю, как бы мы выжили, если бы у нас не было своего огорода.

Кадры в училище были уже отслужившие на фронте и в основном инвалиды. Некоторые фамилии я помню; Кашин Н.И., Леушканов, Кукушкин В.В., Кравченя К., Козлова Екатерина, Краевская О.

Как и во многих семьях, в нашей тоже была трагедия. В 1942 году на станции трагически погибает отец, а в начале 1944-го – умирает мама. Мы с Леонидом были старшие в семье. Всего у родителей было шестеро детей. Все тяготы по переживанию этого страшного времени легли на плечи старших. Леонид заменил всем остальным детям отца, а я – мать.

Очень хорошо в училище работала комсомольская организация, секретарем которой был инвалид войны Фролов Юрий, а я была казначеем. Все комсомольцы платили взносы по 2 копейки. Ученики после занятий участвовали во всех мероприятиях, что проводили в училище. Скучать некогда было. Мы ходили в госпитали помогать санитарам, ставили для раненых концерты, писали письма, кололи дрова, мыли полы. В специальных пунктах

помогали собирать посылки на фронт.

В памяти навсегда осталось 9 Мая 1945 года. Директор Игорь Петрович выстроил всех около училища и объявил об окончании войны. Мы ликовали и обнимались, плакали от счастья и от горя. Потом устроили настоящий праздник: вынесли столы, накрыли их тем, что было в столовой, громко включили радио. Директор объявил, что сегодня работать не будем.

А потом, все лето, по заданию райкома комсомола, молодые девчонки, группами круглосуточно дежурили на железнодорожной станции, встречая проходящие мимо станции Верещагино поезда, на которых возвращались наши солдаты с войны. Мы встречали их цветами, музыкой, танцами. В перерывах между остановками поездов успевали отдохнуть, поспать, поесть, но про усталость, про боли в ногах и спинах никто даже не думал. Это был очень радостный труд – встречать победителей.

В 1946 меня (мне было уже 18 лет) и еще 15 человек комсомольских активистов отправили в Москву на учебу. В Верещагино решили открыть трикотажную фабрику. Добирались мы долго – с билетами было очень трудно. Целую неделю нас отправляли на проходящих поездах до Москвы. Когда закончили учебу приехали домой, а цеха еще не были готовы к пуску фабрики. Первое время работали на стройке.

В 1948 году меня пригласили от райкома комсомола поработать пионерской вожатой в детском лагере «Муравейник».

Детей привезли до Верещагино, а там нужно было еще добираться по лесу до лагеря. Смена длилась 40 дней. Мы, вожатые, как могли, старались отвлечь детей от мыслей про войну. Каждый день придумывали какие-то веселые мероприятия.

За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 июня 1945 года я награждена медалью. Имею еще две юбилейные медали к празднованию 50- и 60-летия Победы.

После войны 40 лет я проработала счетным работником в разных городах области. В настоящее время – ветеран труда».

Николаева Алена Евгеньевна

8 класс МОУ «СОШ № 6» г. Перми

Все мои прабабушки и прадедушки участвовали в Великой Отечественной войне. К сожалению, никого из них сейчас нет в живых. О них может рассказать дедушка, но в последние годы он стал многое забывать. Вот что он мог вспомнить о своем отце.

Прадедушка Сергей Павлович Николаев во время войны служил на Дальнем Востоке. Он управлял огромными и тяжелыми прожекторами. Прадедушка был награжден орденом Красного Знамени. Мой прадед был настоящим героем. Его благодарности, медали и ордена мы храним дома как семейную реликвию. Всю свою жизнь он любил праздник 9 Мая и всегда праздновал его как самый важный день в своей жизни.

Я знакома с замечательной женщиной – Маргаритой Алексеевной Смильгиной. Это добрый, отзывчивый и жизнерадостный человек. Кто-то может сказать, что общаться с пожилым человеком неинтересно. Могу вас заверить, что это не так! Общение с Маргаритой Алексеевной – одно удовольствие, хотя ей 82 года. Мне нравится, как она, не спеша и спокойно, ведет разговор. Я понимаю, что все воспоминания о военных годах ей даются нелегко, но в то же время ей хочется поделиться воспоминаниями о своей юности.

Маргарита Алексеевна рассказывала, как тяжело им доставалась Победа. Когда началась война, ей было 13 лет. Много это или мало? Никто не думал тогда об этом. Все ребята ее возраста, не задумываясь, пошли работать на заводы. Если ребенок не доставал до станка, то ему подставляли под ноги коробку. «Несмотря ни на какие трудности, каждый стремился работать за двоих», –

вспоминает Маргарита Алексеевна. Когда речь заходит о хлебе, она не может сдержать слез. Крупные слезинки предательски стекают по лицу, задерживаясь в какой-нибудь морщинке. Ничего не ценилось так, как один тоненький кусочек хлеба. Люди стояли в больших очередях за одним куском. Иногда хлеба не было, и тогда ели все: очистки, клей, бумагу.

Люди умирали на поле боя, у станков, в очередях за едой. Страшное и ужасное время. Порой во время воспоминаний замолчит Маргарита Алексеевна... А я смотрю на нее и не знаю, какие чувства сгущаются в ее душе. И совсем не хочется нарушать эту тишину. В эти минуты вижу ее с непонятно-грустным, отрешенным, отдаленным и даже скорбящим лицом. Но блестящие глаза среди многих морщин – отражение человеческой души. Она у нее поет. Маргарита Алексеевна никогда не жалуется на судьбу. «Мы не знали слов: не хочу, не буду, не могу», – рассказывая о своей жизни, поучает она меня.

Таких скромных незаменимых тружениц немало в нашей стране, на них и жизнь стоит! Я помогаю ей во всем: сходить в магазин, аптеку, по дому. А иногда ей хочется просто поговорить, узнать о моих успехах. За чашечкой чая мы можем болтать часами.

Опрелкова Мария Александровна

8 класс МОУ «СОШ № 6» г. Перми

Мой прадедушка – Константин Васильевич Кретов, кавалер ордена Красной Звезды, Отечественной войны I и II степени.

В 1943 году 23-летним парнем он попал на фронт. Сначала формирование воинских соединений в Омске, затем – битва под Курской дугой, первое ранение, полевой госпиталь.

Что запомнилось? Будь проклята эта война! Атака! Встал и рад, что ноги держат, что бежишь и не падаешь. Все кричат, кричу и я. Это трудно рассказать. Многие среди бегущих рядом со мной падают. Мне кажется, что в мои уши забиты деревянные пробки...

Бывало, лежишь и, несмотря на то, что рядом немецкая траншея, что идет дождь, непрерывно щелкает фриц из винтовки, прикладываешь все усилия, чтобы не заснуть. А спать нельзя: фрицы часто ходят в разведку. Частенько приходилось слышать бредни немецкого диктора, который кричит в громкоговоритель, пока не охрипнет.

Уж очень хотелось всю войну провоевать и живым остаться! Увидеть, какая она, жизнь, будет после войны».

Осетрова Анна Григорьевна всю войну проработала в тылу. Когда началась война, ей было 28 лет. До войны она была дояркой, а когда забрали всех мужчин, то ее назначили бригадиром.

Ранним утром ей приходилось вставать и идти пешком в соседнюю деревню за пять километров, чтобы получить разнарядку для своей бригады. Иногда она даже боялась ложиться спать, так как боялась проспать от усталости. За свою работу она была награждена медалью «За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг.»

Я помогаю бабе Вале, которая живет в нашем подъезде. Ей 84 года. Она плохо все помнит. Стоит только задать ей вопрос о событиях военного времени, то она начинает плакать. Она с трудом вспоминает свою фамилию. Я стараюсь помочь ей во всем и догадываюсь, что на ее долю выпало немало испытаний.

Томилов Роман Николаевич

8 класс МОУ «СОШ № 6» г. Перми

Мой прадедущка, Поляков Михаил Андреевич, участник Великой Отечественной войны. На войне был совсем недолго: в бою под Ленинградом его ранило в ноги. Была поздняя осень, стоял мороз. Прадедущка долго пролежал под открытым небом на снегу. Ночью его нашли свои солдаты, перенесли в какой-то холодный сарай и велели ждать санитаров. Уходя, закрыли прадеда соломой, а ноги остались открытыми. Когда пришла помощь, то он уже не чувствовал ног. Так он оказался в госпитале. Его долго лечили, но раны никак не заживали. К нему приехала прабабушка, но он отказывался ехать домой, потому что не хотел быть беспомощным инвалидом, обузой для семьи. После долгих уговоров прабабушка привезла мужа домой худым и больным человеком. Вскоре пришлось ему лишиться одной ноги, так как сильные язвы не давали спокойно жить. Он мог передвигаться только с помощью рук и ноги. Но как он любил своих детей и внуков! Все свободное время и всю жизнь он посвятил им.

У моей прабабушки, Поляковой Натальи Александровны, две дочери ковали победу у станка. Галина Всеволодовна трудилась на заводе им. Свердлова, а Евгения Всеволодовна – на заводе им. Ленина. Им было всего 16 лет. Сначала они проучились в ФЗО (фабрично-заводское обучение), а потом они стали помогать

фронту, выпуская порох.

Подвиг работников завода, тружеников тыла, во время войны высоко оценен нашим народом и государством. Прабабушка рассказывала мне, как они, молоденькие девушки, работали по 12-14 часов в сутки, поднимали огромные тяжести, стояли у станков в холод и жару.

Трубников Михаил Юрьевич, юрист
Трубникова Майя Юрьевна, экономист

Мы, внуки Трубникова Майя Юрьевна и Трубников Михаил Юрьевич, решили написать воспоминания о нашем дедушке Иванове Георгии Ивановиче.

Он нам рассказывал, как ему пришлось участвовать в военных сражениях против немецко-фашистской армии.

Дедушка родился в 1924 году, жил в селе Верхние Муллы Пермского района. С 16 лет начал работать на Бахаревском аэродроме в гараже шофером, а потом механиком. Когда началась война, ему было 17 лет. Он сразу же пошел в военкомат подать заявление, чтобы его отправили на фронт. Но в армию его не взяли, так как ему не было 18 лет, и на него была наложена бронь. Когда ему исполнилось 18 лет, он неоднократно ходил в военкомат и просился на фронт. Его взяли и отправили в город Миасс в военное училище.

Там изучали многозарядную пусковую установку, боевую машину – К, это бесствольная система полевой ракетной артиллерии (Катюша). Это боевая машина – БМ-13, реактивный

снаряд – РС – 132. Дальность 8,5 километра. С момента появления «Катюши» возникло новое направление – реактивная артиллерия, четыре машины – батарея, 12 – дивизион. Немаловажен был и эмоциональный эффект, во время залпа все ракеты выпускались одновременно. За несколько секунд территорию в районе цели буквально перепахивали реактивные снаряды.

С этими установками дедушка прибыл на фронт и начал участвовать в боевых действиях от Киева. Освобождал Украину, Польшу, брал Берлин и освобождал Чехословакию, Прагу.

Всю войну он воевал на «Катюшах» и был в составе 2-го Украинского фронта под командованием маршала И.С. Конева.

После освобождения Киева надо было освободить Правобережную Украину, создать плацдарм для подготовки дальнейших наступлений. Для этого надо было освободить Корсунь-Шевченский выступ.

24 января началось наступление, это была Корсунь-Шевченская операция. Первым перешел в наступление 2-й Украинский фронт Конева, он наносил главный удар, в котором принял участие и наш дедушка. Ох, и хватили тут немало горя. Таял снег, грязь непролазная, машины вязли в этой грязи. Приходилось вытаскивать их, надо было на руках таскать тяжелые ящики с боеприпасами. Но все трудности были преодолены, операция закончилась нашей победой.

Дедушка вспоминал, что были и другие трудности. Однажды им выдали муку вместо хлеба, они состряпали лепешки и хотели их печь, но вдруг приказ идти в наступление. Пришлось быстро все бросать в ведро и вперед. И так повторилось несколько раз, только хотят печь – и опять наступление. Он не жаловался, что было иногда голодно, но зато гнали фашистов, не давая им передохнуть, собраться с силами.

При освобождении Украины, вспоминал дед, местное население встречало их радостно. Иногда их приглашали в хаты, угощали картошкой, приготовленной по-домашнему, и даже угощали горилкой. Но в своем расчете, в основном, были молодые солдаты и спиртное не пили, даже когда им давали боевые 100 грамм, они отдавали их тем, кто был постарше.

В 1944 году подошли к границе, к пограничному столбу. На нем было написано: «До Берлина 600 км». И кто-то мелом к этой надписи добавил: «Ни хрена, дойдем!» Дедушка говорил, что мы долго стояли, смотрели на надписи и радовались, думая о скорой победе, о мужестве наших солдат.

И вот в наше мирное время, в последние месяцы 2009 года, была передача по телевидению, в которой рассказывали о маршале И.С. Коневе и был показан этот столб с надписями. Конев подходил к этому столбу, долго на него смотрел и сказал, что хотел бы найти хулигана, который сделал это, и наградил его...

В освобожденной Польше поляки тоже относились к нам хорошо. Но вот мы вспомнили интересный случай, который рассказал дедушка. Однажды им пришлось останавливаться у какого-то монастыря, «Катюши» замаскировали в саду, в саду росло много грушевых деревьев. На них висели спелые, желтые, большие груши. Солдатам захотелось попробовать их, и они решили сорвать хотя бы по одной штуке. Но пришел ксенз, служитель монастыря, и сказал, что их нельзя рвать. Все, разочарованные, отошли от деревьев. И вскоре приказ: «Дать залп!» Снаряды с реактивной скоростью рвутся, сотрясая воздух, и со всех деревьев груши толстым слоем покрыли землю. «Мы, – говорит дед, – схватили ведро, зачерпнули груши и уехали, а позднее угостили себя этими грушами».

Мобильность установок позволяла быстро менять позицию и избегать ответного удара противника. Следует отметить, говорил дедушка, что установки были настолько засекречены, что даже запрещалось использовать команды: «Пли!», «Огонь!», «Залп!», вместо них звучали команды: «Пой!» или «Играй!», что, возможно, было связано с песней «Катюша».

С большими и тяжелыми боями брали Германию. Был такой случай, говорил дед, что артиллеристы часто бывали в боях вместе с танкистами. Однажды после наступления дедушка с товарищами зашли в немецкий дом, с ними были танкисты. Зайдя в одну из комнат, один танкист очень внимательно стал рассматривать стулья, а потом говорит рядом стоящему товарищу, чтобы он взял стул, перевернул его и прочитал надписи: год, место, фамилию. Оказалось, что эти его стулья. Гитлеровцы вывозили все, и даже мебель. Стулья с Украины были вывезены в Германию. Мы все были поражены.

Много вспоминал дедушка. Вот еще один случай. Был взят в плен уже немолодой фриц. Он попросил, чтобы ему показали коммуниста (многие молодые солдаты вступали в ряды КПСС прямо между боями. И наш дедушка в 1943 году тоже стал коммунистом. Ему было 20 лет). Они достали партийные билеты, показали...

Хотя воевали на «Катюшах», но приходилось встречаться с ними лицом к лицу. После взятия города Нойштадта, замаскировав

установки, уставшие, вошли в дом, легли спать и крепко уснули. Рано утром проснулись и столкнулись с фрицами. Оказывается, те спали на верхних этажах. Дед услышал крик, выскочил и столкнулся лицом к лицу с немцем. Завязался рукопашный бой. Многие фашисты были уничтожены. В годы войны была поставлена задача, чтобы ни одна установка не была захвачена противником. Был дан приказ при подходе врага подрывать установку. С этой целью на всех боевых машинах находился ящик с динамитом.

В последние годы войны наша армия настолько была сильна и хорошо оснащена военной техникой, что вполне можно было прошагать всю Европу, так говорил дед. Вылетели три немецких бомбардировщика. Вдруг им навстречу летит один советский самолет. Он сбивает сначала среднего, два других разлетаются в разные стороны. Наш самолет догоняет второго, сбивает, летит за третьим и его сбивает. За короткий промежуток было сбито три самолета. Такая была радость, бросали вверх пилотки, кричали: «Ура!» Вот такая была сильная военная техника. Немцы очень боялись наших установок, они их называли «сталинские органы» из-за внешнего сходства реактивной установки с музыкальным инструментом – органом.

После разгрома Германии большая часть фашистов сосредоточилась в Чехословакии. И дедушкину часть направили на освобождение Праги. Гитлеровцы и там были разбиты. Чешский народ радушно встречал нас, говорил дед. День Победы 9 мая дедушка встретил в Праге. Было неопишное веселье. Дед любил играть на аккордеоне, и все пели песню про Катюшу.

Шли бои на море и на суше,
Грохотали выстрелы кругом.
Распевала песенки «Катюша»
Под Калугой, Тулой и Орлом!

Война закончилась. Погибших на войне или пропавших без вести отцов, братьев, мужей и сыновей не счесть и не вернуть, а значит, необходимо сохранить главное – свободу, доставшуюся потом и кровью, чистое голубое небо над головой и гордость за русский народ, спасший народы всего мира от фашистского террора. Такое мнение было, наверное, у всех участников войны, не только у нашего дедушки.

Дед рассказывал: «После войны стали возвращаться воины на Родину. Проезжая Западную Украину, мы были насторожены, не желали встречи с бандеровцами. На каждую установку поставили пулеметы. По городу Львову ходили группами и обязательно вооружены, но все обошлось благополучно».

После войны деда направили в Среднюю Азию, в город Черчик. Там он был старшиной сержантской школы. В этом звании он вернулся домой в 1947 году. На третий день дед пошел погулять по Муллам, дошел до гаража и встретил друга, с которым работал до войны, тот тоже вернулся с фронта. Друг попросил деда помочь восстановить сломанную машину колхоза. Дед помог и остался работать в колхозе «Восход социализма», проработал в сельском хозяйстве всю жизнь. Вначале был шофером на полutorке, потом заведующим гаражом, позднее его избрали помощником председателя колхоза. А когда колхоз перешел в совхоз, то дедушка работал управляющим 2-го отделения совхоза, проработав 40 лет, вышел на пенсию.

Дед был награжден пятью орденами. У него два боевых ордена Красной Звезды, один Отечественной войны и два за работу в сельском хозяйстве. Имеет 34 медали, из них семь медалей от сельскохозяйственной выставки, одна из них малая золотая медаль. Медали: «За отвагу», «За взятие Берлина», «За освобождение Праги», за «Победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» и юбилейные.

Имел значки «Отличник-артиллерист», «Гвардейский», «100 лет Жукову» и другие. Имел много грамот, о нем писали добрые статьи в районной газете.

Некоторые материалы и фотографии он подарил музею. Его фотография есть на стенде «Участники войны 1941-1945 гг.» в Индустриальном совете ветеранов войны и труда.

Ушел из жизни в мае 2005 года. Мы, внуки, считаем, что дедушка прожил достойную жизнь, мы чтим его и гордимся им. Каждый год мы посещаем его могилу, следим за ней. В день Победы 9 мая всегда бываем всей семьей. В этот юбилейный год мы обязательно посетим его могилу.

Федосовских Александра

*МОУ ДОД «Дворец детского (юношеского)
творчества» г. Перми*

Я спросила о войне, о которой знала из учебников, из фильмов и еще...

О военных годах мне рассказала моя няня – Елена Алексеевна Мельникова. Ей сейчас 83 года: она очень добрая, веселая, нежная и всегда хлопчет и заботится о всех людях рядом с собой (даже, если люди незнакомые).

«Баба Лена» рассказала: как грузила зерно, кидала лопатой на погрузчик, глотала пыль от зерна, а потом заболела туберкулезом и много лет лечилась.

В те годы транспорт ходил плохо и она, как все жители нашего города, ходила с «Бахаревки» на «Плоский», из «Данилихи» в «Мотовилиху».

Доучивалась после Победы в 1945 году в ШРМ (школа рабочей молодежи). Работала и училась и засыпала за столом среди учебников и тетрадей (переживала, что оценки стали хуже).

Еды не хватало и, чтобы не голодать, ездили на поля и в леса собирать полевой хвощ, ягоды и грибы. Чаще всего едой была похлебка из кипятка и покрошенного черного хлеба и суп из очисток картошки (сестра приносила из столовой речного училища) с растительным маслом. И все равно, несмотря на военные годы и тяжелый труд не по возрасту, они с подружками любили «бегать на танцы» в Горьковский сад, Речной вокзал и клуб Госторговли.

И хорошо, что Елена Алексеевна относится ко мне, как к родной внучке.

С детства я привыкла звать ее «бабой Леной». Я очень благодарна ей за рассказ и за то, что она разрешила поддержать ордена и медали, а они потертые и с пятнышками (а вдруг это пятна крови и пота еще с войны).

Нашему поколению вообще трудно представить, что такое голод, холод, лишения самого необходимого (хлеба, воды, тепла), смерть, похоронка.

Я желаю всем людям, чтобы они успели расспросить своих близких и родных о войне, о Победе 9 Мая 1945 года, о военных ранах и наградах, о самоотверженном труде на заводах города Молотова.

Чтобы помнили через века, через года, чттили память погибших, уважали труд людей в военные годы.

В 1942 году Лене было 15 лет. Она пошла работать в «Заготзерно» на Бахаревке счетоводом, была маленькая и худенькая, ноги до пола не доставали.

Работала на разгрузке барж, «перелопачивала» зерно. Была донором сдала 19 литров крови. За кровь давали продовольственные карточки.

А в 1946 году Елене Алексеевне вручили медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.».

Моя родная бабушка, (ей в 1941 году было 11 лет), Куклина Александра Васильевна тоже вспоминала военные годы: она работала на заводе и тоже была маленькая и худенькая. Она тоже сдавала кровь (сохранилась ее «донорская книжка»). Собирали одуванчики, чтобы не голодать. Как и вся страна, делала все, что было необходимо. Только не дожидая до встречи со мной, не увидела меня.

В 1949 году вышла замуж. муж был фронтовик, контужен и ранен в руку.

Мельников Иван Александрович воевал в пехоте с первого и до последнего дня войны. Когда началась война, Ивану было 20 лет.

Победа застала Мельникова И.А. в городе Кенигсберге. В пехоте он прошагал и прополз все дороги и болота на «своем брюхе» – так говорила баба Лена. Елена Алексеевна и Иван Александрович прожили долгую и непростую жизнь.

Военные ордена и медали Елена Алексеевна священо хранит на бархатной подушке и достает их в памятные дни (рождения, смерти и 9 Мая в День Победы).

Филиппова Светлана

МОУ ДОД «Дворец детского (юношеского) творчества» г. Перми

Сейчас над нами сияет мирное солнце. Но так было не всегда. Война охватила полмира, вся страна работала для победы.

Моя бабушка редко вспоминает те времена, слишком тяжелыми они были. Она, Марина Михайловна Ерешкина (в то время Загуляева), жила в городе Молотов, которому только в 1957 году вернули старинное имя Пермь.

«20 июня 1941 мне исполнилось четыре года. Я помню, как объявили, что началась война. Жили мы тогда в Мотовилихе, на улице Производственной, дом 5. Был вечер, я сидела на крыше соседского сарая и, конечно, совсем не понимала, что это значит.

Жили очень тяжело, голодно. И хотя детство – счастливое время, стирающее в памяти все, что огорчало, это не забудется.

Продукты выдавались по карточкам, очень скудно. В нашей семье было трое детей (я и два брата, младший родился через месяц после начала войны), а работал один отец. Мой отец, Михаил Андреевич, работал на Мотовилихинском оборонном заводе. Мы с братьями каждый вечер ждали его на улице, смотрели, что несет. Нес он хлеб – на заводе выдавали каждый день буханку хлеба. Потом стал приносить меньше, от буханки отрезали по куску

(нормы уменьшались). Иногда случались праздники: выдавали по несколько карамелек без фантиков. Больше я никогда не ела таких вкусных и желанных конфет.

Все дети во все времена любят валяться в снегу, прыгать с гаражей в сугробы. Мы были такими же. Как-то раз, прыгая с крыши сарая в особенно глубокий сугроб, я потеряла калошу с валенка. Старший брат перерыл весь снег вокруг, но так и не нашел (она вытаяла лишь по весне и уже никуда не годилась). В школе иногда давали бирочки на вещи особенно нуждающимся. Как-то раз, после моей потери, дали на класс одну пару калош. Учительница спросила нас, у кого их нет, я робко подняла руку. Но в классе было много таких, а калоши одни. Стали спрашивать, у кого кем работают родители. Когда я сказала, что мой папа зам, начальника цеха, на меня сразу перестали обращать внимание – были более нуждающиеся. Так и ходила бы потом остаток зимы в дырявых валенках, но папа умел многое, даже сам их подшивать.

Всех нас постоянно поили рыбьим жиром (от рахита). Он был прогорклый, наверное, другого не было. Я так хорошо помню вкус, что своим детям никогда его не давала. Да и вообще, все тогда готовили на рыбьем жире, мне кажется, что везде стоял этот запах. Иногда пользовались маргуселином, но он бывал редко. Дома родители обжигали в печи кости (говяжьи, рыбные) и ставили их на стол. Мы должны были это есть (наверное, тоже от рахита). Это было ужасно противно.

Помню, как мама принесла шоколадный лом, полученный по ленд-лизу (помощь союзников). Твердый, темно-коричневый,

наверное, безумно вкусный. Но я не помню, как его ела, только – как смотрела.

У соседей, Деминых, отец работал на маслозаводе и иногда приносил жмых. Когда Валька Демин на улице подбрасывал его вверх, все мы, дети бросались ловить, дрались... Он был очень вкусный, особенно подсолнечный. Почти у всех детей в классе (кроме одного – двух человек) был туберкулезный бронхоаденит.

Стригли всех очень коротко, чуть не налысо. Другого выхода не было – вши. У нас дома была машинка, а у соседей напротив Деминых не было. Там детей, а их было шестеро, стригли просто ножницами, так они и ходили, выстриженные «фигурно». Я им очень завидовала и просила маму сделать мне так же. В общественных банях были специальные пропарки. Большие баки с жаровнями, в которых пропаривали от вшей одежду. Помню, как через квадратные окна в ямы бросали белье.

Везде были мыши. Мы их ловили банками. Одну я поймала прямо руками в столе, и она меня укусила.

Мы жили в двухэтажном деревянном доме, на первом этаже поселили двух эвакуированных из Москвы пожилых женщин-сестер. Они привечали меня, дарили какие-то книжки и очень удивлялись, что мы дома пьем чай из консервных банок. А это и вправду было очень неудобно: они нагревались и обжигали руки.

Старший брат Станислав после шестого класса (в 1943 году) ушел из школы и поступил в ФЗУ (фабрично-заводское училище), стал работать на оборонном заводе в Мотовилихе. В 14 лет работал

слесарем в цехе № 5 (после войны, школы и армии вернулся туда же, в ракетный цех). Школу ему пришлось заканчивать уже после войны. Станислав постоянно что-то мастерил, делал наборные курительные трубки, вырезая на них голову Мефистофеля, наверное, продавал. Стрелял дроздов-рябинников на деревьях в соседнем дворе.

Помню, что у нас был штык (не знаю, наш или немецкий), и мы кололи им лучину для самовара. В последний год войны (1944) я поступила в женскую школу № 59 (мальчики и девочки тогда учились в разных школах). Она находилась на 3-м этаже мужской школы № 49.

В классе учились девочки, родители которых работали на оборонных заводах города, в основном, Мотовилихи. Все жили трудно, но в классе у нас была девочка, отец которой был чекистом. Она носила с собой на завтраки белый хлеб с маслом. Больше ни у кого такого не было. И в эти годы люди жили по-разному.

Женская школа № 48 (двух-этажное здание в Рабочем поселке на улице Уральской) была занята госпиталем. Помню, как ходила туда с двоюродной сестрой. Миля, которая старше меня на пять лет, пела раненым, а я стояла рядом, т.к. петь не умела. Раненые слушали, гладили нас по головам (у многих где-то оставались дети).

В первом классе меня приняли в октябрята. Мы тоже помогали фронту: собирали посылки, шили кисеты для солдат.

Когда я училась в 1 классе, мы ходили на елку в оперный театр (кстати, театр в то время был меньше, его перестраивали позднее). Елка кончилась поздним вечером, и мне показалось, что из класса уже никого не осталось. Я не придумала ничего лучше, чем пойти одна домой в Мотовилиху. Не знаю теперь, почему я сбилась с трамвайных рельсов, но я заблудилась. Оказалась одна среди ночи в пустом городе. На улице не было ни одного прохожего. К счастью, меня увидела какая-то женщина и привела к себе домой, в деревню Суханки (на склоне лога, где теперь трамплин).

Меня посадили на печку и дали поесть редьки с квасом. Утром привели в школу, а там переполох. В то время ходили слухи о людоедстве, и меня уже похоронили. Больше я не помню ничего о том случае, даже не помню, попало ли мне.

В то время люди жили дружно, детей было много, вся улица знала друг друга. Играли в круговую лапту, в сыщиков-разбойников, в «чур-не-мой», прятки, «кандалы-раскуем», «тише едешь – дальше будешь», в черту (позже ее называли «классики»), «выпинки». Зимой все окрестные горки были нашими, а жили мы в логах вокруг речки Ива. Катались на санках, лыжах, коньках, приматывая и веревками к валенкам. Летом к нашей радости был Кротовский пруд на речке, с водопадом, с огромной плотиной еще дореволюционной постройки. Дети всегда играли вместе. И никакая война нам не мешала.

Из Мотовилихи не было массового призыва на фронт. Все, кто жил в то время в нашей округе, работали на мотовилихинском заводе. Это был оборонный завод и, как все оборонные заводы, был «номерным», т.е. имел свой номер и выполнял военные заказы. Мой прадед Михаил Андреевич Загуляев за свой труд во время войны получил медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»

На нашей улице у всех были собственные дома, огороды. Люди выращивали овощи, держали скот. Этим и жили. Мы часто пасли деминскую козу. Сами скот не держали. У дяди Гриши Шабунина была лошадь и одна деревянная нога. Под картошку семьям выделялись участки в отдаленных районах. Наш был почти на Архиерейке. Урожай вывозили на себе. У нас была огромная телега и я помню, как я боялась проходить с ней через плотину. Участки все держали еще и после войны. С продуктами долго было плохо.

Один раз у нас была воздушная тревога: днем завывала сирена. Все говорили: «Нет, до нас не долетят!» Но и не должны были долететь, что это было – не знаю.

Когда объявили об окончании войны, я шла в школу. Вдруг услышала крики со всех сторон: «Война закончилась! Победа!»

Хоть бабушка и жила в те страшные времена, но война не смогла отнять у нее детство. Детство – это всегда счастье.

Прошла война, наш народ пережил ее, послевоенные трудности, переживет и все, что ждет впереди. Если мы будем вместе, нам все будет по плечу, и мы не допустим новой войны.

Фрейман Нина Яковлевна

инженер кафедры АТ ПГТУ

Из воспоминаний моей мамы Кельманович Г.В.

«Кончили мы первый курс и в разгар экзаменов – война! Мальчишки добровольно пошли в армию, а девчата – на курсы медсестер. Учились без отрыва от лекций и, проучившись шесть месяцев, были направлены на Бахаревский призывной пункт, откуда должны были быть зачислены в воинские части и отправлены на фронт. Но, к большому нашему сожалению, распределили нас по госпиталям. Я попала в эвакогоспиталь 1324, челюстно-лицевой. Проработала два с половиной года, сначала без отрыва от учебы, а потом пришлось ее оставить.

Вернулась я в институт, но уже на педагогический факультет. Мамочка и в это время была опора и поддержка. Материально приходилось туго: у мамы инвалидность I группы, сестра учится, а моя зарплата невелика. Карточки иждивенческие, а там 400 грамм хлеба и малое кое-что из продуктов. Вот тут-то и решила мама ездить в деревню и менять книги, игрушки-самоделки и другие вещи на продукты. Помню, как зимой мама и я пешком пошли в деревню Москвята, что чуть-чуть дальше Нижних Муллов на Каме (до них 30 км). В той деревне жила тетя Дуня, которую мама привела предыдущей зимой прямо с улицы в дом. Тетя Дуня приезжала продавать мясо, а ее знакомые переехали на другое место, и ей негде было переночевать. Мама, естественно, предложила пойти с ней. Кое-чем поделились, уложили спать на печку.

Вот так началась наша дружба с тетей Дуней из Москвят, она ездила в город и останавливалась у нас, а мы летом ездили к ней (даже когда у меня уже были свои дети). Так она нас выручала в голодное время. С сестрой мама ездила на поезде в Кунгур. Одним словом – надо было нас кормить, т.к. в 1940 году дяди Вити уже не было с нами.

Памятен еще один печальный день: 3-го числа (не помню месяца) мама потеряла все карточки на текущий месяц. Это была беда. И опять помогли добрые люди. Выжили. А карточки нашли после войны во время ремонта за комодом. И еще помню: дали маме талоны на УДП – усиленное диетическое питание (в народе горько шутили – умрем днем позже). Конечно, мама уговорила нас с сестрой, что сыта, и мы ходили через день. Бывало, стоишь к кассе, а тут же в зале столы, и люди уже едят. Пока ждешь – вся слюной изойдешь, да еще (вот позор!) глаз не оторвешь от них, а сядешь за стол, те, что стоят на тебя смотрят. Давали маленький

кусочек хлеба и такой же кусочек омлета из порошка или чуть-чуть каши, чай с сахарином.

Зато очень часто ходили в театр. Тогда у нас был Кировский оперный театр из Ленинграда. Силы были – ах! Не пропускали ни одного спектакля. Ходили в драму, несмотря на дальность и неподходящую одежду, особенно зимой в туфельках. Придем из театра, ляжем спать и руку под подушку, а там то кусочек хлеба, но сахара, то морковка. Понимаем, что мама от себя отрывала, но ... съедали, а утром стыдно было. В доме, благодаря маме, концы с концами сводили.

Жили надеждой на победу, терпели и не хныкали. Слышали мы, конечно, о людях, пользующихся тяжелым положением в корыстных целях, ворах и спекулянтах, но рядом таких не было, и нас это как-то не касалось. О папе вспоминали очень часто, надеялись, что увидимся, но ...»

К маминым воспоминаниям можно добавить то, что я узнала из рассказов бабушки и мамы. Жили они в маленькой квартире из двух небольших комнат, но и к ним подселяли эвакуированных. Жили у них двое артистов цирка – дрессировщики с маленькими собачками. Мужчин в семье не было, справлялись сами: а надо было и воду принести, и дрова наколоть. Жили надеждой на победу, верили вопреки всему в возвращение из тюрьмы своих старших мужчин (маминогo отца и дяди, который принял в 1937 году оставшихся от семьи трех человек на свое полное иждивение после ареста отца, а потом и сам был арестован в 1940 году по доносу «друга»). Мама не пишет о причине перехода на педагогический факультет с физико-математического.

А дело было так. В 1944 году дядя был «актирован» по состоянию здоровья (дистрофия) и возвращался в Молотов, но по дороге его скинули с поезда в Кирове, и он попал в госпиталь. Для того, чтобы его привезти домой, мама пошла к декану факультета, где училась, за разрешением на поездку, но получила отказ с формулировкой: «Он вам просто дядя, а не отец, живой – доедет сам». Не входя в ситуацию, что дядя заменил им троим всех.

К огромному горю, дядя, Виктор Павлович Андреевский, умер в Кирове, и только на похороны декан дал маме это необходимое для передвижения во время войны разрешение. Похоронив такого

близкого человека, с горя мама заявила, что никогда не будет учиться на этом факультете. Но бабушка настояла на продолжении учебы. Тогда мама и перешла на педагогический факультет, где училось-то всего шесть человек, его и закончила в 1946 году. Работала преподавателем долгие годы, и в дальнейшем не жалела о вынужденном выборе профессии. Тоже черточка того времени.

Вспоминала мама, как от имени комитета комсомола пединститута она ходила в знаменитую «Семиэтажку» договариваться о встрече с солистами Ленинградской оперного театра имени Кирова. Козловский запросил за встречу немалую сумму денег, которых, конечно, у студентов не было. А Лемешев согласился сразу безо всяких требований. Какое счастье было сидеть рядом с этим величайшим тенором и слушать его рассказы о себе, своем театре, да еще и угощал чем-то всегда голодных студентов. Впечатление от его доброты и простоты осталось на всю жизнь.

У моего папы, Кельмановича Якова Давыдовича, 22 июня 1941 года был выпускной вечер в школе № 11. Вариантов не было: все мальчики пошли в военкомат записываться добровольцами на фронт. Его мама воспитывала сына одна, муж оставил ее, полностью парализованную. Помогали жить и воспитывать сына старшие сестры. Можно представить ее горе, когда отец помог сыну в 17 лет пойти на фронт. К счастью, папу отправили сначала в Горьковское зенитное училище, а потом по его просьбе в Оренбургское летное училище. Все тяготы учебы в военное время папа вынес достойно, получил профессию летчика, о которой мечтал еще в детстве, но, опять же к счастью, был направлен на афгано-советскую границу. Приказ лететь на фронт пришел в мае 1945 года, полк в воздухе узнал о Победе.

Всю жизнь папа сокрушался, что не удалось побывать в бою. Но свой гражданский долг он выполнил с честью. После демобилизации в 1948 году долгое время работал летчиком-инструктором в аэроклубе ДОСААФ, а с 1964 года 30 лет – управлял полетами в аэропорту Большое Савино.

Чуклина Анастасия Дмитриевна

8 класс МОУ ДОД «Пермячок» г. Перми

Много моих родственников не вернулись с той войны: Неволин Григорий Иванович, Неволин Игорь Иванович, Неволина Екатерина Ивановна, Неволина Мария Ивановна.

Прадедущка. Неволин Семен Иванович, принимал участие в боевых действиях. Бабушка рассказывала, что на фронте за ним закрепилось прозвище «Академик». Эту историю, рассказанную прадедущкой, в нашей семье знает каждый: «Как-то фашисты предприняли против нас неожиданную танковую атаку. На батальон вышло два десятка танков в сопровождении автоматчиков. Наши стрелковые роты и пулеметчики отрезали автоматчиков от танков, но они продолжали идти на нас. Как назло, в этот момент наших артиллеристов не оказалось в батальоне. Они еще не подъехали со своими орудиями. Я предложил комбату, чтобы тот разрешил минометчикам открыть огонь. Несерьезно, правда? Что для танков осколочные мины? Ничего. Но выхода не было. Открыли мы беглый огонь по танкам. Странное дело, но танки поломали свой атакующий строй, а потом попятились назад. Взрывы мин сбили с

толку фашистских танкистов. Несколько мин упало прямо на танки и перепугало их такой непонятной бомбежкой. У фашистов нервы не выдержали, а мы выиграла время. Его военные истории были о взаимовыручке и находчивости простых солдат».

Кристалль Евгения Михайловна – моя соседка и замечательный человек. Ее знает весь дом. Это веселый и неунывающий человек, готовый всегда прийти на помощь. Она вспоминает тяжелые годы войны: «Мужчины ушли на фронт, остались только стар да мал. Работали все без выходных. За работу ставили трудодни, весь выращенный и собранный урожай сдавали государству. Трудились и взрослые и дети. Жали серпами, косили сено вручную. В колхозе еще сеяли лен, сажали картофель. Зимой нужно было прясть, ткать, шить одежду, вязать чулки и варежки. Носки и варежки отправляли на фронт. Дрова из лесу возили на салазках. Печи топили сырыми дровами. Было темно (не было керосина), холодно и голодно.

Весной собирали пистики, крапиву, молодые побеги с сосны и ели. Летом спасались грибами и ягодами. Осенью собирали колосья с поля. Зимой ели мясо умершей скотины – лошадей, коров». Когда она вспоминает военные годы, то часто закрывает глаза и подолгу так сидит. Я сначала думала, что она устает и ей тяжело. Но однажды заметила, как дрожат ее ресницы, и появляется слеза. Ей очень больно вспоминать то трудное время. Непосильная работа в лесу, потом работа в колхозе отразились на ее здоровье. Но Евгения Михайловна всегда находит в себе много сил и энергии. Она прошла трудной дорогой жизни и не расплескала душевной теплоты. Она никогда не останавливается перед трудностями, идет по жизни уверенно, думая о других и помогая им.

Я частый гость у Евгении Михайловны. Она живет одна, поэтому помощь требуется всегда. Захожу к ней с утра, так как учусь во вторую смену. А на праздники радую ее маленькими сувенирчиками. У нее есть две дочери и внуки, но они живут далеко. Я вижу, как она радуется моему приходу. Евгения Михайловна называет меня внучкой и тоже меня балует сладостями.

Комментарии к фотографиям

Часть 1. Воспоминания

- стр. 7.* Вырезка из газеты «Звезда»
- стр. 17.* Наша смена 1941 год
- стр. 17.* Наши ребята 1948 год
- стр. 18.* У своего барака 1948-1949 года
- стр. 18.* Однодневный дом отдыха от завода Верхняя Курья. 18 декабря 1949 года
- стр. 19.* У своего барака по ул. Саранской 1948 год (Власова справа)
- стр. 19.* Турник у барака Юн-городка
- стр. 20.* В Юн-городке
- стр. 21.* 1944 год. Специалисты завода № 33
Бывшие выпускники авиационного техникума, участники эстафеты на приз Газеты «Звезда»
- стр. 24.* Эмилия Горячая (Габова) в центре
- стр. 26.* Фото мамы – Григорьевой Тамары Васильевны и папы – Григорьева Николая Ивановича
- стр. 26.* Детский сад № 35. Город Молотов. 1945 год
В верхнем ряду – Юрик
- стр. 27.* Фото экипажа: слева лейтенант Литвинов А. П., в центре летчик Немченко А. Я., справа штурман Григорьев Н. И. (мой отец)
- стр. 28, 29.* 1941 год. Письмо с фронта
- стр. 42.* Эвакогоспиталь № 3149
- стр. 51.* 1941 год. Письмо
- стр. 53.* Фото из семейного архива
- стр. 54.* Фото из семейного архива
- стр. 56.* 1945 год. Старшая пионервожатая Ольга
- стр. 57.* Фото класса 29 мая 1941 года
- стр. 69.* 1943 год. Ремесленное училище № 8
(Аркадий внизу справа)

стр. 71. Середкин Михаил Федорович 1897 года рождения.

Призван в армию 01 сентября 1941 года

стр. 104. Смирнов Федор, брат

стр. 108. 1941 год. 6 класс школы № 22

стр. 116. 1942 год. Шиловский И.П.

Часть 2. Семейные истории

стр. 127. 1944 год. Заявление Мальгиной К.И.

стр. 129. 1942 год. Чеснокова А.П.

стр. 130. 1939-1945 год. Страница трудовой книжки
Чесноковой А.П.

стр. 133. Овчинникова Людмила Николаевна

стр. 133. 1950 год. Бабушкины подруги из цеха

стр. 135. Солдат Маланичев

стр. 135. Мои прабабушка и прадед

стр. 136. Мои родственники в 1954 году

стр. 140. Голюков Иван Васильевич

стр. 141. Голюкова Любовь Петровна в военном госпитале

стр. 148. Обрубщица сучьев Богатырева Тамара Андреевна

стр. 149. Тамара Андреевна – любительница
поплясать и частушки попеть

стр. 152. 1948 год. Пионерлагерь «Муравейник»

стр. 156. Мой прадед на передовой

стр. 161. Моя бабушка

стр. 163. 1941 год. Марина с отцом

стр. 164. Городской сад

стр. 165. Май 1954 год. Дом бабушки

стр. 168. 1944 год. Галя Ванд

стр. 170. Школа № 11. Выпуск 1941 года

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Предисловие</i>	3
Часть 1. Воспоминания	
Акинина А.А.	4
Белавина Т.А.	5
Бондаренко В.С.	7
Булгаков Л.И.	15
Власова Е.А.	17
Гордеев Н.В.	20
Горячая (Габова) Э.А.	23
Григорьев Ю.Н.	26
Гусева З.И.	30
Дворсон Л.Г.	36
Ежова Г.М.	37
Елфимова Л.А.	40
Зуева Т.А.	42
Иванова А.А.	43
Ильиных Т.М.	44
Калашникова М.С.	46
Кизим В.В.	48
Князева Т.С.	49
Кононова Г.Я.	52
Королев Э.М.	52
Курочкина (Просвирнина) О.А.	54
Лобанова Н.А.	59
Логинов В.А.	59
Лурье З.С.	61
Одинцова (Тюрина) Ф.В.	62
Погудина Я.В.	64
Простосердов А.М.	69
Пустобаева А.М.	71
Ромашова Л.А.	72
Савосина Г.А.	76
Семукова П.И.	77
Сергеева (Пешкова) И.А.	79

Слюнков С.С.	83
Смирнова Л.С.	88
Сумбайкина А.Н.	95
Суслова (Чертулова) Л.Р.	97
Тарунина (Красильникова) Л.Б.	98
Тетюева Л.А.	100
Трофимова К.В.	104
Тютнева А.Я.	105
Хлызова (Чазова) Г.Г.	108
Чупин С.А.	111
Шестакова Т.С.	114
Шиловский И.П.	116
Ширинкина Л.Г.	117

Часть 2. Семейные истории

Азанов А.	122
Арбузова Е.Е.	124
Бояршинова (Замятина) Е.Н.	127
Вахошкина Е.В.	128
Жукова З.	132
Идиятуллина Е.	137
Кваскова А.	138
Крахмальникова И.А.	139
Лысцова Е.А.	139
Макарова А.А.	141
Медведева А., Власова А., Мурашева В.	142
Меркушев С.	150
Николаева А. Е.	153
Опрелкова М.А.	154
Томилов Р.Н.	155
Трубниковы М.Ю. и М.Ю.	156
Федосовских А.	160
Филиппова С.	162
Фрейман Н.Я.	167
Чуклина А.Д.	170
<i>Комментарии к фотографиям</i>	172

Краеведческое издание

Так мы жили

Коллектив авторов
Составитель Н. Найденова
Редактор Н. Юрьева
Компьютерное исполнение Р. Волошина, Т. Новикова
Верстка и дизайн Я. Макарова

Подписано в печать 15.04.2010
Формат 60 x 84 1/16. Усл. печ. л. 10,23.
Тираж 300 экз. Заказ № 687

Отпечатано в ООО «Алекс-Пресс»
614070, г. Пермь, ул. Дружбы, 34
тел./факс: (342) 22-00-184, 22-00-186